

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2023**

3

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryshenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2023-3

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 3 (219) 2023 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 3 (219) 2023*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Акаев А.В. Зияраты святых в Чеченской Республике как религиозно-культурные объекты ...	4
Волкова В. О., Маркова Т.В., Волков И. Е. Когнитивная практика в понимании творчества	10
Перекрестова А.В. Точка как символ Абсолюта и проекция божественных атрибутов в концепции Николая Кузанского	17
Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В. Мем-манипуляция как инструмент информационных войн	25

Akaev A.V. Ziyarats of the Saints in the Chechen Republic as Religious and Cultural Objects	4
Volkova V. O., Markova T.V., Volkov I. E. Cognitive Practice in Creativity Understanding	10
Perekrestova A.V. The Point as a Symbol of the Absolute and the Projection of Divine Attributes in the Concept of Nicholas of Cusa	17
Chernikov M.V., Perevozchikova L.S., Avdeenko E.V. Meme-Manipulation as a Tool of Information Wars	25

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

Аверьянов А.В., Димидов Л.Г. Эпистемологическая ревизия и дискуссия в РСДРП 1908–1909 гг.: причины и последствия	38
Аганов А.А. Конфликт председателя Таганрогского института научной организации производства П.М. Есманского с С.Л. Вольмиром (по материалам Таганрогского филиала ГАРО)	44
Богданов М.С. Частное коллекционирование в СССР и новая советская элита	54
Венков А.В. Донские казаки против венгерских гусар: скифская война в Центральной Европе	61
Дайнеко И.В. Чарльз Джеймс Фокс и восточная политика Великобритании в период Русско-турецкой войны 1787–1791 годов	71

Averyanov A.V., Dimidov L.G. Epistemological Revision and Discussion in the Russian Social Democratic Labor Party in 1908-1909: Causes and Consequences	38
Aganov A.A. The Conflict Between the Chairman of the Taganrog Institute of Scientific Organization of Production P.M. Esmansky with S.L. Volmir (Based on the Materials of the Taganrog branch of the State Archive of the Rostov Region)	44
Bogdanov M.S. Private Collecting in the USSR and the New Soviet Elite	54
Venkov A.V. Don Cossacks against Hungarian Hussars: the Scythian War in Central Europe	61
Dayneko I.V. Charles James Fox and British Eastern Policy during the Russian-Turkish War (1787-1791)	71

Забелин А. В. Основные этапы строительства русских железных дорог в направлении Чёрного моря (1850–1900 гг.)	78
Карапетян Л. А. Финансовое законодательство Государственной Думы России третьего созыва начала XX века по сохранению и популяризации документального наследия Русско-японской войны 1904–1905 годов	83
Кудрявцева А. А. Балканский полуостров в 1912–1913 годы и обострение ситуации накануне Первой мировой войны	92
Петров А. С. Экскурсионная работа в системе классических гимназий (по материалам Астраханской мужской гимназии в начале XX в.)	97

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Узнародов Д. И. Анализ показателей социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым (2019–2022 гг.)	103
Узнародов И. М. Социально-экономические проблемы современной Великобритании и антиросийская политика её правительства	110
Koroleva E.N., Vostrikov A.V., Abramov V.S. Amélioration par la Banque de Russie de la Régulation des Activités des Établissements de Crédit Utilisant des Instruments Macroprudentiels	119

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Агафонов А. И. Генерал от кавалерии, войсковой атаман Донского войска граф Матвей Иванович Платов (к 270-летию со дня рождения)	126
--	-----

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Мининков Н. А. – <i>Покровский Н. Н.</i> Письма и воспоминания / отв. ред. Н. П. Матханова, Л. В. Титова. СПб.: Нестор-История, 2022. 716 с.	133
--	-----

Zabelin A. V. The Main Stages of the Construction of Russian Railways in the Direction of the Black Sea (1850-1900)	78
Karapetyan L.A. Financial Legislation of the State Duma of Russia of the Third Convocation of the Early 20th Century on the Preservation and Popularization of the Documentary Heritage of the Russian-Japanese War of 1904-1905	83
Kudryavtseva A.A. The Balkan Peninsula in 1912-1913 and the Aggravation of the Situation on the Eve of the First World War	92
Petrov A.S. Excursion Work in the System of Classical Gymnasiums (Based on the Materials of the Astrakhan Male Gymnasium at the Beginning of the 20th Century)	97

ECONOMIC SCIENCE

Uznarodov D.I. Analysis of Indicators of Socio-Economic Development of Municipalities of the Republic of Crimea (2019-2022)	103
Uznarodov I.M. Socio-Economic Problems of Contemporary Britain and the Anti-Russian Policy of Its Government	110
Koroleva E.N., Vostrikov A.V., Abramov V.S. Amélioration par la Banque de Russie de la Régulation des Activités des Établissements de Crédit Utilisant des Instruments Macroprudentiels	119

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Agafonov A. I. General of Cavalry, Military Ataman of the Don Army, Count Matvey Ivanovich Platov (to the 270th Anniversary of His Birth)	126
--	-----

BOOK REVIEWS

Mininkov N.A. – <i>Pokrovsky N.N.</i> Letters and memoirs. Ed. by N.P. Matkhanova, L.V. Titova. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2022. 716 p.	133
---	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 297.1

doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-4-9

ЗИЯРАТЫ СВЯТЫХ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Асламбек Вахидович Акаев

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный, Чеченская Республика, Россия
lamroaslan@mail.ru

Аннотация. Анализируются духовно-культурные объекты – зияраты, бытующие в Чеченской Республике. Раскрываются их особенности, опыт изучения и современное функционирование. Строительство суфийских надгробий, их реконструкция, периодическое посещение верующими как распространенная практика мусульман региона составляет важный компонент их традиционной духовной культуры. Этот религиозный институт в годы советской власти характеризовался как явление реакционное, вредоносное, что должно было быть искоренено. Этой же позиции придерживались ученые, проводившие атеистические исследования, в том числе и социологические, в которых раскрывался «реакционный» характер зияратов в духовно-культурной жизни верующих. Между тем в современных исследованиях наблюдается отход от атеистической позиции, рассматривается позитивная роль зияратов в традиционной культуре чеченцев, способствующая формированию нравственной возвышенной и духовной культуры верующих.

Ключевые слова: суфизм, тарикат, накшбандийа, кадирийа, шазилийа, вирды, устаз, зияраты

Для цитирования: Акаев А.В. Зияраты святых в Чеченской Республике как религиозно-культурные объекты // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 4–9.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ZIYARATS OF THE SAINTS IN THE CHECHEN REPUBLIC AS RELIGIOUS AND CULTURAL OBJECTS

Aslambek V. Akaev

Ibragimov Integrated Research Institute, Russian Academy of Sciences, Grozny, Chechen Republic, Russia
lamroaslan@mail.ru

Abstract. The article analyzes spiritual and cultural objects - ziyarats, existing in the Chechen Republic. Their features, experience of studying and modern functioning are revealed. The construction of Sufi tombstones, their reconstruction, periodic visits by believers, as a common practice of Muslims in the region, which is an important component of their traditional spiritual culture. This religious institution during the years of Soviet power was characterized as a reactionary, harmful phenomenon, and had to be eradicated. The same position was held by scientists who conducted atheistic studies, including sociological ones, in which the “reactionary” nature of ziyarats in the spiritual and cultural life of believers was revealed. Meanwhile, in modern studies, there is a departure from an atheistic position, while considering the positive role of ziyarats

in the traditional culture of the Chechens, contributing to the formation of a moral lofty and spiritual culture of believers.

Keywords: Sufism, tariqa, Naqshbandi, Qadiriyya, Shadhili, wirts, ustaz, ziyarats

For citation: Akaev A.V. Ziyarats of the Saints in the Chechen Republic as Religious and Cultural Objects. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):4-9. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Рассмотрим такой религиозный институт, как зияраты, которые в течение нескольких веков бытуют на территории Чеченской Республики. Возникновение, изучение их, а также их современное воздействие на духовное состояние мусульман – важнейшая часть традиционной духовной культуры чеченцев, ингушей, а также народов Дагестана, среди которых широко распространены суфийские ценности. Зияраты представляют собой надгробия, часто и усыпальницы, которые строятся на могилах мусульманских пророков, святых людей.

В переводе с арабского термин «зиярат» (زيارة – араб.) означает посещение, совершаемое мусульманином к святым местам. Оно рекомендовано в исламской традиции и является обязательным в свете некоторых пророческих традиций (хадисов). Посещение могилы Пророка мусульман является высшей сунной для всех мужчин и женщин. Некоторые имамы добавили, что сунной является и посещение могил других пророков (*анбийа*'), святых (*аулийа*') и благочестивых (*салихун*).

Зиярат как форма паломничества совершается к могилам пророков, святых людей, суфийских шейхов. Как правило, их захоронения представляют собой усыпальницы, мавзолеи над могилами. И этот культ широко распространен среди мусульман различных регионов мира. Мусульманин, оказавшись в тяжелой жизненной ситуации, совершает паломничество к могиле святого, предусматривающее определенные ритуалы. Он просит у Всевышнего благодати, избавления от болезни, других жизненных неурядиц, улучшения материального положения.

Культ святых достаточно широко распространен среди мусульман разных стран. Свои региональные особенности он имеет на Северном Кавказе, в том числе и Чеченской Республике, что связано с историей, военно-политическими и местными этнокультурными явлениями, которые исторически сложились в период российско-кавказских взаимоотношений в первой половине XIX в. Они сопряжены с проникновением на Северный Кавказ и функционированием таких суфийских тарикатов, как накшбандийа, кадирийа, а позже и шазилийа. Последователи этих тарикатов, именуемые мюридами, преследовались как в царское, так и в советское время. Деятельность мюридов считалась враждебной, фанатичной, она решительно пресекалась, многие из них подвергались осуждениям, ссылкам.

Тарикат накшбандийа в Дагестане появился в период активизации завоевательной политики царизма в 20-х гг. XIX в., тарикат кадирийа появляется в Чечне в конце Кавказской войны. Тарикат шазилийа в Дагестане утверждается в конце существования царизма, уже при советской власти [1]. Военно-политические события, преследования со стороны власти привели к тому, что в течение полутора веков тарикаты накшбандийа и кадирийа подвергались определенным преобразованиям, сегментации, менялись их практика и идеологические установки. Они делятся на вирды, малые религиозные группы, которые возглавлялись устазами, именуемыми верующими авлийа. Духовно-культурная и нравственная деятельность этих суфийских групп оказывали позитивное воздействие на мировоззрение мусульман региона.

Тарикат накшбандийа проник в Чечню в 30-е гг. XIX в. благодаря деятельности наиба Шамиля Тащу-Хаджи. В чеченском селении Саясан ныне находится его зиярат, периодически посещаемый многими мусульманами Чечни, Дагестана, Ингушетии. Ныне в суфийской культуре Чеченской Республики существуют более 25 шайхов накшбандийа, имеющих свои мавзолеи, места захоронения, ставшие святыми и систематически посещаемые мусульманами.

В советский период тарикаты, вирды, зияраты с позиций атеизма анализировали А. Саламов, М. Мустафинов, Х. Боков. Так, А. Саламов писал: «Разжигая религиозный фанатизм, воспитывая мюридов в духе “превосходства” и “избранности” их аллахом, шейхи, устазы насаждали

среди верующих дух отчужденности, враждебности к инакомыслящим, создавали нетерпимость во взаимоотношениях не только с другими народами, но и между мюридами разных толков» [2, с. 164].

Критикуя реакционную сущность зикризма, т. е. сторонников вирдов Кунта-Хаджи, М.М. Мустафинов утверждал, что «один из пунктов неписанного устава современных зикристов, беспрекословно подчиняться тамаде, туркху и внутренним распорядам братства» [3, с. 39]. По мнению Х.Х. Бокова, религиозные предрассудки являлись самым сильным тормозом в духовном развитии значительной части мусульманского населения Чечено-Ингушетии. С его точки зрения, мюридизм мусульманских сект стремился привести мусульман в антагонизм с коммунистической моралью и советским законодательством [4, с. 193].

В Чечено-Ингушской АССР последователи вирдовых братств рассматривались в качестве фанатиков, реакционеров, мракобесов, сдерживающих строительство коммунистического общества. Как утверждают очевидцы, каждый идеологический пленум Чечено-Ингушского обкома КПСС или Грозненского горкома партии не проходил без критики чеченских или ингушских вирдовых братств, деятельность которых являлась явным тормозом на пути развития социализма.

В современной Чеченской Республике к вирдам как кадирийа, так и накшбандийа относятся суфийские группы: Кунта-Хаджи Кишиева, Баматгири-Хаджи (Иовда), Чиммирзы, Али Митаева, Мани-шейха, Юсуп-Хаджи Махкетинского, Висит-Хаджи (с. Гельдиген), Вис-Хаджи Загиева, Абу (Башир-шейха), Дени Арсанова, Солса-Хаджи, Сугаипа-Хаджи, Юсуп-Хаджи, Узун-Хаджи и др. Кроме шейха Кунта-Хаджи Кишиева, названные шейхи имеют свои зияраты, которые периодически посещаются последователями. Д. Месхидзе описывает зиярат Хеди, матери Кунта-Хаджи, расположенный на горе Эртин-Корт в селении Гуни Веденского района Чеченской Республики, а также зияраты Ташу-Хаджи, Докку-шейха, Али Митаева [5, с. 107] с указанием мест их захоронений.

По приблизительным данным, общее число зияратов, существующих в Чеченской Республике, ныне превышает 150 объектов. Преобладающее их число относится к суфийским шейхам; имеются зияраты, которые принадлежат несуфийским шейхам. В своей книге М. Вачагаев приводит подробное описание 167 зияратов, бытующих в Чеченской Республике, размещает 322 фотографии устазов и их зияратов, 315 из них являются эксклюзивными из личной коллекции автора [6, с. 3]. Многие зияраты, указанные в его работе, принадлежат чеченским, ингушским и дагестанским святым, среди них имеются и те, кто числится среди суфийских шейхов, например зияраты шейха Термаола, Берса-шейха, Бети-шейха, которые жили в начале XVII в. и распространяли ислам.

Отношение чеченцев к своему духовному наследию является бережным, трепетным, даже глубоко сакральным. Побывав во многих селах Чечни в поисках могил шейхов и устазов, М. Вачагаев пишет, что, посещая в заброшенных селах зияраты святых, он обнаружил, что чеченцы, не сохранив собственные дома, сохранили святые места, зияраты, многие из которых были идеально ухожены [6, с. 38].

В Ингушетии находится зиярат Батал-Хаджи Белхароева, расположенный в Сурхахгах, там же построена мечеть, названная последователями в его честь. Для мусульман Северного Кавказа эти места глубоко почитаемы и являются сакральными. Их посещают в любое время года, а в месяц рамадан паломничество приобретает массовый характер.

Суфийская культура широко распространена и в Республике Дагестан. Наличие зияратов, посещение их описываются в исследованиях К.М. Ханбабаева и Ш. Шихалиева. Так, К.М. Ханбабаев писал о наличии в Дагестане действующих шейхов, принадлежащих разным тарикатам, вирдам, о последователях, а также об их воздействии на духовную культуру народов Дагестана [7, с. 121–129]. Ш. Шихалиев же установил наличие в Дагестане более 800 святых мест (зиярат), могил, почитаемых мусульманами. Среди них, как он сообщает, имеются и захоронения известных суфиев XIX – XX вв. – Мухаммеда ал-Йараги в Согратле, Ильяса ал-Цудахари в Парауле, Али-Хаджи в Акушах и др. Он подтверждает, что захоронения святых в Дагестане являются объектами массового паломничества верующих [8].

В исследованиях М.Д. Солтамурадова, В.Х. Акаева анализируются тарикаты, вирды, зияраты, существующие в Чечне, которые характеризуются как явления духовно-культурного наследия. Этими авторами опубликованы десятки научных работ, в том числе и монографии, в которых суфийское духовно-культурное наследие широко осмысливается [9–13].

Если в годы советской власти атеистами в Чечено-Ингушетии велась беспощадная борьба против суфийских традиций, исторически сложившихся, то сегодня отношение к ним диаметрально противоположное. Эти традиции признаются как важные формы культурного наследия, сохраняющие духовные ценности чеченцев, скрепляющее их духовное единство, влияющее на культурное развитие. В Чеченской Республике, благодаря активной деятельности Р.А. Кадырова, реконструированы и вновь построены зияраты народным святым, суфийским учителям. Отремонтированы дороги, ведущие к ним, окультурены территории их захоронений. Число верующих, посещающих святые места в Чеченской Республике, заметно увеличивается.

В разных исламских течениях зиярат воспринимается по-разному. Для одних ритуал зиярат является нововведением (*бид'а*), появившемся в связи с возникновением и развитием мусульманского культа «святых». А для других он занимает прочное место в их религиозном мировосприятии. Культ святых широко распространен в духовной культуре многих народов Северного Кавказа. Имена святых, их духовно-нравственные высказывания, часто воспроизводятся в религиозном дискурсе, ритуалах и *назмах* (песнопениях). Деяния и места захоронения святых, как правило, окутаны мистической таинственностью.

У ингушей накануне месяца рамадан существует обряд посещения могилы святого Батал-Хаджи, в Дагестане – зиярат захидов, который посещается паломниками, совершающими зикры и мавлиды, в Чеченской Республике – зиярат Хеди, матери Кунта-Хаджи Кишиева.

В Чечне, Ингушетии зияраты святых посещают не только рядовые мусульмане, но и государственные деятели, исповедующие ислам, почитающих суфийских шейхов. Так, в начале месяца рамадан, 12 сентября 2007 г., зиярат Батал-Хаджи посетил Президент Республики Ингушетия Мурат Зязиков. Выступая перед паломниками, он заявил: «Вера во Всевышнего помогла нам пережить все тяготы и трудности, которые преподносила нам жизнь. Уверен, что именно религия поможет нам сохранить нравственность, стать более милосердными и терпимыми друг другу» [14].

Зиярат Ташу-Хаджи посещают множество людей разного возраста из других республик, часто приезжают группами на нескольких автобусах. Местные жители всегда рады гостям и гордятся тем, что святую могилу навещают не только чеченцы, но и мусульмане других национальностей. В 2013 г. по поручению главы Чеченской Республики Р. Кадырова зиярат Ташу-Хаджи был реконструирован [15].

17 июня 2017 г. глава Чеченской Республики побывал у зиярата Берса-шейха, одного из первых проповедников, распространявших ислам в конце XVI в. среди чеченцев мирными средствами. 3 января 2018 г. в День памяти Кунта-Хаджи в Веденском и Курчалоевском районах Чеченской Республики произошло знаменательное событие – были открыты три зиярата известных чеченских шейхов Узун-Хаджи в райцентре Ведено, Юсупа-Хаджи в селе Махкеты и Янгульби-Хаджи в райцентре Курчалой. Все эти святые места были посещены делегацией во главе с главой Чеченской Республики Р. Кадыровым [16].

В Чеченской Республике сложилась практика совершения школьниками Грозного в месяц рамадан зиярата к могилам чеченских святых. Это связано и с тем, что реализовывалась Концепция духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Школьники на паломничество выезжают к местам захоронения чеченских святых в Грозненском и Веденском районах. Прежде всего это зиярат шейха Абдул-Азиза Шаптукаева в селении Толстой-Юрт и зиярат Хеди, матери авлия (святого) Кунта-Хаджи Кишиева, в селении Эртан [17].

Среди часто посещаемых чеченских святынь – мавзоль Ташу-Хаджи, расположенный в селении Саясан Ножай-Юртовского района. Так, глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров посетил его вместе со своей свитой 15 июня 2022 г. Там он рассказал некоторые сюжеты, связанные с жизнью святого, и при этом демонстрировал якобы принадлежавшие ему предметы, в частности, огнестрельное оружие, кинжал.

Многие места захоронений чеченских святых сегодня можно рассматривать как культурные памятники, имеющие для народа большое историческое и духовно-культурное значение. Такие зияраты, как Ташу-Хаджи в с. Саясан, Хеди, матери Кунта-Хаджи в с. Гуни, Баммат-Гирей-Хаджи в с. Автуры, Дени-шейха в с. Кень-Юрт, Солса-Хаджи в Урус-Мартане и др., могли бы быть внесены в список культурных объектов, находящихся под охраной ЮНЕСКО. Зиярат Хеди матери Кунта-Хаджи считается одним из 25 священных мест в Российской Федерации.

Список источников

1. Акаев В.Х., Мирзаев С.Б. Тарикат шазилия в Дагестане: факторы появления, сущность и социокультурная роль // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2011. № 6. С. 5–9.
2. Саламов А. Правда о «святых местах» в Чечено-Ингушетии // Сб. ст. Чечено-Ингушского НИИ при Совете министров ЧИАССР. Грозный, 1964. С. 155–169.
3. Мустафинов М.М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1975. 44 с.
4. Боков Х.Х. Интернационализм на деле. М.: Сов. Россия, 1984. 224 с.
5. Ислам на территории бывшей Российской империи : энцикл. словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Восточная лит-ра, 1998.
6. Вахагаев М. Шейхи и зияраты Чечни. М., 2009. 304 с.
7. Ханбабаев К.М. Тарикаты в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2001.
8. Шихалиев Ш. Суфийские вирды накшбандийа и шазилия в Дагестане. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sufiyskie-virdy-nakshbandiya-i-shaziliya-v-dagestane> (дата обращения: 15.05.2023).
9. Солтамурадов М.Д. Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008.
10. Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи Кишиев: жизнь и учение. Грозный: Изд-во ГНИР, 1994. 128 с.
11. Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. 26 с.
12. Акаев В.Х. Суфизм на Северном Кавказе: теоретические и прикладные аспекты. Ростов н/Д., 2011.
13. Акаев В.Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. Грозный: Кн. изд-во, 2020. 523 с.
14. Зязиков посетил зиярат Батал-Хаджи. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2007/09/12/413151.html> (дата обращения: 15.05.2023).
15. Тутуева А. Святое место – зиярат Ташу-Хаджи // Вести Республики. 2014. 20 марта.
16. Три зиярата открыты в Чечне в день памяти Кунта-Хаджи Кишиева. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/314652/> (дата обращения: 15.05.2023).
17. Паломничество школьников в Чечне сопровождалось лекциями об Ахмате Кадырове. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/33> (дата обращения: 15.05.2023).

References

1. Akaev V.Kh., Mirzaev S.B. Shadhili Tariqa in Dagestan: factors of appearance, essence and socio-cultural role. *Izvestiya vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2011;(6):5-9. (In Russ.).
2. Salamov A. The truth about the “holy places” in Chechen-Ingushetia. *Collection of Articles of Chechen-Ingush Research Institute under the Council of Ministers of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic*. Grozny, 1964:155-169. (In Russ.).
3. Mustafinov M.M. *Zikrism and its social essence*. Grozny: Chechen-Ingush Publishing House; 1975. 44 p. (In Russ.).
4. Bokov Kh.Kh. *Internationalism in action*. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ.; 1984. 224 p. (In Russ.).
5. Prozorov S.M., comp. and ed. *Islam on the territory of the former Russian Empire*. Encyclopedic Dictionary. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.; 1998. (In Russ.).
6. Vachagaev M. *Sheikhs and ziyarats of Chechnya*. Moscow, 2009. 304 p. (In Russ.).

7. Khanbabaev K.M. Tariqas in Dagestan. *Alims and scientists against Wahhabism*. Makhachkala: Dagestan Publishing House; 2001. (In Russ.).
8. Shikhaliev Sh. *Sufi Naqshbandi and Shadhili wirts in Dagestan*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sufiyskie-virdy-nakshbandiya-i-shaziliya-v-dagestane> [Accessed 15th May 2023]. (In Russ.).
9. Soltamuradov M.D. *Sufism in the culture of the peoples of the North-Eastern Caucasus*. Rostov-on-Don: North Caucasus Research Center of the Higher School of the Southern Federal University Press; 2008. (In Russ.).
10. Akaev V.Kh. *Sheikh Kunta-Haji Kishiev: life and teachings*. Grozny: Grozny Oil Research Institute Press; 1994. 128 p. (In Russ.).
11. Akaev V.Kh. *Sufism and Wahhabism in the North Caucasus*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences Press; 1999. 26 p. (In Russ.).
12. Akaev V.Kh. *Sufism in the North Caucasus: theoretical and applied aspects*. Rostov-on-Don, 2011. (In Russ.).
13. Akaev V.Kh. *Sufism in the context of Arab-Muslim culture*. Grozny: Publishing House; 2020. 523 p. (In Russ.).
14. Zyazikov visited Batal-Haji ziyarat. Available from: <https://www.rosbalt.ru/russia/2007/09/12/413151.html> [Accessed 15th May 2023]. (In Russ.).
15. Tutueva A. Holy place - ziyarat Tashu-Haji. *Novosti respubliki = News of the Republic*. 2014. March 20. (In Russ.).
16. *Three ziyarats are opened in Chechnya on the day of memory of Kunta-Haji Kishiev*. Available from: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/314652/> [Accessed 15th May 2023]. (In Russ.).
17. *The pilgrimage of schoolchildren in Chechnya was accompanied by lectures about Akhmat Kadyrov*. Available from: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/33> [Accessed 15th May 2023]. (In Russ.).

Информация об авторе

A.V. Akaev – младший научный сотрудник лаборатории филологии и культурологии.

Information about the author

A.V. Akaev – Junior Researcher of the Laboratory of Philology and Cultural Studies.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 14.06.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья

УДК 101.1

doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-10-16

КОГНИТИВНАЯ ПРАКТИКА В ПОНИМАНИИ ТВОРЧЕСТВА

Вера Олеговна Волкова¹, Татьяна Владиславовна Маркова², Илья Евгеньевич Волков³

^{1,2,3} Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева,

Нижний Новгород, Россия

¹ veravolkova@mail.ru

² tat.markova2011@yandex.ru

³ volki@rambler.ru

Аннотация. Творчество является всеобщей категорией описания возможностей человека. В условиях информационной эпохи углубляются представления о сложности его онтологии и существования в множестве реальностей, дискурсов и ролей. Неклассическая онтология человека изменила представления о творчестве исследователя. Доказательства переходят от жестких определений философских конструктов к их раскрытию в дискурсе. Когнитивная практика возникает в дискурсе творческих возможностей человека в единстве разума и чувства. Творчество экзистенциально по своей природе благодаря восприятию терминов как способов организации дискурса о творческом бытии человека в мысли. Термин *cogito* есть образ реальности. Он помогает рассматривать творчество в аспекте его умственного (когнитивного) понимания. В нем заключен смысл практики исследования. Он содержит формализуемые и неформализуемые аспекты, логику и внутреннее чувство. Сложные термины объединяют в себе бытие и познание, существование и знание. Таким термином является «ум». Когнитивная практика в развитии движется от понимания концепции интеллекта к пониманию концепции ума как технологии знакового мышления. Познание становится телесным умом. Когнитивная практика не сводится к изучению когнитивных способностей человека. Она обусловлена творческой силой его ума.

Ключевые слова: когнитивная практика, творчество, термин, коммуникация, технология, знание, слово, образ

Для цитирования: Волкова В. О., Маркова Т.В., Волков И. Е. Когнитивная практика в понимании творчества // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 10–16.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

COGNITIVE PRACTICE IN CREATIVITY UNDERSTANDING

Vera O. Volkova¹, Tat'yana V. Markova², Ilya E. Volkov³

^{1,2,3} Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, Nizhny Novgorod, Russia

¹ veravolkova@mail.ru

² tat.markova2011@yandex.ru

³ volki@rambler.ru

Abstract. Creativity is a universal category for describing human capabilities. In the conditions of the information age, ideas about the complexity of the ontology of a person and his existence in a variety of realities, discourses and roles deepen. The non-classical ontology of man has changed the ideas about the work of the researcher. Evidence moves from rigid definitions of philosophical constructs to their disclosure in discourse. Cognitive practice arises in the discourse of human creative possibilities in the unity of reason and feeling. Creativity is existential in nature due to the perception of terms as ways of organizing a discourse about the creative being of a person in thought. The term *cogito* is an image of reality. It helps to consider creativity in the aspect of its mental (cognitive) understanding. It contains the meaning of the practice of re-

search. It contains formalizable and non-formalizable aspects, logic and inner feeling. Compound terms combine being and knowledge, existence and knowledge. That term is “mind”. Cognitive practice in development moves from understanding the concept of intelligence to understanding the concept of mind as a technology of enactive thinking. Cognition becomes body mind. Cognitive practice is not limited to the study of human cognitive abilities. It is due to the creative power of the human mind.

Keywords: cognitive practice, creativity, term, communication, technology, knowledge, word, image

For citation: Volkova V. O., Markova T.V., Volkov I. E. Cognitive Practice in Creativity Understanding. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):10-16. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Терминологическая обусловленность когнитивной практики

Термин *cogito* является источником дедукции Р. Декарта и способом устройства образа науки, которую можно найти внутри самого себя в качестве опыта, поставленного на самом себе. Опыт, который каждый может испытать на самом себе – *cogito ergo sum*, является точкой отсчета для достоверности познания, не нуждающейся в спорах и дискуссиях. Мыслящая субстанция *cogito ergo sum* дана непосредственно в акте осознания своего мышления, а протяженная субстанция раскрывается в исследовании *cogito*. Этот термин отличен от традиционно понимаемой формулы картезианства классической философии. Он открывает поле исследования сознания в доступности его реконструкции для решения многих исследовательских задач: взаимоотношения разума и чувства, семиотики в обработке языковой информации и понимания, передачи знания в условиях непрерывной коммуникации и т.д.

Прежде всего, *cogito* – это термин. Термин в науке — это слово, которое прошло своеобразную закалку многими учениями, концепциями, знаниями. Как такое «зрелое слово» [1, с. 205], этот термин не просто создает образ реальности: оно «само есть образ реальности». Согласно современному пониманию учения П. А. Флоренского, термин включает в себе смысл исследования – неизвестный по стереотипам и преднамеренным трактовкам, но заключающий в себе потенциал быть заново исследованным [1, с. 204]. Это означает, что *cogito* это не только обозначение оперативной стороны мышления, но и готовый к рассмотрению ряд уникальных мыслительных операций, своего рода «сгущенное слово» [1]. Еще одной чертой термина *cogito*, хотя П. А. Флоренский и не употребляет это слово, можно назвать способность к визуализации представленного к освоению материала: картина или статуя «принципиально суть слова» [1, с. 204].

Расширенное представление термина содержит в себе установки встраивания слова в образ и образа в слово.

Потенциальное применение термина *cogito* в операциях мышления открывает образ реальности как полноту способности мыслить не только формализованными содержаниями, но и включать аспекты, не подлежащие формализации. Р. Декарт в афоризме *cogito ergo sum* подчеркнул именно этот аспект – мышление и бытие соединены друг с другом как то, что может рационально осмыслиться, и то, что выходит за пределы рациональности как момент творчества.

Таким образом, термин *cogito* образует собственное поле исследования, состоящее в способности человеческой природы обнаруживать реальность своего существования. С. С. Аверинцев выявляет отличительные признаки человеческого разума [2], который в разных формах схватывает реальность жизни. Классический разум, начиная с эпохи Платона, трактует интуицию как «озарение ума, как непосредственное усмотрение истины умом». Это означает, что где-то существует истина, а человек встречается с ней непосредственно при помощи имеющихся у него способностей к открытию нового содержания, заложенного в «истине». Классический разум воспроизводит творчество как способность субъекта к обновлению знания. В последующих учениях классическая традиция распадается. Л. Фейербах связывает интуицию с чувственностью, А. Бергсон – с творческой эволюцией, З. Фрейд – с бессознательным. Обыденный разум видит в неформализуемых конструкциях противоположность умственному началу. Современные теории информатики трактуют творчество интеллекта через ограничение содержания,

доступного только компьютеру, что органично противопоставляет «искусственный интеллект» естественному интеллекту.

Здесь видится заблуждение, исходящее из забвения традиций.

Старославянское «ум» включает «целостную полноту способности мышления», включающую как формализуемые (рационально) аспекты, так аспекты, которые формализации не допускают. При этом как первые, так и вторые аспекты относятся к сфере мышления [2].

Когнитивная практика реконструирует исследовательские задачи в связи с творчеством не только применительно к человеку. А. Бергсон в труде «Творческая эволюция» (1907) распространяет понятие творчества на феномен биологической эволюции и свойства неживой природы. У.Р. Матурана и Ф.Х. Варела вводят термин «автопоэзис» – самотворение, что предполагает наличие в любой элементной базе циклических механизмов самосохранения в изменчивых условиях [3].

Особая роль в обобщении когнитивной практики творчества связана с антропологическим транзитом XXI в. и с синергетикой. Синергетический подход включает творчество как аспект феномена самосборки нелинейной саморазвивающейся системы на различных уровнях ее самоорганизации. Чтобы породить творческие акты, достаточно ввести в самоорганизующуюся систему режим резонанса.

Человек обладает уникальной способностью не только обнаруживать, но и выражать в языке специфику реальности встречи мышления с информацией. Когнитивная обработка начинается с поступления информации во время чтения, дискурса, любого знакомства с текстами как с системами связанности каких-либо данных. Она осуществляется как в моменты порождения речи, так и в моменты ее понимания. При исследовании когнитивной практики языка приходится учитывать природную способность языка выражать свое содержание в интеракции – взаимодействии языка с другими когнитивными структурами, такими как восприятие или память. Исследования в данной области когнитивной практики пересекаются с исследованиями в психологии и психолингвистике (М. Эриксон, Р. Уилсон, Н. Хомский).

Терминологическая обусловленность когнитивной практики обеспечивает участие человека в познании. Мысль, заключенная в языке, определяет реальность, в которой объединяются возможности коммуникации и дискурса. Через эти возможности можно выразить как формализуемые, так и не формализуемые стороны человеческой субъективности.

Технологический аспект когнитивной практики

С появлением компьютеров расширяется представление о когнитивной практике как определенном поле исследования. Возникает представление о соотношении человека и машины в соревновании между ними по эффективности и, главное, скорости обработки больших данных. Человек невольно приравнивается к машине как информационно-обрабатывающая система. Это положение проявляется в когнитивизме как отдельно выделяющемся направлении когнитивной практики [4].

В ходе сравнения результативности деятельности человека и машины выявились черты сходства в операциях с символами. Однако было отмечено и отличие. Человек в ходе языковой обработки данных отличается от машины воздействием на его работу условий коммуникации. Коммуникация, в свою очередь, зависит от ситуации, которая и делает когнитивную практику человека интенциональной. Анализ дискурса не только допускает обработку информации, но включает в себя способы ее передачи, дополнительные контуры когнитивной практики – движения говорящего, жесты, повороты головы и прочие изобразительные условия. Без этой культуры дискурса когнитивная практика оказалась бы обедненной. Таким образом, когнитивная практика рассчитана на разнообразные способы передачи информации как словесной, так и выразительно телесной.

Расширение технологического аспекта когнитивной практики связано, с одной стороны, с возвратом к традиционным ценностным структурам антропологии (ум-тело-душа), а с другой – с соединением этих аспектов с когнитивными исследованиями и с их вписанием в более объемный контекст исследований.

Е. Н. Князева выдвигает концепцию «познающего тела» и «движущегося ума», связывая вместе когнитивные исследования, «науки о жизни» (life sciences) и философию познания [5]. В конце XX в. активно развивается концепция встроенного энактивного познания. Процесс познания имеет телесную природу. Благодаря этой особенности человека восприятие «является направленным на мир и само-направленным» [6, р. 68].

Познание встраивается в телесность, а индивидуальные навыки развиваются в более широком психологическом и культурном процессе. Познание — это активный процесс действия, который оказывается неотделим от восприятия в контексте «живой когнитивной системы» [7].

С точки зрения Е. Н. Князевой, когнитивная практика представляет собой целостное явление «тела-сознания»: «сознание отелеснено, воплощено (embodied mind), а тело одухотворено, оживлено духом» [5, с. 340].

Встроенное энактивное познание обладает характеристиками конструирования при помощи творческого воображения различного рода социальных и личностных проектов, проведения экспериментов с реальностями как природными, так и социальными. Оно открывает путь развитию био- и нанотехнологий и их применению в совершенствовании типов реальностей. Технологический аспект когнитивной практики расширяется от рассмотрения устройств техно-сферного мышления до работы с телом как проводником воплощенного интеллекта.

При этом остается проблемой судьба гуманитарных сторон когнитивной практики.

Когнитивная практика как творческая сила

В строгом смысле слова когнитивную практику современной действительности нельзя отнести к научной рациональности, как последнюю понимает объективная наука. Неформализуемые аспекты когнитивной практики выявляются в качестве субъективной предрасположенности человека к познанию.

В разрешении противоречия между разумом и чувством И. Кант придает особое значение «внутреннему чувству» [8, с. 78]. Внутреннее чувство обладает формой индивидуального времени. Наличием такого рода времени это внутреннее чувство и обусловлено. Оно есть «созерцание нас самих и нашего состояния» [8, с. 78]. Рассудок действует на чувственность и от этого воздействия проявляется способность воображения как «фигурный синтез» [8, с. 151], отличный от интеллектуального синтеза, из которого вырастает рациональность. Чувственность при посредстве рассудка стремится использовать воображение как инструмент для проявления высокоорганизованных чувств в творчестве.

Объективным считается эмпирическое исследование, результатом которого будет научная доказательность. Это построение отказывается принимать внутреннее субъективное чувство как достойное внимания. С субъективными чувствами доказательность не работает. Однако И. Кант говорит о некотором парадоксе, который поразительно открывает возможность введения в когнитивную практику «внутреннего чувства»: «внутреннее чувство представляет сознанию даже и нас самих только так, как мы себе являемся, а не как мы существуем сами по себе, потому что мы созерцаем себя самих так, как мы внутренне *подвергаемся воздействию*» [8, с. 152].

Из этого утверждения вытекают выводы о том, что продуктивное воображение составляет значительную долю антропологической природы человека. Воображение помогает человеку знать, делать, надеяться и потому являться человеком. Оно способно смутить знание человека о себе, так как это всего лишь *рисунок, данный* воображением – явление, которое только предстоит познать. Это познание напоминает бег с барьерами из-за обстрела воздействиями, которым человек подвергается и информационно, и психологически, как извне, так и изнутри.

В представлении о неустойчивости человека включается определение научного творчества как когнитивной практики с включенной в его существование целостной природой, биологической и мифопоэтической сторонами различных фигурных синтезов, стимулирующих творческую деятельность в мышлении.

Термин *cogito* несет на себе особенности не только когнитивных наук, но и познавательной деятельности человеческого рода. При этом имеет место быть пересечение познания и бытия, известное со времен античности: вначале быть, а потом познавать. В новой онтологии, форми-

рующейся на фоне информационной культуры и расширенного понимания творчества, бытие и познание включены в эпистемологический контекст. Уход от научных фактов в мир виртуальных представлений ведет к усилению «символических обменов» [9], имитациям и иллюзиям, скрытых нарративами.

Особая роль в организации когнитивной практики придается интерпретации, которая во многом зависит не только от личности говорящего и слушающего, но и от того контекста творчества, который является триггером системного исследования.

И. Т. Касавин считает, что философское понимание научного творчества не может ограничиваться анализом когнитивных способностей. Для системного исследования оказывается важным помещением творчества в «пространство между уникальностью творческой личности и механизмами социального признания» [10]. Социальное признание предполагает восприятие творческих продуктов окружением, а также стимулирует обратную реакцию на это восприятие творческой личности. При этом творческие способности могут быть возведены в культ, что автор показывает на примере прекариата [10].

Таким образом, творчество оказывается многоаспектным феноменом и своеобразной деятельной интерпретацией человеческой природы.

Оно может интерпретироваться как элемент отношения человека к окружающему миру и нормирования этого отношения. Человек своими познавательными актами вписывается в контекст западной техногенной цивилизации. Он задает нормы когнитивной практики, а не просто мыслит. Но при этом не является «мыслящей машиной». В нем действует *непредсказуемая сила*, выходящая за все известные маркеры координат мастерства, знания или таланта. В этом случае творчество интерпретируется с позиции традиции.

Непредсказуемая сила приходит изнутри, а не извне. Она не связана с божественным наитием или паранормальным устройством психики. В случае науки она приводит к высокой учености, а в случае искусства – к гениальному произведению.

Непредсказуемая творческая сила выражается в полетах фантазии, творении ассоциативных цепочек. Ее воплощение известно по учениям психоанализа, когда неосознанный инстинктивный опыт, ушедший в подсознание или остающийся неосознанным, всплывает в формах сознания, относящихся и к научному творчеству. Так, в учении Дж. Беркли идеи могут не только восприниматься, но и мыслиться при помощи воображения. В «Трактате о принципах человеческого знания» (1710) Дж. Беркли формулирует механизм достраивания на основе чувственных данных целостного образа. Это означает, что чувственные данные тоже обладают немалой силой самоорганизации через развитие творческих обобщений образа [11].

Когнитивная практика является самостоятельным средством самоорганизации личности. Формулировка этого концепта связана с возможностями философии языка, когда в термине *cogito* скрывается потенциал исследования проблемного поля сознания как основы самоорганизации творческой личности.

Заключение

Когнитивная практика открывает: 1) мышление в событиях творческого восприятия происходит благодаря непредсказуемой творческой силе; 2) желания, воображение и чувства означают, по Р. Декарту, то же, что и способность мыслить.

Когнитивная практика обусловлена терминологически. Термин *cogito* Р. Декарта расширяет представления о возможностях этой практики для развития творчества человека. Термин, как и любое слово, вопреки шаблонам, представляет свой образ реальности как полноту способности мыслить за пределами логики. Словесное выражение удерживает в себе аспекты, выходящие за рациональные структуры мысли. Способность воображения и творчества заявляет о себе в операциях мышления. Р. Декарт в афоризме *cogito ergo sum* подчеркнул, что мышление и бытие соединяются друг с другом в разуме и переживании того, что выходит за пределы рациональности. Прочтение творчества Р. Декарта возможно с иных позиций, чем предлагает «картезианство».

Технологический аспект когнитивной практики открывает возможности творческого конструирования в концепции энактивного познания. Когнитивная практика всегда направлена на

предмет и самонаправлена на структуры того, как осуществляется мышление в моменты творчества. Она имеет целостный характер. Любая мысль «отелеснена», т.е. конструируется и контролируется целостностью человеческого организма. В жесте, например, мысль контролируется как момент целостности.

Мышление имеет «зеркальные» отражатели в сфере чувств. Желания находят рефлексивные эквиваленты, наподобие смыслообразов (эйдосов, метафор, символов) и рассматриваются как принадлежащие достоверности *cogito*. Открывается способ нахождения содержаний, состоящий в видении этих содержаний. Но в своем опыте можно ошибиться. Подтверждением такого способа видения является идея видимого и существование видящего (осознавание того, что он видит) как «мыслящего».

Когнитивная практика в истории философии представлена творческой силой продуктивной способности воображения И. Канта. Антропологическое значение «внутренних чувств» связывается И. Кантом со способностью интеграции представлений человека о самом себе как явления, но не своего существования на самом деле, а феномена воздействий как внутренних, так и внешних. Человек существует в отражениях своих мыслей и чувств в грезах и иллюзиях, *присутствует* в мире на том уровне достоверности, какую может сам себе представить.

Когнитивная практика является измерением присутствия человека в знании. Присутствие – термин обозначения гуманитарного аспекта в том, что мы полагаем как знание. Один мало знает, другой владеет множеством знаний. Здесь открывается источник представлений о когнитивной практике. Не только владение информацией побуждает человека познавать, но умение анализировать информацию не только во внешнем контуре, но и в самом себе: проводить анализ своих слов, поступков, отношений, устойчивых координат своей жизни.

Когнитивная практика открыта изменениям. Все изменения меняющегося мира это неупорядоченная, неравновесная, несовершенная среда, где мышление подвержено заблуждениям, тоске и депрессии. Стремление к объективности, которое несет в себе наука, заставляет человека не только осознавать свое несовершенство, но и постигать, что всегда есть нечто большее и лучшее, чем он сам – Бог, Космос, великие умы, культура и традиция.

Список источников

1. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. Т. 2. 446 с.
2. Аверищев С. С. От концепта «интеллекта» к концепту «ума» // Аничков И. Е. Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997. С. 55–57.
3. Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
4. Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний : сб. науч.-аналит. обзоров. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 1992. С. 39–77.
5. Князева Е. Н. Познающее тело и движущийся ум: концептуальный поворот в эпистемологии // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 339–372.
6. Noe A. Action in Perception. Cambridge (MA): MIT Press, 2004. 296 p.
7. Varela F., Thompson J.E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge (MA): MIT Press, 1991. 328 p.
8. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 786 с.
9. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2013. 392 с.
10. Касавин И.Т. Научное творчество как социальный феномен // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 19–29.
11. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Соч. М.: Наука, 1978.

References

1. Florensky P.A. *At the watersheds of thought*. Vol. 5. Moscow: Pravda Publ.; 1990. 446 p. (In Russ.).

2. Averintsev S.S. From the concept of “intelligence” to the concept of “mind”. Anichkov I. E. *Works on linguistics*. St. Petersburg: Nauka Publ.; 1997:55-57. (In Russ.).
3. Maturana U.R., Varela F.H. *Tree of knowledge. Biological roots of human understanding*. Transl. from English by Yu.A. Danilov. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2001. 224 p. (In Russ.).
4. Demyankov V.Z. Cognitivism, cognition, language and linguistic theory. *Language and structures of knowledge representation*. Collection of scientific and analytical reviews. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Press; 1992:39-77. (In Russ.).
5. Knyazeva E.N. Cognitive body and moving mind: a conceptual turn in epistemology. *Epistemology today. Ideas, problems, discussions*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press; 2018:339-372. (In Russ.).
6. Noe A. *Action in Perception*. Cambridge (MA): MIT Press; 2004. 296 p.
7. Varela F., Thompson J.E., Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge (MA): MIT Press; 1991. 328 p.
8. Kant I. *Criticism of pure reason*. St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ.; 2018. 786 p. (In Russ.).
9. Baudrillard J. *Symbolic exchange and death*. Moscow: Dobrosvet, KDU Publ.; 2013. 392 p. (In Russ.).
10. Kasavin I.T. Scientific creativity as a social phenomenon. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*. 2022;59(3):19-29. (In Russ.).
11. Berkeley J. A treatise on the principles of human knowledge. *Essays*. Moscow: Nauka Publ.; 1978. (In Russ.).

Информация об авторах

В. О. Волкова – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры методологии, истории и философии науки.

Т.В. Маркова – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры методологии, истории и философии науки.

И. Е. Волков – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры методологии, истории и философии науки.

Information about the authors

V.O. Volkova – Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science.

T.V. Markova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science.

I. E. Volkov – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья
УДК 141.4: 211.2
doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-17-24

ТОЧКА КАК СИМВОЛ АБСОЛЮТА И ПРОЕКЦИЯ БОЖЕСТВЕННЫХ АТТРИБУТОВ В КОНЦЕПЦИИ НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО

Анастасия Валерьевна Перекрестова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
pereckrestova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается интерпретация понятия «точка» в философско-религиозной системе Николая Кузанского, для которого данная категория выступала модусом божественной реальности. Точка репрезентируется как математический символ, наполненный метафизическим смыслом и связанный с идеей Бога. Показана первостепенность математики в концепции философа, ее фундаментальная роль в познании Абсолюта, о чем свидетельствует огромное количество примеров в его сочинениях, раскрывающих отдельные теологические постулаты через экспликацию метаморфоз геометрических фигур. В учении Кузанского прямая, круг, треугольник и другие объекты совпадают в бесконечности, сжатой в точку, и это демонстрирует, что любые антиномии преодолеваются в Боге. Точка, одновременно воплощающая начало и конец, единство и множество, и высвечивающая их эквивалентность друг другу, обнаруживает парадоксальность и амбивалентность своей природы, в связи с чем оказывается релевантной божественным атрибутам. Творец, квалифицируемый как максимум, совпадает с минимумом, ассоциируемым с бесконечностью, свернутой в точку. Позиционирование точки как внутреннего принципа мироздания делает ее дериватом исходного божественного единства противоположностей, воплощаемого в запредельном и непостижимом Боге как источнике сущего.

Ключевые слова: точка, максимум и минимум, единство противоположностей, Бог, Абсолют, ничто, трансцендентность, бесконечность, начало и конец, математические элементы

Для цитирования: Перекрестова А.В. Точка как символ Абсолюта и проекция божественных атрибутов в концепции Николая Кузанского // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 17–24.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE POINT AS A SYMBOL OF THE ABSOLUTE AND THE PROJECTION OF DIVINE ATTRIBUTES IN THE CONCEPT OF NICHOLAS OF CUSA

Anastasia V. Pereckrestova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
pereckrestova@mail.ru

Abstract. The article deals with the interpretation of the concept of “point” in the philosophical and religious system of Nicholas of Cusa, for whom this category was a mode of divine reality. The point is represented as a mathematical symbol filled with metaphysical meaning and associated with the idea of God. The author shows the primacy of mathematics in the concept of the philosopher, its fundamental role in the knowledge of the Absolute, which is proved by a huge number of examples in his writings that reveal certain theological postulates through the explication of metamorphoses of geometric figures. In the teaching of Cusa, the straight line, circle, triangle and other objects coincide in infinity, compressed into a point, and this demonstrates that any antinomies are overcome in God. The point denotes the beginning and the end, unity and plurality at the same time, and this shows their equivalence to each other, revealing the paradox and ambivalence of their nature, which turns out to be relevant to divine attributes. The creator, qualified as a maxi-

num, is the same as the minimum, associated with infinity folded into a point. The point is positioned as an internal principle of the universe, and this makes it a derivative of the original divine unity of opposites, which are united in the transcendent and incomprehensible God as the source of existence.

Keywords: point, maximum and minimum, unity of opposites, God, Absolute, nothingness, transcendence, infinity, beginning and end, mathematical elements

For citation: Perekrestova A.V. The Point as a Symbol of the Absolute and the Projection of Divine Attributes in the Concept of Nicholas of Cusa. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):17-24. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В истории мировой философии не так много идей, которые, переключившись из античной традиции в средневековый дискурс, не только не утратили интеллектуального блеска рационалистических интерпретаций, но и органично дополнили его теологическими трактовками, обнаружив удивительное духовное измерение. К этой категории можно отнести понятие «точка», засверкавшее ярким светом многогранного символа, чей потенциал был по достоинству оценен эпохой, видевшей в образе Бога универсальный критерий содержательности и глубины. Именно в Средние века сформировалась та уникальная интеллектуальная среда, которая вознесла точку на высоту божественных проявлений, сделав ее эмблемой нуминозного.

Для средневековой парадигмы идея Бога, выступающего апофеозом трансцендентности, была основным лейтмотивом всего философского нарратива того периода, закономерным образом наделяя религиозно-мистическим сиянием любой объект, ассоциируемый с атрибутами Творца. Во многом заслуга в укреплении метафизических позиций понятия точки принадлежит великому мыслителю и ученому-энциклопедисту Николаю Кузанскому, «который, в грандиозной форме объединяя духовные достижения античности и средневековья с основоположными замыслами нового времени, достиг такого синтеза, какой позднее уже никогда не удавался европейскому духу» [1, с. 184].

Кузанского относят к периоду Ренессанса, но стоит учитывать, что, являясь кардиналом Римской католической церкви, ментально он принадлежал к средневековой культуре и его понимание точки проистекает из идей, созревавших в лоне теоцентрического мировосприятия, хотя А.Ф. Лосев обоснованно видит в немецком теологе масштаб подлинно возрожденческого ума [2]. Набрав достаточный концептуальный потенциал, понятие точки как божественного символа обнаружило наибольшую глубину, смысловую насыщенность и богатство подтекстов именно в учении Николая Кузанского, в системе которого этот первоэлемент сущего стал эссенциальным, наиболее ёмким и универсальным модусом Абсолюта. Образ точки возникает в целом ряде сочинений немецкого философа, среди которых его трактаты «Об ученом незнании» (*De docta ignorantia*), «Простец об уме» (*Idiota de mente*), «Берилл» (*De beryllo*), «Игра в шар» (*De ludo globi*).

Николай из Кузы испытывал особую расположенность к античной философии, вдохновляясь идеями Пифагора, Демокрита, Аристотеля, значительное влияние на него оказали Прокл, Дионисий Ареопагит и Боэций, частые ссылки на которых мы находим в его произведениях. Но самым удивительным моментом, на который обращают внимание исследователи наследия Кузанского, является тот факт, что наибольшее воздействие на формирование его мировидения оказали Платон и неоплатоники, что в XV в., подчиненном авторитету томизма и перипатетической традиции, ангажированным католической доктриной, было редкостью и своеобразным проявлением свободомыслия. Будучи теологом и апологетом христианского вероучения, Кузанский, используя в качестве структурообразующих принципов самые глубокие и замысловатые положения апофатического богословия и некоторых мистических трактовок, создал изощренную философскую систему, чьей вершиной является, естественно, Бог, трансцендентность и непознаваемость которого наилучшим образом передает понятие точки.

Кузанский заговорил о точке как метафизическом объекте, не просто забавляясь построением умозрительных конструкций, а серьезно занимаясь математикой и пытаясь скоррелировать ее с богословием. Тяготев к пифагорейско-платоновским воззрениям и разделяя позиции

неоплатонизма, философ придавал математическим знаниям особую значимость, поскольку они обладают высочайшей степенью точности и ясности. Философско-теологические и математические тезисы были переплетены им в одной системе, – богословские и метафизические идеи повлияли на его математические взгляды, в частности, когда он разрабатывал теоретические проблемы, связанные с геометрией. Как подчеркивает З.А. Тажуризина, «по мнению Кузанца, математика приближает человека к познанию абсолюта, ибо конечные математические фигуры проясняют представление о бесконечности» [3, с. 40].

По мнению немецкого ученого, числа и другие математические объекты играют ключевую роль в познании и в любом рациональном и интеллектуальном процессе. То обстоятельство, что понятия в математике являются образами идей, проистекающих из божественного источника, подразумевает, что математические объекты оказываются мощными символами сущности вещей. Так, в соответствии с пифагорейской традицией, близкой Кузанскому, высшее единство как основной атрибут Бога может быть обозначено точкой или единицей, которая является первой арифметической константой и принципом всех чисел. Многие исследователи акцентируют значимость этого элемента для системы немецкого мыслителя: «Точка, линия, поверхность, тело – выходящие друг из друга ступени экспликации. Точка свертывает, содержит в себе все формы видимого мира» [4, с.63].

Кузанский много размышлял о проблеме бесконечности и полагал, что математика способна помочь приблизиться к пониманию трансфинитности Бога. Для этого следует попытаться понять математические свойства, например, конечных геометрических конструктов, а затем проанализировать, как исходные параметры трансформируются, когда эти объекты увеличиваются до беспредельности. Философ, в частности, утверждает, что все фигуры совпадают в бесконечности, это, по его мнению, должно продемонстрировать, что противоположности становятся неразличимы и сливаются в Абсолюте, причем происходит это в точке, которая преобразуется в свернутый универсум.

Гносеология Кузанского имеет мистическую и агностическую тональность: его «незнание» является знанием о существовании немислимого и непознаваемого Абсолюта, заключающего в себе мир со всеми его противоположностями. Это положение вдохновляло С. Франка, избравшего фразу немецкого мыслителя, которого он считал своим единственным учителем, в качестве эпиграфа к своему сочинению «Непостижимое», – в подобном подходе он видел «подлинную мудрость Николая Кузанского (выражающую и мудрость всех истинных философов): *attingitur inattingibile inattingibiliter*. Недостижимое достигается через посредство его недостижения» [1, с. 559].

Тем не менее путем определенных интеллектуальных усилий человек способен подняться над пространственно-временными категориями и дихотомией своего мышления и ухватить главную истину о том, что источником мироздания выступает бесконечность, заключающая в себе всё сущее с его бинарными оппозициями, которые оказываются неразличимы на метафизическом уровне. Как отмечает британский религиовед К. Армстронг, «это «совпадение противоположностей» таит в себе идею Бога. «Максимум» вмещает всё, поскольку подразумевает единство и необходимость, указующие непосредственно на Бога» [5, с. 304]. Именно данная гносеологическая установка подводит к главной идее онтологии Кузанского, постулирующей бытие абсолютного максимума и совпадающего с ним минимума, чье единство проистекает из их предельности и наглядно раскрывается через понятие точки.

В самом деле точка воплощает первоединство в аспекте его оформления в количество, поскольку в любом материальном объекте, по словам Кузанского, «не найдешь ничего, кроме точки: как в линии, где ее ни разделишь, везде точка, так же и в плоскости и в объемном теле» [4, с. 103]. *Nihil in quantitate reperitur nisi punctus* – так звучит в оригинальном латинском тексте мысль Кузанского о том, что во всём, что соотносится с понятием количества, можно обнаружить только точку и более ничего [6]. Этот чрезвычайно важный тезис, репрезентирующий точку в качестве базового элемента реальности, философ усиливает и углубляет следующим уточнением: «Причем точка только одна, и она есть не что иное, как все то же бесконечное единство» [4, с. 103]. Простейший геометрический объект обретает у Кузанского метафизический статус, демонстрируя, каким образом специфика точки выражает квинтэссенцию бытия, –

мельчайший фрагмент пространственно-временного континуума концентрирует в себе всё сущее, представленное в свернутом виде, и воплощает высший синтез, поэтому онтологически он может быть только в единственном экземпляре. Кузанец акцентирует внимание на самобытной природе точки: не только универсум как совокупность количественно исчислимых объектов состоит из точек, но и сам он является «развернутой» точкой. В этом смысле креативный потенциал минимума, визуализируемого через понятие *punctus* (точка), оказывается беспредельным, поскольку он инициирует возникновение всех вещей, при этом являясь и завершением их существования. Размышляя об истоке сущего и опираясь на Кузанского, С. Франк писал, что «эта первооснова, в качестве таковой, есть точка, к которой конвергирует и из которой исходит всяческое бытие вообще» [1, с.445].

Итак, в учении Кузанского минимум совпадает с максимумом, и этот аспект имеет чрезвычайно существенное значение для понимания природы точки. Абсолютный максимум в его философской системе – это одно из наименований Бога, которое используется в сочинениях наряду с другими номинациями, такими как «неинное», «возможность-бытие» и т.д. Исследователи указывают на принципиальный момент: у Бога Кузанского элиминированы антропоморфные признаки, характерные для христианского вероучения. Несмотря на то, что мыслитель в своих трудах много рассуждает об ипостасях божественного и триединстве, его понимание Творца предельно обезличено и абстрактно, что инспирировано неоплатоническими интерпретациями и тяготением к апофатическому богословию.

Для Кузанского доминантным становится определение Абсолюта как бесконечного безначального единства (*unitas*), непостижимого и запредельного, которое невозможно ни помыслить, ни назвать, поскольку «Бог несказанен и таков потому, что бесконечно выше всего именуемого» [4, с. 93]. Любые образы, характеристики, дескриптивные модели несоизмеримы с величиной и недоступностью Создателя, ведь он пребывает вне констатации и негации.

Как резюмировал Дионисий Ареопагит, любые эпитеты не применимы к Богу, «поскольку выше всякого утверждения совершенная и единая Причина всего, и выше всякого отрицания превосходство Ее, как совершенно для всего запредельной» [7, с. 411]. Однако несопоставимость бесконечного максимума с конкретными вещами совершенно не препятствует тому, чтобы объекты эмпирической реальности не просто отсылали к недостижимому первоисточнику, но были с ним онтологически связаны, поскольку трансцендентность Бога не мешает ему опосредованно проявлять себя в мире. Таким образом, конечность как характеристика материального уровня бытия оказывается не противопоставленной духовному измерению, но включенной в сферу всеобъемлющего максимума, который ввиду этого не становится менее запредельным, – в данном положении философии Кузанского мы сталкиваемся фактически с мистической трактовкой Бога, утверждающей, что он во всём, но одновременно ничто из всего.

Математическая символика, активно развиваемая Кузанским в трактате «Об ученом незнании», в последующих его сочинениях приобретает более глубокое измерение, получив мощную теологическую подпитку. От символизма немецкий мыслитель перейдет к изощренной метафизике, достигающей своего апофеоза в его поздних произведениях, – прибегая к изысканным образам, он будет наставлять в «Игре в шар»: «Тогда еще открой очи ума и увидишь, что бог во всяком множестве, поскольку он в единице, и во всякой величине, поскольку он в точке» [8, с. 295].

Чрезвычайно значимым для раскрытия сущности точки в системе Кузанского оказывается диалог «Простец об уме» (*Idiota de mente*), который входит в корпус книг Простеца. В центре диалога находится обсуждение специфики человеческого ума как аналога разума Творца и простейшей модели божественного свертывания. В контексте данной проблематики рассматривается целый ряд сопряженных с ней тем, в том числе затрагивается и вопрос об особом статусе точки, которая обретает свое бытие в мире благодаря деятельности интеллекта. Кузанский утверждает, что способности ума поистине невероятны, «ибо в нем сосредоточена сила, подобная свертывающей силе точки» [4, с. 398].

Точка при этом постулируется как нечто, находящееся в божественном разуме, и сопоставимое в силу своей творческой мощи с проективными возможностями интеллекта. Вместе с тем объекты математики являются конструкциями человеческого разума в соответствии с идеями

Бога, выступают эйдосами, существующими в Творце, – в определенном смысле оперирование ими подражает деятельности демиурга. Кузанский заявляет, что ум измеряет и познает окружающую реальность при помощи изготовленных им математических инструментов – точки, линии и плоскости, однако следует учитывать, что интеллект не самостоятельно создает эти объекты, а проявляет то, что уже заложено божественной волей и заключено в максимуме.

Чрезвычайно существенным для прояснения своеобразия точки представляется аспект, связанный с эфемерностью и неуловимостью точки, обнаруживающей парадоксальность своей природы в простом факте: несмотря на то, что данный элемент соотносится с категорией величины, о чем упоминалось уже в трактате «Об ученом незнании», сам он является невещественным. Кузанский подчеркивает, что «точка не количественна и количество не может составляться из точек» [4, с. 420], после чего в качестве дополнительного подтверждения цитируется знаменитая сентенция Боэция, постулирующая равнозначность присоединения точки к точке и ничто к ничему (*nihil nihilo iungas*) [9].

Иными словами, точка уподобляется ничто: будучи неизмеримым и невидимым математическим элементом, в случае элиминации или, напротив, введения в существующее множество он не дает оснований обнаружить какие-либо внешние зримые изменения, поэтому во многих ситуациях точка и ничто оказываются не различимы. В связи с этим свойством В. Бибихин резюмировал: «Статус точки: она есть и ее нет. Она в этом смысле взаимобратима с бытием» [10, с. 415], – именно это особое положение предлагает наглядную модель того, как происходит балансирование между сущим и несущим. При этом, для Кузанского такая призрачность и амбивалентность не делает точку менее реальной и не свидетельствует о ее несуществовании, – именно ее неуловимость указывает на изначальную принадлежность сфере божественного невыразимого единства.

С причастностью точки первоначальной целостности и самодостаточности связана ещё одна, ключевая для онтологии Кузанского особенность данного элемента, которая заключается в том, что точка существует только одна, поскольку она выступает субстанциональным компонентом любой вещи: «Точка присутствует во множестве атомов так же, как и в отдельных соединенных и следующих один за другим атомах. Во всех атомах – одна и та же точка, как во всех белых вещах – одна и та же белизна» [4, с. 421].

В философской системе мыслителя *punctus* предстает в качестве подлинного первоэлемента универсума, который определяет саму архитектуру материальности – вслед за античными авторами Кузанский подчеркивает различие между атомом и точкой, хотя оба эти объекта являются неделимыми. Точка у него становится метафизической первоосновой мира, предопределенной Богом и заложенной в качестве идеи в сотворенный ум, способный ее воспринять и осознать благодаря методам и моделям из арсенала точных наук. В связи с этим В. Бибихин отмечал: «Для кардинала Николая Кузанского равенство всех точек мира одной единственной не гипотеза, а несомненность, хотя и неочевидная, подлежащая математическому доказательству» [10, с. 402].

В своем трактате «Простец об уме» немецкий ученый в весьма наглядной форме показывает, каким образом точка инициирует развертывание материи, которое проявляется как эволюция универсума, отождествляя этот процесс с возникновением линии, образующейся из единственной точки через ее продолжение.

Заслуживает упоминания и ещё один небольшой трактат Кузанского, датируемый 1458 г. и носящий загадочное на первый взгляд название «Берилл» (*De beryllo*). Берилл в данном случае выступает неким магическим кристаллом, метафорой очков, позволяющих прояснить наиболее неоднозначные и темные места в учении Кузанского, которого неоднократно просили давать пояснения по поводу отдельных положений его концепции. Уже в преамбуле произведения автор замечает, что описываемое им интеллектуальное видение, превосходящее силу разума и позволяющее ухватить природу сущего, для многих остается непонятным, однако хрупкому уму в деле изучения действительности способны помочь символы и аллегории.

В частности, философ утверждает, что наиболее полное проникновение в специфику максимума и минимума обеспечивается за счет их рассмотрения во взаимной корреляции и соотношении с математическими элементами. Кузанский обращается к понятию монады и признает, что

точка в буквальном смысле является моделью исходной цельности: «Единое, или монада, проще точки. Но неделимость точки – подобие неделимости единого» [8, с. 107].

Единое выступает не только как нечто непостижимое, но и как непередаваемая истина, которая может себя проявить и обнаружить лишь через какой-то условный аналог или символ. И таким выразителем неизъяснимого становится *punctus*, ибо «единое означает, или изображает, себя, и возникает точка» [8, с. 107]. Это безличное и внезапное появление *punctus* свидетельствует о том, что данный элемент предстает как результат божественного творения в свете необходимости хотя бы относительной и ограниченной самопрезентации Абсолюта. Через характеристику точки как внутреннего принципа материальной Вселенной реализуется ее связь с первозданным невообразимым единством, заключенном в немыслимом и недоступном Боге как начале всего.

Все вышеобозначенные аспекты понятия «точка» комплексно представлены в знаковом трактате Кузанского, относящемся к позднему периоду творчества, – диалоге «Игра в шар» (*De ludo globi*). Исходным предметом сочинения оказывается придуманная Кузанским игра в шар, имеющая глубокий символический смысл и в аллегорической форме объясняющая ключевые принципы мироздания. Семантика игры в произведении обладает специфическим характером, поскольку соотносится с математическими символами, призванными настроить ум на философское постижение реальности. Игра рассматривается как метафора духовных устремлений человека, открывающая простор для его познавательных возможностей и помогающая увидеть связи между тварным бытием и божественным.

Весьма показательно, что подобная концепция и трактовка игры оказала влияние на представителей немецкой классической философии и литературы. Самую яркую рецепцию этой идеи мы находим в романе Г. Гессе «Игра в бисер», в тексте которого встречаются прямые отсылки к немецкому философу. Уже в предисловии ученик Й. Кнехта пишет о Кузанском, что «радость, доставляемая ему математикой, его пристрастие пояснять богословско-философские понятия на примере фигур и аксиом Евклидовой геометрии кажутся очень близкими психологии Игры» [11, с. 13].

Писатель максимально заострил творческое значение игры, превратившейся из умозрительной схемы для интерпретаций действительности в виртуозное искусство. Игра Кузанского тоже предполагает творческий компонент, но в ней акцент сделан не на эстетику, а на глубину смыслов: композиционно она проста, включает шар и поле из десяти концентрических окружностей, при этом центральный круг символизирует Бога, не имеющего ни начала, ни конца, – именно к нему устремляется душа (шар) в своих скитаниях по миру, и ее траектория становится главным параметром всего действия.

Уже в первой книге диалога, рассуждая о сферичности универсума, Кузанский вновь приходит к идее о единственной, уникальной точке: «Больше того, заключаясь в неделимой и неповторимой точке, округлость мира тоже неделима» [8, с. 254]. Невидимость точки, по мнению философа, как раз и проистекает из ее нерасчлененности, – она становится естественным пределом для всех зримых феноменов, подразумевающих наличие структурных частей. Выступая в качестве лимита, точка имплицитно предполагает возможность выхода за любые границы воспринимаемого и упомостагаемого – таким образом, *punctus* в онтологии Кузанского предстает в виде *Ultima Thule*, скрывающей трансцендентное и в некотором смысле уже являющейся элементом непознаваемого.

Каждая новая фраза и мысль, озвученные автором в «Игре в шар», всё более ярко высвечивают уникальность сущности точки, совпадающей с ничто, но приобщенной к сущему, заключающей в себе Вселенную, но недоступной для мира. Делая акцент на всеобъемлющем характере и фундаментальности точки как оптимальной модели действительности, Кузанский декларирует знаменитую идею, ставшую его философским кредо, о том, что весь бесконечный мир, который ни один объект не может превзойти по количеству, пребывает в точке, которой ничего нет меньше – *quo nihil minus* [12].

Это утверждение вновь отсылает к тезису о взаимопроникновении и конгруэнтности максимума и минимума: не имея измеримых свойств, *punctus* концентрирует в себе информацию обо всем одновременно, благодаря чему при развертывании точка соотносится с Абсолютом. В

глубокой связи с данным положением находится утверждение о единственности точки, выступающей эссенциальным ядром любого феномена: «В множестве атомов одна и та же точка пребывает так же, как в множестве белых вещей – одна белизна» [8, с. 255].

Сингулярная точка выступает меткой Создателя, как эмблема божественного эйдоса, заложенного Творцом в каждой форме Вселенной, и это находит отражение в словах собеседника кардинала, Иоанна, герцога Баварского, вспоминающего важнейший постулат христианского вероучения о том, что всё существует в Боге, не только в явном, но и в потенциальном виде. Как круг содержится в точке, так и все объекты пространственно-временного континуума, которым ещё предстоит появиться, заключены в божественном уме, – в этом ракурсе *punctus* и *Deus* у Кузанского предстают в качестве взаимозаменяемых понятий. Во второй книге «Игры в шар», кардинал, апеллируя к известному высказыванию, утверждает, что если иметь в виду, что «бог есть круг, чей центр везде, то увидишь, что как точка находится везде в любом количественном теле, так бог пребывает во всем» [8, с. 294–295].

Постепенный переход от математических понятий к идее Бога в рассуждениях Кузанского является закономерным и логичным, поскольку, как мы помним, именно математика, по мнению философа, наиболее полно и многомерно раскрывает трансфинитность Творца. Точка в этом контексте выступает не просто частной отсылкой к Абсолюту, но оказывается носительницей божественных атрибутов, ибо Бог пребывает в ней метафизически. Будучи свернутостью свернутостей (*complicatio complicantium* [12]), максимум предстает истинным первообразом и квинтэссенцией фундаментальных арифметических и геометрических первоэлементов, и в этом отношении универсальность, тотальность и предельность становятся опознавательными критериями, призванными указать на то, что невозможно выразить. Кардинал подчеркивает, что «есть только одно бытие, подобно тому, как мы это говорили о единице и точке» [8, с. 296], – именно это первожданное единство обеспечивает существование мироздания.

В подходе Кузанского онтологическая бесконечность Бога модифицируется в бесконечность эпистемологических процессов в математике, в физике и других естественных науках. Философ полагал, что разуму открыто созерцание нетленных вещей через математические символы, прокладывающие интеллектуальный путь к восприятию Творца, и самым глубоким, содержательным и многозначным среди них для немецкого теолога была точка, позиционирующаяся как предикат божественной деятельности. Абсолют, созидающий всё сущее и свернутый в точку, предстает как максимум, воплотившийся в минимуме и зашифрованный в геометрических метафорах высшей первопричины бытия. Точка и ассоциированное с ней свойство свернутости стали в концепции Кузанского своеобразным решением проблемы соотношения конечного и бесконечного, отсылающим к Богу, который «Сам есть и вечность, и Начало, и Мера Бытия, существуя до сущности, сущего и вечности и будучи творящим сущность Началом, ее Серединой и Концом» [7, с. 237]. Точка задает вектор устремленности за границы познаваемого и возможного, поэтому у Кузанского *punctus* наполняется колоссальным метафизическим смыслом и становится самым концептуальным и многомерным символом Творца, скрывая неисчислимые тайны трансцендентного.

Список источников

1. Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.
2. Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях : в 2 т. М.: ЯСК, 2016. Т. 2. 520 с.
3. Тажуризина З.А. Философия Николая Кузанского. М.: Либроком, 2016. 152 с.
4. Кузанский Н. Соч. : в 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 488 с.
5. Армстронг К. История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 494 с.
6. *Cusanus N.* De docta ignorantia. URL: <http://www.cusanus-portal.de/> (дата обращения: 07.06.2023).
7. Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. С толкованиями преп. Максима Исповедника. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 464 с.
8. Кузанский Н. Соч. : в 2 т. М.: Мысль, 1980. Т. 2. 471 с.

9. *Anicius Manlius Severinus Boethius. De institutione arithmetica libri duo.* Leipzig, 1867. URL: <https://archive.org/details/DeInstitutioneArithmeticaLibriDuoDeInstitutioneMusicaLibriQuinque/page/n99/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 07.06.2023).

10. *Бибихин В.В. Точка // Другое начало.* СПб.: Наука, 2003. С. 397–429.

11. *Гессе Г. Игра в бисер. Путешествие к земле Востока.* М.: АСТ, 2017. 608 с.

12. *Cusanus N. Dialogus de ludo globi.* URL: <http://www.cusanus-portal.de/> (дата обращения: 07.06.2023).

References

1. Frank S.L. *Works.* Moscow: Pravda Publ.; 1990. 608 p. (In Russ.).
2. Losev A.F. *Nikolay Kuzansky in translations and comments: in 2 vols.* Moscow: YaSK Publ.; 2016. Vol. 2. 520 p. (In Russ.).
3. Tazhurizina Z.A. *Philosophy of Nicholas of Cusa.* Moscow: Librokom Publ.; 2016. 152 p. (In Russ.).
4. Kuzansky N. *Works: in 2 vol.* Moscow: Mysl' Publ.; 1979. Vol. 1. 488 p. (In Russ.).
5. Armstrong K. *History of God: 4000 years of searching in Judaism, Christianity and Islam.* Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.; 2020. 494 p. (In Russ.).
6. Cusanus N. *De docta ignorantia.* Available from: <http://www.cusanus-portal.de/> [Accessed 7th June 2023].
7. Dionysius the Areopagite. *Corpus of essays.* With interpretations of Rev. Maximus the Confessor. St. Petersburg: Publishing House of Oleg Abyshko; 2017. 464 p. (In Russ.).
8. Kuzansky N. *Works: in 2 vol.* Moscow: Mysl' Publ.; 1980. Vol. 2. 471 p. (In Russ.).
9. Anicius Manlius Severinus Boethius. *De institutione arithmetica libri duo.* Leipzig, 1867. Available from: <https://archive.org/details/DeInstitutioneArithmeticaLibriDuoDeInstitutioneMusicaLibriQuinque/page/n99/mode/2up?view=theater> [Accessed 7th June 2023].
10. Bibikhin V.V. *Point. Another start.* St. Petersburg: Nauka Publ.; 2003:397-429. (In Russ.).
11. Hesse G. *Bead Game. Journey to the Land of the East.* Moscow: AST Publ.; 2017. 608 p. (In Russ.).
12. Cusanus N. *Dialogus de ludo globi.* Available from: <http://www.cusanus-portal.de/> [Accessed 7th June 2023].

Информация об авторе

A.V. Perekrestova – аспирант кафедры философии и мировых религий.

Information about the author

A.V. Perekrestova – Postgraduate Student, Department of Philosophy and World Religions.

Статья поступила в редакцию 22.06.2023; одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 22.06.2023; approved after reviewing 28.06.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья

УДК 101.3

doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-25-37

МЕМ-МАНИПУЛЯЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Михаил Васильевич Черников^{1✉}, Лариса Сергеевна Перевозчикова², Евгения Викторовна Авдеенко³

^{1, 2, 3} Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия

¹ mv.chernikov@gmail.com ✉

² pls@cchgeu.ru

³ jjaane@yandex.ru

Аннотация. Анализируется феномен «мем-манипуляции», который трактуется как популярный и востребованный в современном обществе инструмент ведения различного рода «информационных войн».

Рассматривается история зарождения и концептуального осмысления понятия «мем». Выделяется и обсуждается особый феномен «мем-манипуляции», определяемый как использование мемов в практиках манипуляции. Обнаруживается высокая эффективность мем-манипуляции в ведении различного рода информационных войн. Выявляется механизм как самой манипуляции, так и её специфического вида, которым является мем-манипуляция. Проводится философский анализ современного общества с точки зрения использования мем-манипуляции в политических и социальных процессах.

Ключевые слова: мем, манипуляция, меметика, мем-манипуляция, информационная война, система 1, система 2

Для цитирования: Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В. Мем-манипуляция как инструмент информационных войн // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 25–37.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MEME-MANIPULATION AS A TOOL OF INFORMATION WARS

Michael V. Chernikov^{1✉}, Larisa S. Perevozchikova², Evgeniia V. Avdeenko³

^{1, 2, 3} Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

¹ mv.chernikov@gmail.com ✉

² pls@cchgeu.ru

³ jjaane@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the phenomenon of “meme-manipulation”, which is interpreted as a popular and in-demand tool in modern society for conducting various kinds of “information wars”.

The history of the origin and conceptual understanding of the concept of “meme” is considered. A special phenomenon of “meme-manipulation”, defined as the use of memes in manipulation practices, is singled out and discussed. The high efficiency of meme-manipulation in conducting various kinds of information wars is revealed. The mechanism of both the manipulation itself and its specific type, which is meme-manipulation, is revealed. A philosophical analysis of modern society is carried out from the point of view of the use of meme-manipulation in political and social processes.

Keywords: meme, manipulation, memetics, meme-manipulation, information war, System 1, System 2

For citation: Chernikov M.V., Perevozchikova L.S., Avdeenko E.V. Meme-Manipulation as a Tool of Information Wars. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):25-37. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Три концепта, вынесенные в заголовок настоящей статьи: «мем», «манипуляция» и «информационные войны», активно обсуждаются в современном философском, научном и даже околонучном – медийном дискурсе. Можно предположить, что интенсивность их использования для осмысления хода и особенностей функционирования текущих социальных и политических процессов не случайна. Она может свидетельствовать не только о наличии корреляции соответствующих феноменов, но и о причинно-следственных связях меж ними. В настоящей статье мы попытаемся обсудить эту гипотезу.

Считается, что автором термина «мем» и основоположником концептуального осмысления соответствующего феномена является английский биолог Р. Докинз, который впервые предложил назвать таким образом некую единицу в культурном пространстве человечества [1].

По аналогии с геном как самореплицирующейся структурой в мире живого мем рассматривается как также подверженная репликации структура в мире человеческой культуры. Реплицирование соответствующих структур дополняется неизбежно возникающими в этом процессе мутациями или искажениями: так появляется многовариантное пространство возможностей, на которое внешние обстоятельства накладывают определенные ограничения. Пробиваются через сито подобного рода ограничений, «выживают» только отдельные варианты. Они преимущественно и заполняют собой соответствующее пространство: мир живого – в случае генов и мир культуры – в случае мемов.

Устойчивые комбинации генов определяются как генотипически аналогичные организмы, репрезентируемые в пространстве и времени как соответствующие фенотипы. Устойчивые комбинации мемов определяются как «мемотипически» аналогичные культурные образования, начинающие жить своей собственной жизнью.

На базе таких мемов, как отдельные слова, составляющие словарный запас соответствующих языков, возникают различного рода устойчивые образования, например фразеологизмы, пословицы, стихи, рассказы, повести, романы (область художественной культуры), или в другой плоскости – инструкции, описания опытов и технологий, научные и технические теории, научно-исследовательские программы (область научно-технической культуры). Ещё одна плоскость – это предписания, рекомендации, правила этикета, моральные и нравственные нормы, правовые установления, императивы (область этико-морально-правовой культуры) и т.д.

При таком понимании всё пространство культуры представляет собой непрерывно ведущуюся конкурентную борьбу как простейших мемов, так и их устойчивых комбинаций (сложно-организованных мемов). Причём мем, состоящий из мемов низшего уровня, сам оказывается одним из мемов, будучи элементом качественно более сложно организованного мема. Так, например, любой стих, входящий в содержание романа Пушкина «Евгений Онегин», является мемом по отношению к отдельным словам русского языка (мемам), но он лишь структурный элемент (мем) по отношению к той комбинации стихов, которые специфицируют роман Пушкина. «Евгений Онегин» – это мем по отношению к стихам (мемам), из которых роман состоит.

Надо также заметить, что для подобного типа иерархически организованных систем выполняется общее правило системной организации, известное как закон Седова – Назаретяна, согласно которому рост разнообразия на верхнем уровне иерархической организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот: рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации [2]. Соответственно, фиксация, устойчивость мемов (низший или предыдущий уровень системной иерархии) позволяют осуществлять вариативность мемов (высший или последующий уровень системной иерархии). При выстраивании таких мемов, как стихи, элементы системной организации стиха, отдельные слова (мемы) должны быть неизменяемыми. Выполнение условия такой неизменности и обеспечивает широкую вариативность стихов как определенным образом организованных (системно орга-

низованных) построений самих по себе устойчивых элементов данной системной организации – отдельных слов.

Проведя параллель между генами и мемами как подверженными репликациям единицами, соответственно, биологического мира живого и социального мира человеческой культуры, Р. Докинз попытался более глубоко продумать теорию мемов [3–5].

«Меметика» (по аналогии с генетикой) официально приобрела статус самостоятельной научной дисциплины после того, как в 1983 г. один из последователей Докинза Д. Хофштадтер выступил с предложением учредить отдельную научную дисциплину, изучающую мемы.

Д. Деннет признавал концептуальную ценность и высокую эвристичность понятия «мем», считая, что теория разума обязательно должна включать в себя меметику. С другой стороны, он критически отнёсся к распространённой идее, что мемы – это достояние индивидуального сознания человека [6].

Наряду с Деннетом, продолжившим исследование мемов на религиозном материале [7], немалый вклад в развитие меметики внесли математик и философ А. Линч (*Thought Contagion: How Belief Spreads Through Society*, 1996) и бывший менеджер Microsoft Р. Броди (*Virus of Mind: The New Science of the Meme*, 1996).

Идеи, представленные Докинзом, Линчем и Броди, развивали исследователи Дж. Берчетт, Л. Лоттман и Л. Роландо: мем – заключённая в сознании информационная единица культуры, которая может повторяться. Такая позиция в дальнейшем стала определяться как интерналистская.

Оппозицией последней в процессе развития меметики стала экстерналистская позиция (в частности, генетик Д. Гэзерер и исследователь культурной революции У. Бензон). Экстерналисты задавались вопросом: как может понимание того или иного явления, та или иная идея совпасть в разумах множества людей, и считали, что следы мемов надо искать в поведении людей и артефактах культуры.

Интерналисты возражали, указывая, что мемы – это в первую очередь идеи и убеждения, а не артефакты, поскольку артефакты в отличие от идей и убеждений не могут быть репликаторами.

В конечном счёте англоязычная меметика, продолженная в трудах антрополога Р. Онгера, психолога С. Блэкмор и др., практически полностью перешла на интерналистскую позицию.

На этом этапе, как пишет И. Кузнецов, «под мемом по умолчанию понимали некую единицу культуры, репликатор, который распространяется от человека к человеку благодаря процессу имитации. Успешным мемом является тот, который способен оказать наибольшее влияние на эффективность своего носителя при передаче другим носителям.

Под сознанием подразумевалась совокупность мемов, их комплекс, который именуется мемплексом (от *memeplex* – *meme* («мем») и *complex* («комплекс») (англ.)).

Меметики утверждали, что эволюция культуры – не более чем эволюция мемплексов, осуществляемая при помощи мутаций, копирования и естественного отбора, в ходе которого «выживают» самые успешные репликаторы.

Исследователи также полагали, что истинность мемов не имеет никакого значения, поскольку главную роль в процессах репликации играет их «способность копировать себя от одного носителя к другому» [8, с. 16].

К началу 2000-х гг. в англоязычном культурном и научном пространстве термин «мем» становится уже предельно популярным, а меметика начинает претендовать на статус самостоятельной научной дисциплины о культуре.

Однако меметика начала 2000-х не даёт ответа на целый ряд вопросов. Как идеи передаются от человека к человеку? Почему одни мемы оказываются более долго живущими и более эффективными, нежели другие? Как наше сознание реагирует на потенциальный культурный ген? По-прежнему остаётся без ответа и главный вопрос – что же такое мем и где его местонахождение?

Многие критики указывали, что для меметики характерно слишком буквальное проведение аналогии с генетикой, но мем – это не ген. Если в генах существует физический носитель информации, а именно ДНК, то такого носителя информации в мемах не обнаруживается. Возникает подозрение, что придуманные Докинзом «культурные гены» – не более чем научная абстракция. Критики выражали сомнения в существовании подобных единиц как таковых, и с

позиций скептиков дисциплина, изучавшая их, являлась если не псевдонаукой, то по крайней мере недостаточно обоснованным и тупиковым научным направлением.

В начале XXI в. меметика стала испытывать кризисные явления и во многом утратила свою высокую популярность.

Однако с точки зрения методологии научного знания, осуществилось главное: меметика оформилась как самостоятельная научно-исследовательская программа, которую нельзя отметить отдельными критическими замечаниями. Она имеет достаточно наглядные «точки роста», позволяющие преодолевать указываемые критиками концептуальные затруднения [9].

Это, во-первых, понимание системно-иерархического строения пространства мемов. Англоязычные исследователи начала 2000-х достаточно упрощённо трактовали такого рода пространство, рассматривая последнее как некий «бульон», состоящий из различного рода мемов, где каждый конкурирует за выживаемость с каждым. Но мир культуры не менее сложен, чем мир живого.

В мире живого действие естественного отбора ведётся с учетом системной организации экосферы, в которой выделяются соответствующие экологические ниши, и именно в рамках этих ниш происходит как внутривидовой, так и межвидовой естественный отбор, захватывающий только те виды живого, которые конкурируют за специфические ресурсы данной экологической ниши.

Соответственно, и мир культуры – это не гомогенное пространство мемов, а пространство иерархически и системно упорядоченное. Культуросфера также включает в себя те культурологические ниши, в рамках которых и происходит конкуренция мемов соответствующего уровня организации. В культурологической нише словарного запаса соответствующих национальных языков «соревнуются» за выживание такие мемы, как слова, но не, допустим, стихотворения. И наоборот, в культурологической нише поэзии «соревнуются» за выживание мемы, оформленные как стихи, но не как отдельные слова.

Вторая «точка роста» связана с более глубоким и правильным пониманием «места, где хранятся мемы». Англоязычные авторы-меметики, разделившиеся на интерналистов и экстерналистов, сильно упростили (вульгаризировали) представление о таком месте. Интерналисты (доминирующее направление в меметике) считали, что мемы находятся в сознании отдельного человека, а экстерналисты – что вне индивидуального сознания, в мире объективной реальности. Однако оба лагеря оставили без внимания мощную философскую традицию, идущую от Фихте и Гегеля, а именно учение об объективированных сущностях.

В дальнейшем учение об объективированных сущностях плодотворно развивал К. Маркс, а вслед за ним и советские философы, разрабатывавшие проблему идеального [10–12].

В рамках этой философской традиции было доказательно обосновано, что бытие человека реализуется не в двух, а в трёх мирах. Это не только мир объективной, независимой от сознания человека реальности (первый мир, или мир материального), и не только мир индивидуального сознания или субъективной реальности (второй мир, или идеальное в узком смысле слова), это ещё и мир объективированной реальности (третий мир, или идеальное в широком смысле слова). Мир объективированной реальности – это семиотически организованный мир, в котором чувственно воспринимаемые формы (соответствующим образом оформленные человеком изображения, звуки, вещи и т.д.) являются лишь планом выражения для человеческих идей, смыслов, представлений, убеждений и т.д. Последние, в свою очередь, составляют план содержания соответствующих чувственно воспринимаемых форм. Именно этот мир (названный К. Поппером третьим миром) и является историко-культурно организованным хранилищем различного рода мемов.

Индивидуальное сознание в процессе формирования, воспитания и образования, через чтение учебников и художественной литературы, восприятие произведений живописи и архитектурных форм, через усвоение смыслов человеческих поделок и используемых для этого инструментов, усваивает, присваивает себе соответствующие мемы, без опоры на которые, без использования которых индивид не может заниматься человеческой деятельностью, не может достигнуть успеха и благополучия в обществе.

Включение в меметический анализ этого третьего мира, мира объективированных сущностей, очевидным образом переводит меметику на качественно новый уровень.

И, наконец, третьей, выделяемой нами «точкой роста» меметической научно-исследовательской программы является более широкое понимание феномена распространения (репликации) мемов.

Англоязычные меметики отмечают только один механизм распространения мемов, а именно имитацию или подражание. Но этого явно недостаточно. Коммуникация у человека отнюдь не сводится к имитации или подражанию. Социальная коммуникация качественно отличается от практик коммуникации в мире животных, она семиотически существенно более сложно организована: на уровне человека происходит переход от так называемых первичных знаковых систем, характерных для животных, ко вторичным знаковым системам (Ю. Лотман). Именно посредством социальной коммуникации в основном и осуществляется распространение мемов.

При этом важно выделять два типа социальной коммуникации. Первый связан с формированием индивидуального сознания, т. е. индивидуального набора мемов дескриптивного, прескриптивного и оценочного планов. Получение индивидом знаний об устройстве мира, общества, человека (мемы дескриптивного плана), моральных и нравственных норм, различного рода предписаний (мемы прескриптивного плана) и, наконец, системы ценностных квалификаторов (мемы оценочного плана) связано в первую очередь с процессами его воспитания и образования.

Базовые мемокомплексы усваиваются индивидом в детском и подростковом возрасте, главным образом посредством включения индивида в специализированные институты воспитания и образования (школа, кружки, секции, техникумы, университеты), но сами процессы воспитания и образования продолжают всю жизнь. Через чтение книг, просмотр фильмов, посещение театров и музеев уже взрослые люди узнают новое, пополняют свой запас мемов содержательного плана.

Второй тип социальной коммуникации связан с межличностным общением человека в рамках текущей профессиональной и бытовой деятельности. Задача в данном случае сводится к эффективной координации совместной деятельности. Человек усваивает и начинает пользоваться (транслируя другим людям) управленческими мемами: различного рода команды, приказы, управленческие указания, идеологически выстроенные способы влияния, которые могут быть и весьма короткими (отдельный приказ) и предельно объёмными (идеологическая кампания в поддержку определенного политика). В случае распространения как содержательных, так и управленческих мемов имеет место институализация деятельности распространения мемов.

Эффективность такого распространения (эффективность и общий объём репликации мемов) зависит от того, насколько успешно обслуживают имеющиеся у индивида мемы характерную для него деятельность. Те мемы, которые способствуют целедостижениям индивида, будут закрепляться и распространяться, те же, которые не приносят пользы или остаются факультативными в рамках данного целедостижения, постепенно теряют актуальность, забываются и могут окончательно прекратить своё существование.

Именно интерес к социальной коммуникации в условиях резко возросшей в современном информационном обществе активности последней и обусловил новую волну в развитии меметики.

Уже к началу XXI в. был фактически осуществлен прорыв в технологиях социальной коммуникации. Огромное место в жизни современного человека занял Интернет и возникшие на его основе социальные сети и платформы. Добавившись к печати, радио, телевидению, телефону, новые, завязанные на Интернет, средства коммуникации резко повысили объём потребляемой и производимой в обществе информации. В условиях ограниченности временных и когнитивных возможностей отдельного человека многократно возросшие потоки информации вынуждены были структурно перестраиваться. Проявилась тенденция к сокращению времени, которое человек способен уделять освоению информационного сообщения. В результате последние становятся более короткими, а сам информационный дискурс – более дробным. Аналогично и в когнитивном плане: чем менее когнитивно сложна информация, чем проще и нагляднее она представлена, тем лучше.

Переходя на язык мемов, можно сказать, что всё большее распространение в культурном пространстве современности получают «простые» (а не сложно сконструированные) мемы, передающие «лёгкую» информацию развлекательного или рекреационного типа, не заставляющую их потребителя «напрягаться» и решать интеллектуально сложные задачи.

«Простые» мемы, имеющие тенденцию ко всё большему распространению, фактически монополизировали, закрепили за собой сам термин «мем». Современный интернет-пользователь привычно называет мемом такие, получившие широкое распространение, набравшие большое число просмотров и лайков формы, как фрагмент телепередачи, музыкальный клип, GIF, смешной «видосик», остроумную картинку.

Соответствующие «простые» мемы подверг аналитическому рассмотрению американский эксперт в сфере медиа Д. Рашкофф. Он акцентировал функциональное сходство – в частности, скорость и незаметность распространения – «простых» мемов и вирусов, одинаково заражающих (вплоть до «эпидемий») большие массы людей, что позволило исследователю ввести термин «медиавирус» [13].

Медиавирус есть не что иное, как «культурный ген» (по терминологии Р. Докинза), или разновидность мема. Это особо подчёркивала С. Блэкмор. Она отмечала, что так называемые медиавирусы Рашкоффа являются наиболее очевидным проявлением феномена мемов и определила эти единицы как вирусные, подразумевая под этим их стремительное распространение в пространстве медиа [14].

Позже появилось понятие «мемием», которое означает единицу информации, распространяющуюся в медиапространстве, обладающую высокой способностью к саморепликации и оказывающую эффективное воздействие на аудиторию.

Как пишет И. Кузнецов, «мемием [представляет собой] информационно-культурную виральную единицу».

Мемием является кристаллизацией опыта совместных переживаний общества или его части (а также реакций на значимые события) в отдельных словосочетаниях, фразах, сленге, рисунках, карикатурах, фотоколлажах, креолизованных текстах, видеороликах и иных продуктах массовой культуры. Благодаря своим образности, актуальности, экспрессивности, а также способности «вцепляться в память», мемиемы становятся «своеобразным языком международного сетевого общения и ёмким, лаконичным средством выражения эмоциональной реакции».

Постепенно распространяясь в рамках ограниченного онлайн-сообщества, среди группы пользователей, объединённых едиными взглядами, увлечениями, настроением, мемием выходит за рамки одного портала, сайта, блога, группы. Ряд характеристик, таких как актуальность, эмоциональность, ёмкость, привлекательность и др., позволяет ему реплицироваться и распространяться по Сети с большой скоростью – в чатах, блогах, через порталы, записи в социальных сетях, тексты сетевых СМИ, в межличностном общении.

Сроки распространения и использования мемиема варьируются, однако, если мем реплицируется успешно, он быстро декодируется пользователями и становится новой частью онлайн- и офлайн-культуры, одновременно с этим формируя её дальнейшее развитие» [8, с. 50–51].

Надо при этом понимать, что вирусные мемиемы уже не являются «простыми». Да, при своём первом появлении такого рода мем, как правило, прост и однозначен. Его денотат и сигнификат вполне определены, однако в процессе своей успешной репликации (если таковая происходит) мем как бы «впитывает» дополнительные значения, т. е. «обрастает» мощной коннотативной структурой, которая несёт в себе проявления и, следовательно, указания на тот специфический вид деятельности и специфическую субкультуру, которые выступили местом для успешной репликации мема.

Например, такие сленговые мемы, как «кринж», «чилить», «зашквар», кроме своей денотативной составляющей (соответственно «стыд», «релаксировать», «позор»), имеют и ярко выраженную коннотативную составляющую, отсылающую к современной молодежной, городской, либеральной и мнящей себя предельно прогрессивной субкультуре. Так при видимой денотативной простоте за счёт различного рода коннотаций мем приобретает достаточно сложную структуру, причём коннотативная составляющая, как правило, ускользает от осознания потре-

бителя мема, действуя помимо сознания на уровне бессознательного, что, безусловно, усиливает и заразительность, и манипулятивные возможности такого мема.

Именно вирусные медиамемы – наиболее распространенные, наиболее популярные представители семейства мемов – стали широко и достаточно эффективно использоваться в функции определенного вида инструмента, или «оружия», в современных информационных войнах, что не могло не повлечь за собой нарастание исследовательского интереса к такого рода «оружию».

Одним из современных отечественных исследователей медиа систем, а также этических и аксиологических аспектов информационных войн является Д.В. Биндас. Он обращает внимание на то, что участниками информационных войн неизбежно становятся все пользователи сети, однако их поведенческие и аксиологические стратегии крайне разнятся: «В освоении цифрового пространства принимают участие все подключающиеся к нему люди. Но в условиях информационных войн деятельность обычных людей и их сообществ отличается от деятельности тех, кто обладает специфическими, в данном случае – военными компетенциями» [15, с. 13].

На повестку дня научно-философской разработки встали следующие вопросы: какой способ воздействия на «противника» используется в такого рода «оружии»? Как устроено и на каких принципах, с использованием каких закономерностей работает данное «оружие»? Как можно усилить (модус атаки) или, наоборот, ослабить (модус защиты) поражающее действия этого «оружия»?

Попытаемся, опираясь на результаты, полученные в современном социально-гуманитарном познании, дать нашу редакцию ответов на вышепоставленные вопросы.

Представление о том, что для человеческого сообщества характерно применение военных действий, сопровождающихся информационно-психологическим воздействием на противника, стало распространенным в современных социально-гуманитарных науках.

При этом оказалось, что информационно-психологическое воздействие на условного противника может существовать вне прямой связи с традиционно понимаемыми военными действиями, в которых разрушающему воздействию подвергается материальная сфера человеческого жизнеобеспечения (включая сам организм человека).

В современном мире, как отмечает Е. Ларина, «имеет место непрерывное, жесткое противоборство между различными акторами, которое ведется в самых различных сферах и самыми различными средствами. Наиболее точное наименование подобных процессов в новой реальности – это мировая война или нечеткие противоборства» [16, с. 53].

Такого рода «нечеткие противоборства» соответствуют ещё и такому термину, как «гибридные войны». Ф. Хофманн, один из авторов концепции гибридных войн, приводит их следующее определение: «Полный арсенал различных видов боевых действий, включая конвенциональные возможности, иррегулярную тактику и формирования; террористические акты, включая беспорядочное насилие и криминальные беспорядки. Гибридные войны могут вестись как государствами, так и различными негосударственными акторами» [17].

Направления ведения гибридных войн как основополагающих в военной доктрине США и Запада принято обозначать акронимом DIME – дипломатия, информация, вооруженные силы, экономика [18].

То направление гибридных войн, которое связано с информационной сферой, ведётся в информационном поле, определяется как информационные войны. Согласно Е. Лариной, «можно выделить три основных типа информационных войн. Это – ментальные или психологические войны, кибервойны и поведенческие войны.

Ментальные (психологические) войны – это контентные войны, имеющие своей целью изменение массового, группового и индивидуального сознания или психики. В процессе ментальных войн идет борьба за умы, ценности, установки.

Что же касается кибервойн, то это целенаправленное деструктивное воздействие информационных потоков в виде программных кодов на материальные объекты и их системы» [16, с. 92].

Задача «поведенческих войн» – эффективное принуждение граждан стран-противника к определенному типу поведения [19].

Особую роль играют современные мемы и, в частности, медиамемы в информационных войнах первого рода – войнах ментальных (психологических), которые можно ещё определить как психоконцептуальные.

Задача психоконцептуального воздействия (отдельной операции в рамках психоконцептуальной войны) – это принудительное изменение массового, группового и индивидуального сознания членов подвергаемого нападению сообщества в направлении, желаемом агрессором. При этом, чем меньше будет осознаваться членами такого рода сообщества факт принуждения, тем меньше будет сопротивление соответствующему агрессивному воздействию. Поэтому речь идёт о как можно более скрытном, закамуфлированном информационном воздействии, иными словами, о таком феномене, который является классическим типом манипуляции [20].

Однако технологии информационных войн и массовых манипуляций крайне разнообразны. Современные отечественные исследователи когнитивных войн А.П. Алексеев и И.Ю. Алексеева подчеркивают, «что слово “война” вовсе не обязательно при описании систематических враждебных действий, направленных на ослабление (а в пределе – уничтожение) определенно-го государства» [21]. И приводят пример манипулятивной стратегии в рамках когнитивной войны, которая одним из инструментов полагает именно осведомленность противника о деструктивных действиях в его направлении.

Из опубликованного в общем доступе доклада корпорации RAND «Чрезмерное напряжение и разбалансирование России: Оценка эффективности вариантов» следует: «Действия, предпринимаемые для того, чтобы Россия надорвала свои силы, могут иметь желаемый эффект только при условии, что об этих действиях будет известно российскому руководству (а во многих случаях и российскому народу)...» [22].

Манипулятивное воздействие является принципом работы мема (в частности, медиамема), используемого как «оружия» в информационной психоконцептуальной войне.

Установленная как эмпирический факт корреляция между использованием мемов и практиками манипуляции достаточно высока. И этому есть соответствующее причинно-следственное объяснение.

Сегодня мы уже знаем тот психофизиологический механизм человека, который отвечает за поддаваемость данного человека манипулятивному воздействию [23].

Как было выявлено в новейших исследованиях, человек вовлекается в манипулятивное воздействие, т. е. совершает, поддаваясь искушению тактического выигрыша, стратегически для себя невыгодное действие в результате рассогласования работы двух основных механизмов, характерных для системы когнитивного обслуживания человеческой деятельности. Первый (в терминологии Д. Канемана и его школы) – система 1; второй – система 2 [24, 25].

Именно система 2 отвечает за стратегическое предвидение. Она эволюционно более поздняя в развитии человека – умеет выделять и оперировать причинно-следственными и логическими закономерностями (в этом смысле представляет собой рациональное мышление человека), система 2 рефлексивна, т. е. осознаёт принципы и технику своей работы, и критична (в том числе самокритична), т. е. следит за обоснованностью своих построений, проверяя их корректность с точки зрения не-противоречия природным и логическим законам.

Система 2 энергетически высокоч затратна. Поскольку любой живой организм старается минимизировать расходы всегда ограниченных энергетических ресурсов, это непосредственным образом сказывается на работе системы 2. Во-первых, если для нее нет соответствующей мотивации, то она и не работает. Во-вторых, если система 2 всё-таки начинает работать, то она «долго раскачивается» и, даже выйдя на свой нормальный уровень, остаётся относительно медлительной и не слишком эффективной. В частности, она способна одновременно анализировать лишь ограниченное число параметров (обычно 7 ± 2). Система 2 очень зависима от дефицита энергии в организме. Если организм сталкивается со стрессовой ситуацией, в рамках которой приходится осуществлять энергетические затраты (переутомление, голод, опасность, дефицит времени для решения сложной задачи и т.д.), то системе 2 достаётся меньшая по сравнению с нормативной энергетическая квота. В этом случае в работе системы 2 возникают перебои, а в пределе наступает полный ступор.

Система 1 энергетически малозатратная, быстрая, способная одновременно анализировать достаточно большое число параметров. Однако она «не умеет» выделять причинно-следственные связи, не придерживается законов логики, не является рефлексивной и критичной (работает на бессознательном уровне). Если система 2 способна вербализовать свои рассуждения, то система 1 – нет. Её язык – это язык образов и эмоций, которые возникают и действуют без участия воли и сознания, можно сказать, «самопроизвольно».

Главный принцип, которым руководствуется система 1 – это принцип прецедента. Система 1 рекомендует поступать человеку на основе той информации, которая наиболее часто повторяется в его опыте. Именно поэтому система 1 (достаточно) хорошо справляется с обслуживанием текущей повседневной деятельности человека, но зачастую ошибается в сложных, выходящих за рамки обычной жизни человеческого организма ситуациях. Но именно с такими ситуациями, как правило, сталкивается человек в рамках своей социальной жизни в условиях современного общества. Здесь система 1 не слишком эффективна, требуется помощь системы 2, которая может (и должна) критически отнестись к рекомендациям системы 1 (непосредственным желанием) и либо согласиться с ними, либо отвергнуть как стратегически слабые.

На основе учета вышевыделенных психофизических особенностей общей системы когнитивной регуляции человеческой деятельности достаточно очевидными становятся условия эффективной манипуляции классического типа. Выигрышные «здесь и сейчас», но стратегически проигрышные решения принимаются системой 1 при отсутствии должной критики от системы 2. Отсюда следует, что человека надо поставить в такие условия, когда по возможности максимально будет затруднена работа его системы 2 и решения будет принимать в основном система 1. Для того чтобы система 1 направила человека по поведенческой траектории в стратегическом плане выгодной манипулятору, следует насытить информационную среду постоянно повторяющимися и привлекательными для системы 1 паттернами, которые и будут задавать текущие желания человека [26, 27].

Непрерывная репликация мемов (необходимое условие их существования) как раз и обеспечивает постоянную повторяемость последних. И наиболее повторяющимися, наиболее заполняющими информационное пространство человека и являются самые успешные, самые «выживающие» мемы. Иными словами, удачно сконструированные мемы, захватывая всё большую часть информационного пространства, настолько часто врываются в сознание и (ещё в большей мере, благодаря своей коннотативной составляющей) в бессознательное человека, что его система 1 (которая, будучи не критичной к содержанию сообщения, ориентируется в первую очередь на повторяемость) убеждается в правомерности или (выражаясь традиционным, но фактически не корректным языком) в истинности упакованной в мемы информации и начинает рекомендовать человеку выстраивать поведенческую траекторию на основе таким образом полученной информации.

Так в современном обществе начинает цениться не столько истинность, сколько распространённость информации. На первый план выходит популярность, выявляемая различного рода индикаторами: от специальных замеров до количества просмотров и лайков, оставляемых после соответствующих постов.

При этом обнаруживается, что популярность информации может обеспечиваться как «естественным» способом, так и «искусственным».

«Естественный» – способ обеспечения популярности информации основывается на (высоком) качестве информации. Причем качество – это отнюдь не обязательно истинность, повышают качество информации лёгкость её освоения, эстетическая привлекательность, желательность её получения и т.д.

«Искусственный» способ обеспечения популярности информации связан с деятельностью особого рода акторов, специализирующихся на формировании соответствующего контента и, что особенно важно, на принудительном его распространении как за счёт многочисленности источников трансляции такой информации, так и за счёт подавления источников трансляции информации, не совпадающей с принудительно распространяемой. Как правило, такого рода акторы имеют государственную (или даже надгосударственную/межгосударственную) поддержку. Их деятельность принято обозначать понятием «пропаганда».

Хорошо организованная пропаганда особенно важна в случае экстремальных событий, захватывающих большие народные массы. Сюда в первую очередь относятся межстрановые войны, как и все их многоаспектные проявления: мобилизационная возгонка «своих» граждан в преддверии войны, поддержание психологической боеспособности своих бойцов в ходе войны, дезинформирующее и разлагающее информатирование граждан страны-противника, психологическое ослабление бойцов страны-противника. Примером такой эффективной, хорошо организованной пропаганды может считаться деятельность пропагандистской машины Третьего рейха, которая оказала настолько мощное «зомбирующее» влияние как на немецкое гражданское общество, так и на армию, что оправдывались и поддерживались самые преступные, самые бесчеловечные деяния фашистов [27–29].

Итак, «вербовка» системы 1 на основе мемно организованной информации (что так характерно для современного общества) – это первый ключ к широкой мем-манипуляции. Но нельзя забывать и про второй ключ. Им является подавление критической работы системы 2.

Здесь также можно выделить два способа организации такого подавления. Условно говоря, «естественный», когда сама ситуация в обществе складывается таким образом, что человек постоянно находится в стрессе, постоянно и неизбежно перенапрягаясь как в физическом, так и в когнитивно-психологическом планах из-за временного цейтнота в условиях необходимости решения слишком большого количества трудновыполнимых задач.

И «искусственный», когда в такое стрессовое состояние человека вводят специально организованные действия соответствующих акторов [30]. В обоих случаях система 2 перманентно находящегося в стрессе человека начинает «отказываться» и не справляется со своими функциями, не обеспечивает должную рефлексии и критическую работу сознания.

В условиях «отключения» системы 2 человек подпадает под определяющее влияние своей системы 1, а (вспомним Франсиско Гойю) сон разума может породить чудовищ.

Выводы

Философский анализ современного общества с точки зрения широкой востребованности и употребления концептов «мем», «манипуляция», «информационные войны» позволил высказать гипотезу о причинно-следственной связи и определённом механизме взаимодействия обозначаемых этими концептами феноменов.

Для проверки высказанной гипотезы было произведено исследование понятия «мем» с точки зрения концептуальной истории его становления и развития. Показано, что мем как реплицирующаяся культурная единица является важным элементом культуры. Именно на пространстве мемов (имеющих при этом иерархически-системное строение) происходит своего рода «естественный отбор» культурных элементов. При этом на культурологическое «выживание» мемов оказывает влияние целый ряд факторов, среди которых истинность понятий или утверждений, ставших мемами, играет далеко не первую роль.

Выявлен механизм распространения мемов в обществе, в качестве которого следует признать не столько имитацию и подражание (точка зрения современных англоязычных исследователей), сколько социальную коммуникацию в двух её основных вариантах, связанных с решением таких основополагающих функциональных задач человеческого сообщества, как 1) передача знаний от поколения к поколению, а также среди современников; 2) координация деятельности взаимодействующих индивидов.

Определено «место существования» мемов, в качестве которого следует признать не индивидуальное сознание людей (точка зрения «интерналистов») и не саму по себе объективную реальность (точка зрения «экстерналистов»), а так называемый третий мир (К. Поппер) – мир объективированных сущностей (идеальное не в узком, а в широком смысле слова).

Выявлена особая сложность виральных медиамемов, которая возникает за счёт добавления к денотативно простой составляющей многогранной коннотативной составляющей, остающейся, как правило, вне контроля сознания, что значительно усиливает и заразительность, и манипулятивные возможности такого мема.

Современное общество, характеризующееся дефицитом материальных, временных и психологических ресурсов человека, которые последний может выделять на переработку захлесты-

вающих его информационных потоков, способствует минимизации когнитивной сложности и временной длительности «разворачивания» становящихся вирусными мемов. В то же время обнаруживается, что вирусные мемы (медиаемы) при видимой простоте несут мощный коннотативный пласт, используемый для манипулятивного воздействия на человека в системе современной коммуникации.

Показано, что современное общество характеризуется повышением накала информационных войн, для ведения которых используются разнообразные медиа технологии как генераторы вирусных медиаемов.

Продемонстрирован общий механизм манипулятивного воздействия на человека – торможение его системы 2 при усиленной подпитке за счёт постоянного повторения определенной информационной программы, адресуемой системе 1.

Именно этот механизм задействуется в процессе потребления вирусных медиаемов в современном обществе, что позволяет определить мем-манипуляцию как один из инструментов ведения информационной войны, объяснить принципы мем-манипуляции и тем самым углубить наше понимание специфики предназначенного для атаки и/или нападения информационного оружия в современных условиях.

Список источников

1. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.
2. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
3. Докинз Р. Расширенный фенотип. М.: Астрель, 2010. 512 с.
4. Докинз Р. Слепой часовщик. Как эволюция доказывает отсутствие замысла во Вселенной. М.: АСТ, 2014. 496 с.
5. Докинз Р. Вирусы мозга // Химия и жизнь. 2005. № 10. С. 50–57.
6. Dennett D. Consciousness Explained. Boston: Little, Brown and Co, 1991. 511 p.
7. Dennett D. Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon. New York: Viking Press, 2006. 464 p.
8. Кузнецов И. Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. М.: Бомбора, 2022. 257 с.
9. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса. М.: Академический проект; Трикста, 2008. 475 с.
10. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1969. № 6. С. 128–140.
11. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
12. Лифшиц М.А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 120–145.
13. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2003. 368 с.
14. Blackmore S. The Power of Memes // Scientific American. 2000. Vol. 283, № 4. URL: <http://www.susanblackmore.co.uk/Articles/SciAm00.html> (дата обращения: 10.06.2022).
15. Биндас Д.В. Философская парадигма информационной войны и обеспечения медиабезопасности : дис. ... канд. филос. наук. М., 2023. 168 с.
16. Ларина Е.С. Умножающие скорбь. Как выжить в эпоху элит. М.: Книжный мир, 2016. 382 с.
17. Hoffman F.G. Future Threats and Strategic Thinking // Military Strategy Magazine. 2011. Vol. 1, iss. 4. URL: <https://www.militarystrategymagazine.com/article/future-threats-and-strategic-thinking/> (дата обращения: 10.06.2022).
18. Strategy and its discontents: The place of strategy in national policy making // ASPI. Sydney, 2014.
19. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Новая военная стратегия США и поведенческие войны // Информационные войны. 2015. № 3. С. 27–34.
20. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
21. Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Цифровизация и когнитивные войны // Философия и общество. 2021. № 4 (101). С. 39–51.
22. Extending Russia: Competing from Advantageous Ground. Santa-Monica, CA: RAND, 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 01.02.2021).

23. Черников М.В., Авдеенко Е.В. Манипуляция как инструмент пропаганды // КАНТ. 2023. № 2 (47). С. 245–251.
24. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. М.: Изд-во Института прикладной психологии, Гуманитарный центр, 2005. 632 с.
25. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014. 763 с.
26. Черников М.В., Жучков Д.О., Жучкова А.М. Дискурс-внушение: принципы организации и логика функционирования // Современная коммуникативистика. 2019. № 2 (39). С. 28–35.
27. Черников М.В. Дискурс-управление сознанием: пример III рейха // Информационные войны. 2022. № 2 (62). С. 92–98.
28. Герциштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996. 608 с.
29. Кормилицына Е.Г. Йозеф Геббельс. Особенности нацистского пиара. М.: ОЛМА Медиа-групп, 2011. 288 с.
30. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2009. 656 с

References

1. Dawkins R. *The Selfish gene*. Moscow: Mir Publ.; 1993. 318 p. (In Russ.).
2. Nazaretyan A.P. *Anthropology of violence and culture of self-organization: essays in evolutionary-historical psychology*. Moscow: LKI Publ.; 2007. 256 p. (In Russ.).
3. Dawkins R. *The extended phenotype*. Moscow: Astrel' Publ.; 2010. 512 p. (In Russ.).
4. Dawkins R. *The blind watchmaker: why the evidence of evolution reveals a universe without design*. Moscow: AST Publ.; 2014. 496 p. (In Russ.).
5. Dawkins R. Viruses of the mind. *Himiya i zhizn' = Chemistry and Life*. 2005;(10):50-57. (In Russ.).
6. Dennett D. *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown and Co Publ.; 1991. 511 p.
7. Dennett D. *Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon*. New York: Viking Press; 2006. 464 p.
8. Kuznecov I. *Memes. A scientific look at the pop culture phenomenon that has taken over the world*. Moscow: Bombora Publ.; 2022. 257 p. (In Russ.).
9. Lakatos I. *Selected works on the philosophy and methodology of science*. Transl. by I.N. Veselovsky, A.L. Nikiforov, V.N. Porus. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksa Publ.; 2008. 475 p. (In Russ.).
10. Il'enkov E.V. The problem of the ideal. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 1969;(6):128-140. (In Russ.).
11. Il'enkov E.V. *Dialectical logic. Essays on history and theory*. Moscow: Politizdat Publ.; 1974. 271 p. (In Russ.).
12. Lifshic M.A. On the ideal and the real. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 1984;(10):120-145. (In Russ.).
13. Rushkoff D. *Media Virus! Hidden agendas in popular culture*. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura Publ.; 2003. 368 p. (In Russ.).
14. Blackmore S. The Power of Memes. *Scientific American*. 2000;283(4). Available from: <http://www.susanblackmore.co.uk/Articles/SciAm00.html> [Accessed 10th June 2022].
15. Bindas D.V. *Philosophical paradigm of information warfare and media security*. Dissertation. Moscow, 2023. 168 p. (In Russ.).
16. Larina E.S. *Multiplying grief. How to survive in the era of elites*. Moscow: Knizhnyi mir Publ.; 2016. 382 p. (In Russ.).
17. Hoffman F.G. Future Threats and Strategic Thinking. *Military Strategy Magazine*. Vol. 1, iss. 4. Available from: <https://www.militarystrategymagazine.com/article/future-threats-and-strategic-thinking/> [Accessed 10th June 2022].
18. Strategy and its discontents: The place of strategy in national policy making. *ASPI*. Sydney, 2014.
19. Larina E.S., Ovchinsky V.S. The new US military strategy and behavioral wars. *Informatsionnye voyny = Dual Technology*. 2015;(3):27-34. (In Russ.).
20. Kara-Murza S.G. *Mind manipulation*. Moscow: Eksmo Publ.; 2005. 832 p. (In Russ.).
21. Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. Digitalization and cognitive wars. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2021;(4):39-51. (In Russ.).

22. *Extending Russia: Competing from Advantageous Ground*. Santa-Monica, CA: RAND, 2019. Available from: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html [Accessed 1st February 2021].

23. Chernikov M.V., Avdeenko E.V. Manipulation as a propaganda tool. *KANT*. 2023;(2):245-251. (In Russ.).

24. Kahneman D., Slovik P., Tversky A. *Judgment under uncertainty: heuristics and biases*. Moscow: Institute of Applied Psychology, Humanitarian Center Press; 2005. 632 p. (In Russ.).

25. Kahneman D. *Thinking, fast and slow*. Moscow: AST Publ.; 2014. 763 p. (In Russ.).

26. Chernikov M.V., Zhuchkov D.O., Zhuchkova A.M. Discourse-suggestion: principles of organization and logic of functioning. *Sovremennaya kommunikativistika = Modern Communication Science*. 2019;(2):28-35. (In Russ.).

27. Chernikov M.V. Discourse control of consciousness: example Third Reich. *Informatsionnye voyny = Dual Technology*. 2022;(2):92-98. (In Russ.).

28. Herzstein R.E. *The war that Hitler won*. Smolensk: Rusich Publ.; 1996. 608 p. (In Russ.).

29. Kormilitsyna E.G. *Joseph Goebbels. Features of Nazi PR*. Moscow: OLMA Media-grupp Publ.; 2011. 288 p. (In Russ.).

30. Klein N. *The doctrine of shock. The heyday of disaster capitalism*. Moscow: Dobraya kniga Publ.; 2009. 656 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.В. Черников – доктор философских наук, доцент.

Л.С. Перевозчикова – доктор философских наук, доцент.

Е.В. Авдеенко – кандидат философских наук.

Information about the authors

M.V. Chernikov – Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor.

L.S. Perevozchikova – Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor.

E.V. Avdeenko – Candidate of Science (Philosophy).

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 20.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 93.47

doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-38-43

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВИЗИЯ И ДИСКУССИЯ В РСДРП 1908–1909 гг.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Антон Викторович Аверьянов¹, Лев Георгиевич Димидов²✉

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ avaveryanov@sfnedu.ru

² dimidovlev@yandex.ru ✉

Аннотация. Рассматривается дискуссия об эмпириокритицизме 1908–1909 гг. и её последствия для советского проекта и социализма в целом. Ревизия марксизма с позиций второго позитивизма Э. Маха и Р. Авенариуса, предпринятая группой авторов (А. А. Богданов, В. А. Базаров, А. В. Луначарский и др.), оценивается как продуктивная попытка разработать актуальную марксистскую эпистемологию. Анализ историографии позволяет утверждать, что обострение идейного конфликта и разгром Богданова и его единомышленников не имел философских оснований, но привёл к долгосрочным негативным последствиям для философии познания в СССР и на всём социалистическом пространстве.

Ключевые слова: марксистская эпистемология, эмпириомонизм, эмпириокритицизм, большевистский центр, РСДРП, ревизионизм, Богданов, Ленин, Плеханов

Для цитирования: Аверьянов А.В., Димидов Л.Г. Эпистемологическая ревизия и дискуссия в РСДРП 1908–1909 гг.: причины и последствия // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 38–43.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

EPISTEMOLOGICAL REVISION AND DISCUSSION IN THE RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC LABOR PARTY IN 1908-1909: CAUSES AND CONSEQUENCES

Anton V. Averyanov¹, Lev G. Dimidov²✉

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ avaveryanov@sfnedu.ru

² dimidovlev@yandex.ru ✉

Abstract. The article analyses the discussion of empirio-criticism of 1908-1909 and its consequences for the Soviet project and socialism in general. The revision of Marxism from the standpoint of the second positivism of E. Mach and R. Avenarius, undertaken by the group of authors (A. A. Bogdanov, V. A. Bazarov, A. V. Lunacharsky, etc.), is considered as a productive attempt to develop an actual Marxist epistemology. The analysis of historiography suggests that the aggravation of the ideological conflict and the defeat of Bogdanov and his associates had no philosophical grounds but led to long-term negative consequences for the philosophy of knowledge in the USSR and throughout the socialist space.

Keywords: Marxist epistemology, empirio-monism, empirio-criticism, Bolshevik center, Russian Social Democratic Labor Party, revisionism, Bogdanov, Lenin, Plekhanov

For citation: Averyanov A.V., Dimidov L.G. Epistemological Revision and Discussion in the Russian Social Democratic Workers' Party in 1908-1909: Causes and Consequences. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(3):38-43. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Интеллектуальное пространство России начала XX в. представляет огромный научный интерес, поскольку именно в его рамках формировалось мировоззрение участников будущих великих потрясений. Дискуссии того времени имеют корни как в российской интеллектуальной традиции, так и в европейском идейном «импорте». Роль последнего оказывается особенно высокой, если мы пытаемся понять суть вопросов, ответы на которые искали представители российского социал-демократического движения. Высшее руководство РСДРП долгое время находилось в эмиграции, считало себя частью европейской социал-демократии и было связано с её интеллектуальным пространством необыкновенно тесно. Кроме того, члены организации были крайне неоднородны по своим взглядам, впитывая самые разные воззрения из современного им информационного пространства.

Рассуждая о дебатах большевиков и меньшевиков начала XX в., обычно вспоминают темы, имевшие специфически-российский или социалистический контекст: аграрный вопрос, принципы работы партии, участие в Госдуме, богостроительство и т. п. Достаточно подробно описано их влияние на будущие события и политику большевиков после прихода к власти. Однако, на наш взгляд, такая линия не проведена для ещё одного важного спора – дискуссии В. И. Ленина с А. А. Богдановым и другими партийными мыслителями, затрагивавшей, кажется, даже не теорию социализма, а сугубо философские аспекты.

В философии науки рубежа XIX и XX вв. происходит трансформация, которую обычно связывают с именами Р. Авенариуса и Э. Маха, швейцарских учёных и теоретиков науки. Наследием нового направления, эмпириокритицизма, которое позже назвали вторым позитивизмом, считается революция в физике первых десятилетий XX в. [1]. В силу указанных выше причин интерес к такой проблематике не обходит представителей российской революционной интеллигенции; следует особо отметить существование единой «литературной республики» социалистического интернационала, в котором перо оказывалось более важным инструментом, чем бомба. Приобщить новые философские идеи к марксистскому дискурсу показалось важной задачей многим его последователям.

Попытку ревизии марксизма с эпистемологических позиций с привлечением идей второго позитивизма произвели В. А. Базаров, Я. А. Берман, А. А. Богданов, Н. В. Валентинов, О. И. Гельфонд, А. В. Луначарский, С. А. Суворов, П. С. Юшкевич. Особое место занимал, конечно, А. А. Богданов как один из наиболее оригинальных теоретиков, широко известный в социалистическом подполье благодаря своим популяризаторским работам. В 1904–1908 гг. он пишет внушительного размера работу, опубликованную в эти годы в виде отдельных глав статей – «Эмпириомонизм» [2]. Немаловажно и его высокое положение в партии в 1904–1909 гг. как фактического руководителя фракции внутри России в годы Первой русской революции, а затем и одного из трёх руководителей Большевицкого центра – органа большевиков в РСДРП после Стокгольмского съезда.

Собственно, именно эта двоякая природа интересов и занятий Богданова и сыграла в значительной степени трагическую роль в описываемом нами сюжете. Это обстоятельство имеет свою логику, поскольку изучение таких организаций, как большевистская фракция в начале XX в., требует понимания определённой социологической обусловленности происходивших внутри неё процессов. Разделение партии на сидящих в тюрьмах и ссылке, работающих в России и эмигрировавших, существование семейных и товарищеских уз часто оказывается важнее для понимания деятельности организации, чем формальные ярлыки партийной и идейной принадлежности. Поэтому рассмотрим дискуссию 1908–1909 гг. с позиций конкретных обстоятельств места, времени и внутренней «кухни» большевистской фракции и философских позиций.

Созвучие идей упомянутых авторов (Богданов, Луначарский, Берман, Суворов и др.) имеет корни в их длительном тесном общении друг с другом в Вологодской ссылке, которая вопреки желанию охраны изолировать подозрительных деятелей стала настоящим мозговым трестом [3, с. 46]. Здесь помимо широко известного богостроительства в центре обсуждения оказываются проблемы философии познания. Первая русская революция и другие интересы на время отвлекают авторов, но не заставляют отказаться от начатой работы: в 1908 г. в Санкт-Петербурге выходит сборник их статей «Очерки по философии марксизма». Наряду с «Эмпириомонизмом» Богданова он подводит определённый итог работам коллектива в первом десятилетии XX в. и выводит философскую дискуссию на первый план.

Следует сказать, что философские новации Богданова, Базарова, Бермана и прочих были встречены в штыки с самого начала. Первым серьёзным оппонентом «Эмпириомонизма» стал один из лидеров русского социализма Г. В. Плеханов, который, по утверждению В. Н. Садовского, при своей ортодоксальности, подспудно проводил собственную ревизию наследия Маркса и Энгельса [4, с. 34]. Тем не менее он немедленно вступил с Богдановым в ожесточённую дискуссию, в которой мы можем увидеть предвестия будущего скатывания дискуссии к едкому обмену оскорблениями. Не оценил изысканий авторов и Ленин, который считал их философские искания сугубо ошибочными. Однако вплоть до 1908 г. с его стороны не происходило выпадов и критики, и ему хватало терпения сдерживать своё недовольство ради тех выгод, которые давал союз с вологодским кружком и талантливым организатором Богдановым, бывшим по существу «вице-лидером» большевиков в годы Первой русской революции [3, с. 6]. Так, во время заключения союза Ленина и Богданова в 1904 г. одним из его условий было сознательное исключение философии из сферы обсуждения.

Почему Ленин решил разорвать продуктивное сотрудничество с Богдановым и многими видными партийными интеллектуалами именно в 1908–1909 гг.? Советская историография вслед за Лениным утверждала необходимость и неизбежность разгрома, обосновывая это опасным идейным уклоном, критической ревизией философских построений Маркса (собственно, сама коннотация слова «ревизия» не как обновления и доработки, но как искажения изначальной верной сути, появление пейоратива «ревизионизм» происходит во многом в ходе описываемых событий). Одним из самых подробных исследований этого направления можно считать монографию А. И. Володина [5].

В историографии присутствуют и другие оценки, в которых упор делается на «социологию» вопроса: личные, партийные и властно-финансовые интересы участников событий. Первым обратил внимание на подспудные причины обострения конфликта, помимо участников событий, эмигрант Б. И. Николаевский [6, с. 13]. Он на основании сравнения известных ему источников личного происхождения указывает на особую роль борьбы за власть над Большевицким центром. БЦ был попыткой проигравших большевиков сохранить суверенитет как отдельной структуры внутри партии и, что немаловажно, суверенитет финансовый.

Незадолго до рассматриваемых событий, приложив все усилия, именно члены большевистской фракции получают доступ к крупным финансовым поступлениям: речь идёт о Тифлисской экспроприации 1907 г. и нескольких последовательных итераций борьбы за состояние покойного Саввы Морозова и его наследников.

Возможность утаить доходы от меньшевиков (особенно после осуждения «эксов») и пустить их на усиление собственной структуры и печатных органов потребовала от Ленина разрушить разделение властей и отстранить своих принципиальных товарищей по руководству БЦ: А. А. Богданова и Л. Б. Красина. С этой позицией соглашаются Т. О'Коннор [7] и А. Ю. Морозова [3, с. 68]. Ключевую роль в ситуации с партийной кассой признают авторы В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник [8, с. 227]. Они подчёркивают, что конфликт был неизбежен и из-за несогласий о тактике участия в Государственной Думе.

Несколько иначе оценивает ситуацию О. В. Щёлоков, указывая на первенство борьбы за лидерство, в которой Ленин неизбежно проиграл бы «интеллектуалам», если бы не вступил с ними в борьбу на их же поприще [9, с. 72]. О результатах этой борьбы можно судить по победе Ленина, хотя рецензии современников пестрят уничижительными оценками проведённой Лениным работы.

Это оценки не только самого Богданова, ответившего на «Материализм и эмпириокритицизм» статьями «Приключения одной философской школы» и «Вера и наука», но и, например, Г. В. Плеханова и В. М. Чернова [8, с. 216]. На странность поведения Ленина указывает философ М. В. Локтионов, поскольку зачатки богдановской гетеродоксии он усматривает уже в его главной популяризаторской работе, «Кратком курсе экономической науки», неоднократно переиздававшемся с 1897 г. Важно, что уже тогда Ленин написал на неё хвалебную рецензию, где признавал книгу безусловно марксистской. М. В. Локтионов задаётся вопросом: почему со временем его мнение изменилось на противоположное? [10, с. 98].

Если согласиться с аргументацией этих авторов, то остаётся вернуться к философской стороне вопроса, но уже с учетом последствий. Даже если Ленин уничтожил эпистемологическую ревизию из соображений не вполне теоретико-философских, то последствия для будущего партии как института и кадровой организации очевидны. 1909 г. стал этапом укрепления власти Ленина в партии, а его методы борьбы отразились в последующем. Применение большевистскими вождями власти-знания и монополии на провозглашение истины, определение генеральной линии и даже создание особого номиналистского языка, изобилующего специфическими пейоративами (от «ревизионизма» и «троцкизма» до «волюнтаризма» и «застойных явлений»), можно считать отголосками событий 1908–1909 гг. Эта мысль не нова, она лишь дополняет рассуждения А. В. Юрчака, который видел корни особого советского языка в наследии Сталина [11], и указывает на глубокое влияние ленинского практического наследия.

Важно отметить и последствия для строго философской стороны вопроса. Дело в том, что колея, проложенная решениями русских социалистов эпохи великих потрясений, во многом детерминировала будущую историю всего социалистического движения. Решения Ленина институционализировались в принципах работы партии, всего Советского государства, через прямые и косвенные инструменты (например, структуры Коминтерна) детерминировали широкий круг процессов во всех последующих социалистических проектах, в «реальном» социализме, каким мы его понимаем на сегодняшний день.

Победа Ленина в дискуссии 1908–1909 гг. и то, каким образом она была одержана, остановило развитие марксистской и, даже шире, социалистической эпистемологии. Следует отметить, что эпистемология всегда была слабым местом социалистической философии. Например, тонкая граница между либеральным и левым Просвещением становится куда более явной, если мы обращаем внимание на ту глубину, проблемы познания мыслителей шотландского просвещения и Ш. Монтескьё, и на то, как эта проблематика уступает место этическим аспектам у того же Ж.-Ж. Руссо. Восторженная вера в безграничные возможности человеческого разума со служила дурную службу социалистам и их предтечам. По большому счёту единственным автором, имеющим профильные труды по эпистемологии в XIX в., был И. Дицген. Современник Маркса и Энгельса, он оказался в их тени, и марксистская эпистемология весь XIX в. оставалась в русле первого позитивизма Конта, несмотря на претензию на новый, особый, позитивизм у Гегеля аппарат получения знания.

Попытки русских марксистов породнить Маркса с Махом, предпринятые в начале XX в., были первым по-настоящему крупным опытом эпистемологического марксизма. С сегодняшних позиций они, разумеется, не могут выглядеть удовлетворительными, но в рамках своей эпохи для состояния эпистемологии марксизма того времени это был настоящий прорыв. Даже проблематичное предложение Богданова избежать следующего из критики опыта «солипсизма» верификацией в интересующей реальности коллектива и практической трудовой деятельности оказывается гораздо более валидным инструментом, чем ленинский «принцип отражения» [2, с. 161; 10, с. 71–76].

По большому счёту увлечение вологодских ссыльных работами эмпириокритиков могли привести к внедрению разработок второго позитивизма в марксистскую теорию. Увы, большевистская, советская, а затем и остальная социалистическая философия так и осталась вооружена надёжно защищённым от любых «ревий» эпистемологическим инструментарием середины XIX в., и оказалась глуха к последующим революциям в эпистемологии XX в. (логический позитивизм, постпозитивизм). Вновь здесь мы можем указать исключение, подтверждающее правило, – советского философа Э. Ильенкова, осуществившего оригинальные интерпретации

эпистемологии Гегеля, Маркса и Ленина и оказавшегося на долгие годы объектом критики и гонений за тот самый ревизионизм.

Таким образом, ревизия марксизма в начале XX в. была закономерным шагом развития марксистской мысли, продуктивной попыткой заполнить давно назревшую лакуну. Ленинская позиция, подчинённая решению конкретных утилитарных задач партийного строительства и политической борьбы, оказала решающее влияние на развитие марксистской эпистемологии. Авторитет «Материализма и эмпириокритицизма» как главного труда по философии основателя первого социалистического государства возвратил теорию познания в СССР и других социалистических странах к состоянию первого позитивизма.

Список источников

1. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
2. Богданов А. А. Эмпириомонизм: статьи по философии / отв. ред. В. Н. Садовский, послесл. В. Н. Садовского, А. Л. Андреева и М. А. Маслина. М.: Республика, 2003. 400 с.
3. Морозова А. Ю. «Неленинский большевизм» А. А. Богданова и «вперёдovцев». Идеи, альтернативы, практика. М.; СПб.: Нестор-история, 2019. 440 с.
4. Садовский В. Н. Эмпириомонизм А. А. Богданова: забытая глава философии науки // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1920–1950 годы / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 1998. 719 с.
5. Володин А. И. «Бой абсолютно неизбежен»: историко-философские очерки о книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М.: Политиздат, 1982. 192 с.
6. Николаевский Б. И. Тайные страницы истории / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М.: Изд-во гуманитар. лит-ры, 1995. 512 с.
7. О'Коннор Т. Борьба в Большевистском центре в 1908–1909 годах // Вопросы истории. 1991. Вып. 1. С. 20–32.
8. Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
9. Щёлоков О. В. РСДРП: проблемы лидерства и обновления руководства (1906–1911 гг.) // Исторические исследования: сб. науч. тр. Самара, 1998. Вып. 2. С. 72–73.
10. Локтионов М. В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М.: ИФ РАН, 2018. 135 с.
11. Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 664 с.

References

1. Stepin V. S. *Philosophy of science. Common problems*. Moscow: Gardariki Publ.; 2006. 384 p. (In Russ.).
2. Bogdanov A. A. *Empirio-monism: articles on philosophy*. Ed. by V. N. Sadovsky, after V. N. Sadovsky, A. L. Andreev and M. A. Maslin. Moscow: Respublika Publ.; 2003. 400 p. (In Russ.).
3. Morozova A. Yu. “Not Lenin Bolshevism” by A. A. Bogdanov and the “Vperedovites”. *Ideas, alternatives, practice*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-istoriya Publ.; 2019. 440 p. (In Russ.).
4. Sadovsky V. N. Empirio-monism A. A. Bogdanov: forgotten chapter of the philosophy of science. *Philosophy does not end... From the history of Russian philosophy. 20th century. 1920-1950*. Ed. by V. A. Lektorsky. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1998. 719 p. (in Russ.).
5. Volodin A. I. “The fight is absolutely inevitable”: historical and philosophical essays on the book of V. I. Lenin “Materialism and empirio-criticism”. Moscow: Politizdat Publ.; 1982. 192 p. (in Russ.).
6. Nikolaevsky B. I. *Secret pages of history*. Ed. by Yu. G. Felshtinsky. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature Press; 1995. 512 p. (In Russ.).
7. O'Connor T. Struggle in the Bolshevik Center in 1908-1909. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1991;(1):20-32. (In Russ.).
8. Izmozik V., Starkov B., Pavlov B., Rudnik S. *The true history of the RSDLP - RCP(b) - VKP(b). Short course. Without omissions and falsifications*. St. Petersburg: Piter Publ.; 2009. 496 p. (In Russ.).
9. Shchelokov O. V. RSDLP: Problems of leadership and leadership renewal (1906-1911). *Historical research*. Collection of articles, scientific works. Samara, 1998;(2):72-73. (In Russ.).
10. Loktionov M. V. *Alexander Bogdanov between Marxism and positivism*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Press; 2018. 135 p. (In Russ.).
11. Yurchak A. V. *It was forever until it ended. The last Soviet generation*. Moscow: NLO Publ.; 2014. 664 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А.В. Аверьянов – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории XX – XXI вв., Институт истории и международных отношений.

Л.Г. Димидов – магистрант, Институт истории и международных отношений.

Information about the authors

A.V. Averyanov – Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of National History of the 20th – 21st centuries, Institute of History and International Relations.

L.G. Dimidov – Master Student, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 25.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 28.08.2023.

The article was submitted 25.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья
УДК 94(47).084
doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-44-53

КОНФЛИКТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ТАГАНРОГСКОГО ИНСТИТУТА НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА П.М. ЕСМАНСКОГО С С.Л. ВОЛЬМИРОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАГАНРОГСКОГО ФИЛИАЛА ГАРО)

Андрей Анатольевич Аганов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Исторический парк «Россия – моя история», Ростов-на-Дону, Россия
aganoff.a@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается конфликт между председателем Таганрогского института научной организации производства П.М. Есманского и управляющим коммерческой частью, членом административной коллегии С.Л. Вольмиром на основе неопубликованных архивных источников, хранящихся в Таганрогском филиале ГАРО, которые впервые вводятся в научный оборот. Поднимаемая нами проблема конфликтов среди руководства Таганрогского института научной организации производства не рассматривалась историками.

Конфликт произошел в 1924 г. и начался из-за желания управляющего коммерческой частью С.Л. Вольмира в условиях новой экономической политики вести коммерческую деятельность и завоевать власть в Таганрогском институте научной организации производства. Его противником выступил председатель института П.М. Есманский, который не доверял своему подчиненному из-за жадности наживы, характерной для предприимчивых людей во время новой экономической политики, а также нецелевого использования средств во время командировки Вольмира в Москву. В этом конфликте Есманский имел поддержку другого члена административной коллегии А.А. Андреева. Он блокировал любые предложения Вольмира в коллегии. Заручившись поддержкой других сотрудников института, а также воспользовавшись условиями договора, заключенного между Вольмиром и институтом, предполагавшими выплаты в рамках управления рудниками, которые не были переданы организации, Есманский сумел выйти победителем в данном конфликте. Несмотря на свой уход Вольмир добился выплаты ему компенсации.

Ключевые слова: административная коллегия, С.Л. Вольмир, П.М. Есманский, коммерческая деятельность, конфликт, председатель, ТИНОП, С. П. Яндовский

Для цитирования: Аганов А.А. Конфликт председателя Таганрогского института научной организации производства П.М. Есманского с С.Л. Вольмиром (по материалам Таганрогского филиала ГАРО) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 44–53.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE CONFLICT BETWEEN THE CHAIRMAN OF THE TAGANROG INSTITUTE OF SCIENTIFIC ORGANIZATION OF PRODUCTION P.M. ESMANSKY WITH S.L. VOLMIR (BASED ON THE MATERIALS OF THE TAGANROG BRANCH OF THE STATE ARCHIVE OF THE ROSTOV REGION)

Andrey A. Aganov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
Historical Park “Russia – My History”, Rostov-on-Don, Russia
aganoff.a@yandex.ru

© Аганов А.А., 2023

Abstract. This article considers the conflict that occurred between the chairman of the Taganrog Institute for the Scientific Organization of Production P.M. Esmansky and the manager of the commercial part, a member of the administrative board S.L. Volmir on the basis of unpublished archival sources stored in the Taganrog branch of the State Archive of the Rostov Region, which are introduced into scientific circulation for the first time. The problem of conflicts raised by us among the leadership of the Taganrog Institute for the Scientific Organization of Production has not been considered by historians.

This conflict occurred in 1924 and began because of the desire of the manager of the commercial part, S.L. Volmir in the conditions of the New Economic Policy to conduct commercial activities and gain power in the Taganrog Institute for the Scientific Organization of Production. His opponent was the chairman of the Institute, P.M. Esmansky, who did not trust his subordinate because of the greed for profit that was characteristic of enterprising people during the New Economic Policy, as well as misuse during Volmir's business trip to Moscow. In this conflict, Esmansky had the support of another member of the administrative board, A.A. Andreeva. He blocked any Volmir proposals in the college. Enlisting the support of other employees of the Institute, as well as taking advantage of the terms of the agreement concluded between Volmir and the Institute, which included payments for the management of mines that were not transferred to the organization, Esmansky managed to emerge victorious in this conflict. Despite his departure, Volmir achieved compensation for him.

Keywords: administrative board, S.L. Volmir, P.M. Esmansky, commercial activity, conflict, chairman, Taganrog Institute for the Scientific Organization of Production, S. P. Yandovsky

For citation: Aganov A.A. The Conflict Between the Chairman of the Taganrog Institute of Scientific Organization of Production P.M. Esmansky with S.L. Volmir (Based on the Materials of the Taganrog branch of the State Archive of the Rostov Region). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):44-53. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Цель данного исследования – показать историю конфликта, произошедшего в 1924 г. в Таганрогском институте научной организации производства (ТИНОП) между его председателем Павлом Матвеевичем Есманским и членом административной коллегии, руководителем коммерческого направления ТИНОПа Сергеем Львовичем Вольмиром, на основе архивных дел, которые хранятся в Таганрогском филиале Государственного архива Ростовской области. Данный конфликт является иллюстрацией того, что в период проведения в СССР новой экономической политики (нэп) существовала такая социальная группа людей, как нэпманы, у которых было свое дело. Их главной целью является извлечение прибыли через предоставление услуг, продажи товаров или торговли. Но в период нэпа предприимчивые люди не всегда имели свое собственное дело. Они могли работать на крупных предприятиях и отвечать на них за коммерческое направление. Успешное осуществление сделок позволяло им получать вознаграждение – тантьему, выплачиваемую в виде процента от прибыли организации. Она является полной противоположностью гонорарной системы, где человек получает свое вознаграждение согласно заранее зафиксированным условиям в договоре. Очень часто между руководством и служащими, работающими в данной сфере, происходят конфликты по поводу вознаграждения за оказание услуг коммерческого характера. Одним из таких примеров, на наш взгляд, служит конфликт внутри ТИНОПа.

Задачами данного исследования являются: 1) рассмотрение причин начала конфликта между председателем ТИНОПа П.М. Есманским и членом административной коллегии С.Л. Вольмиром; 2) анализ основной стадии развития конфликта и его итогов; 3) показать причины победы П.М. Есманского в нем.

Стоит отметить, что ТИНОПу и конфликту, происходящему внутри его руководства, в современной российской историографии практически не уделено должного внимания, т. е. специальной литературы по данной проблеме не существует. Некоторые российские учёные в своих научных трудах упоминали о существовании данной организации. Деятельность ТИНОПа рассматривалась В.Е. Ланкиным и В.Г. Шевелевым [1], Э.Б. Корицким [2], А.И. Кравченко [3]. Из крупных работ, посвященных изучению деятельности нэпманов во время проведения нэпа в

20-х гг. XX в. можно выделить вторую часть работы советского историка И.Я. Трифонова [4], в которой автор заявляет о том, что нэпманы стали появляться до введения нэпа в годы Гражданской войны из мелкобуржуазных слоев города и деревни, пополнившись в годы проведения нэпа. Он выдвинул тезис о «новой буржуазии» как особом классе, пришедшем на смену уничтоженному во время революционных потрясений классу крупных капиталистов. Отдельно стоит выделить статью китайского историка У. Эньюаня, опубликованную в российском журнале «Отечественная история» [5]. Он изучил состав и структуру новой советской «буржуазии» и пришел к выводу, что 95 % представителей этой группы не являются буржуазией в классическом понимании.

Таганрогский институт научной организации производства был создан 30 марта 1921 г. [6, л. 2] после проведения в Москве I Всероссийской конференции по научной организации труда и производства. Председателем ТИНОПа стал горный инженер П.М. Есманский. Главной задачей института было создание рациональной системы организации производства на промышленных предприятиях. Они должны были стать «образцово-показательными». Так как институт не содержался за счет государственной казны, он должен был самостоятельно зарабатывать денежные средства для оплаты труда рабочих и служащих, а также для восстановления мельниц и маслозаводов, которые передавались институту в рамках договоров с центральными и местными органами советской власти. Для этого ТИНОП должен был заниматься коммерческой деятельностью, продавая пшеницу, муку и другие товары, т. е. институту требовался человек, который смог бы заняться коммерческой деятельностью.

29 августа 1922 г. П.М. Есманский предложил С.Л. Вольмиру войти в состав совета института – одного из руководящих органов организации, с правом «решающего голоса» [7, л. 13]. Вольмир в тот же день дал своё согласие и стал сотрудником института. До перехода в ТИНОП он жил и работал в Горловке [8, л. 82]. Ему было дано право открывать от имени института текущий счет в Краевой конторе Государственного банка в Ростове-на-Дону «в банкнотах и червонном исчислении» [9, л. 5]. После этого фамилия Вольмира в документах Таганрогского филиала ГАРО появляется лишь в резолюции Есманского к письму, которое было отправлено в институт 22 июня 1923 г. председателем Управления Государственной каменноугольной промышленности (УГКП) Донбасса.

В нем сообщалось о том, что институт не сможет получить в свое хозяйственное ведение шахту Узловского рудника и шахту Антрацитского-Промышленного товарищества по той причине, что первая была сдана в аренду наркомату путей сообщения, а вторая входила во II группу последней концентрации шахт Донбасса. Она представляла собой одну неделимую единицу в хозяйственном и техническом отношении с Донецко-Грушевским рудником и по этой причине не могла быть передана институту. При этом в заключительной части письма говорится о том, что институт может отправить своего представителя для выбора шахты из предназначенных в аренду по приказу № 131. УГКП было готово сдавать их в аренду при заключении соответствующего договора. Есманский получил это письмо 30 июня 1923 г. [9, л. 5]. На нем он оставил резолюцию отправить инженера Вольмира для осмотра шахт и возможного заключения договора.

23 августа 1923 г. на заседании административной коллегии (руководящий орган управления института, состоящий из трех членов) Есманский выступил с докладом [10, л. 48], в котором проинформировал участников совещания о том, что институт достиг договоренности с управлением государственной каменноугольной промышленности о передаче в хозяйственное ведение организации на началах аренды на 10 лет для проведения научных испытаний каменноугольных и антрацитных рудников. Вольмир рассказал о разработанном положении по управлению рудниками и внес предложения о финансировании данного объединения. Положение было утверждено членами коллегии, а С.Л. Вольмиру было поручено изыскать средства на 3–4 месяца работы рудников путем получения у народного комиссариата финансов РСФСР необходимой ссуды.

29 августа 1923 г. С.Л. Вольмиру было отправлено письмо [9, л. 69] от председателя института П.М. Есманского. На основе решения административной коллегии от 21 августа 1923 г. он подтверждал, что Вольмир является членом правления предприятий и коммерческим директо-

ром объединенных каменноугольных и антрацитных рудников Института. В качестве основного вознаграждения он должен получать 120 рублей в месяц [9, л. 69] из средств предприятий объединения. Помимо основного оклада ему полагались «премия от производства и процент отчисления от чистой прибыли предприятий» [9, л. 69], размер которых административная коллегия должна была утвердить позднее. За счет предприятий объединения предоставлялась «квартира из четырех комнат со службами, с отоплением, водоснабжением и освещением» [9, л. 69]. Договор заключался на срок с 1 июля 1923 г. по 1 сентября 1924 г. Фактически данное соглашение в случае успешной коммерческой деятельности предприятий позволяло С.Л. Вольмиру получать помимо основного оклада хороший процент от доходов рудников.

Но его деятельность выходила за данные рамки. Он привлекался руководством ТИНОПа к переговорам с центральными органами власти для решения различных проблем организации. С этой целью Есманский отправил Вольмира в Москву в ноябре 1923 г. [9, л. 57–58]. Он привлек Вольмира к решению вопросов, связанных с получением ссуды от народного комиссариата финансов РСФСР, с работой комиссии при народном комиссариате финансов по мукомольной промышленности, переименованием института, делом о реорганизации Ростовского губернского мельничного отдела, а также решением вопроса об организации отделения института на территории Донбасса. Данная информация показывает, что Вольмир к концу 1923 г. пользовался доверием председателя ТИНОПа и поэтому тот поручал ему важные и ответственные задания.

Находясь в Москве, председатель ТИНОПа П.М. Есманский написал 13 декабря 1923 г. письмо [9, л. 80] С.Л. Вольмиру, в котором заявил, что необходимо подтвердить в письменной форме то, что «единственным письменным документом, регулирующим отношения института» [9, л. 80] к Вольмиру по вопросу его вознаграждения, является договор по организации и управлению каменно-угольными рудниками, где Вольмир должен был заведовать коммерческой частью. На тот момент Есманский верил, что они будут переданы в аренду институту. Поэтому он просил в письме, что Вольмиру и ТИНОПу необходимо срочно заключить письменный формальный договор, который регламентировал бы их взаимоотношения по поводу вознаграждения, получаемого Вольмиром за выполнение других работ, не связанных с организацией рудников.

Таким образом Есманский хотел поставить деятельность Вольмира, не связанную с коммерческой деятельностью на рудниках, в определенные правовые рамки, закрепив в письменной форме вознаграждение за выполняемую им работу. Вполне возможно, что между ними уже к этому времени был определенный конфликт, связанный с тем, что Вольмир привлекался к решению ряда задач, которые были не закреплены в договорной форме.

Для заключения договора о передаче рудников в хозяйственное ведение ТИНОПа Вольмиру была выдана доверенность [9, л. 63]. 16 декабря 1923 г. на заседании административной коллегии ТИНОПа вместе с ответственными работниками управления был заслушан отчет [9, л. 83] Вольмира по закреплению арендных прав на рудники. Но, как постановили члены заседания, деятельность Вольмира не приносит ТИНОПу реального результата и по этой причине отпуск ему средств будет в дальнейшем производиться по его личным «договорным условиям» [9, л. 83] при условии, что Вольмир будет осуществлять свою деятельность по заданиям от управления ТИНОПа.

Фактически работа Вольмира в Москве была признана провальной и теперь он должен был выполнять полностью распоряжения, отдаваемые руководством института. 27 декабря 1923 г. Есманский и главный бухгалтер ТИНОПа потребовали от него отчета по поводу траты выделенных ему «Р106. 935 р» [9, л. 81]. Положение Вольмира в глазах руководства института пошатнулось, судя по всему, из-за нецелевого использования выделенных ему финансовых средств.

Открытый конфликт между Есманским и Вольмиром начался в самом начале 1924 г. Это подтверждают документы Таганрогского филиала ГАРО. Вместе с К.С. Мешко и С.П. Яндовским Вольмир попытался ввести новый порядок приема входящих документов. В таганрогском архиве хранится отправленная ими копия письма [9, л. 1] от 9 января 1924 г. управлению делами ТИНОПа, в котором они просят с этого числа вести новый порядок приема и разбора входящих документов. Телеграммы отныне должны были приниматься и нумероваться очередным

номером в журнале входящих документов с необходимой отметкой на конверте или на обложке в нераспечатанном виде, а после этого передаваться коллегии управления предприятий, в которую входил Вольмир. Фактически он вместе с коллегами пытался улучшить систему приема входящей корреспонденции, но и одновременно желал знать обо всей поступавшей в ТИНОП информации для использования её в своих личных целях.

30 января 1924 г. на заседании административной коллегии института был заслушан вопрос о согласовании работы председателя ТИНОПа П.М. Есманского с ответственными сотрудниками института [8, л. 25]. На нем присутствовали три члена коллегии – П.М. Есманский, А.А. Андреев, С.Л. Вольмир, а также управляющий делами института Н.Ю. Царенко. По итогам заседания было принято решение, что все коммерческие операции должны лично утверждаться председателем ТИНОПа, расходы отныне необходимо вести только в рамках утвержденных им смет, а на превышение их требовалось личное разрешение П.М. Есманского. Последним пунктом обговаривалось аннулирование доверенностей Вольмира и Яндовского из-за принятия на совещании решения о создании новых доверенностей, в которых должны были быть четко прописаны права и обязанности тех, кому их выдают. Но Вольмир в особом мнении к протоколу выразил несогласие с данными решениями. Он считал, что Есманский берет на себя слишком много полномочий и тем самым парализует работу правления предприятиями, члены которого становятся консультантами при председателе. Вольмир считал, что председатель не разбирается в вопросах производства и торговли и тем самым может привести организацию к финансовой катастрофе.

На наш взгляд, принятие данного решения произошло по той причине, что Есманский желал полностью контролировать все финансовые траты организации и не доверял Вольмиру, который в свою очередь не хотел, чтобы в его сферу деятельности вмешивался кто-либо из руководства ТИНОПа. Из-за этого конфликт внутри руководства организации был неизбежен. Стоит отметить, что другой член коллегии, заведующий отделом рационализации А.А. Андреев при голосовании о принятии данного решения был на стороне председателя института, который благодаря этому имел необходимый перевес при голосовании. В дальнейшем он будет также принимать сторону Есманского и так как коллегия состояла из трех человек, Вольмир не мог блокировать те или иные решения главы ТИНОПа из-за отсутствия поддержки Андреева.

На следующий день состоялось очередное заседание административной коллегии института, на котором должны были определить, кто из двух глав коммерческого направления института (С.Л. Вольмир и С.П. Яндовский) займет должность заведующего коммерческим отделом, а другой – помощника по финансовой части. После решения данного вопроса административная коллегия или председатель должны заключить договор с ними, в котором были бы четко прописаны их права и обязанности по коммерческой работе. Институт для усиления контроля за данным отделом вводил специальную должность комиссара, который должен был наблюдать за работой сотрудников коммерческого направления. Комиссаром был утвержден сотрудник ТИНОПа Д.Е. Володарский, являющийся доверенным лицом Есманского. Второе решение касалось того, что вскрытие входящей корреспонденции должно производиться только управлением делами института.

На заседании было утверждено и положение о Торговом агентстве ТИНОПа в Ростове-на-Дону. С этими решениями снова был не согласен Вольмир, особое мнение которого было размещено в конце протокола. Он считал введение должности комиссара нецелесообразным. По его мнению, необходимо ввести в правление ответственного и компетентного работника, а если комиссар не будет обладать такими навыками, то его должность является лишь «фикцией» [8, л. 82]. Он заявил, что на данный шаг члены административной коллегии (речь идет о Есманском и Андрееве) и правления предприятиями идут только лишь из-за желания «ущемить личное достоинство и принизить авторитет другой части товарищей по работе» [9, л. 82]. Конечно, он имеет в виду себя и своего сторонника Яндовского. Не был он согласен и с решением об изменении вскрытия входящей корреспонденции.

Что касается утверждения положения о Торговом агентстве, то Вольмир считал, что оно было рассмотрено только председателем ТИНОПа П.М. Есманским. В утвержденном проекте положения агентству предоставлялись большие полномочия по «производству коммерческих

операций вплоть до неограниченного права кредитоваться /под векселя/» [9, л. 82], несмотря на обнаруженные в его работе злоупотребления и упущения. При этом члены правления предприятий ТИНОПа лишены такого права по вине Есманского. Вольмир писал, что «протестует против этого» [9, л. 82] и не понимает причин, по которым данные вопросы обсуждаются в неполном составе членов правления и Административной коллегии.

Фактически Есманский решил поставить под полный контроль деятельность коммерческого отдела и для этих целей вводил должность комиссара, который должен наблюдать за ним и докладывать руководству института обо всех принимаемых в нем решениях. Целью Есманского было поставить Вольмира в определенные рамки и усилить надзор за его деятельностью. Об этом говорит его решение о запрете Вольмиру открывать входящую корреспонденцию, благодаря которой он мог быть в курсе всего происходящего в институте.

7 февраля 1924 г. в Краевом управлении института было созвано экстренное заседание [8, л. 73] ответственных работников, на котором присутствующие заслушали вопрос о соответствии занимаемой должности в ТИНОПе заведующего Брюховецкой мельницей А.А. Землянского. Он обвинялся в должностных преступлениях, но свою вину не признавал. После выступления Землянского был заслушан С.Л. Вольмир, который заявил, что после обследования данной мельницы комиссия выявила злоупотребления заведующего и «крайне небрежное ведение отчетности» [8, л. 73]. Из-за этого ТИНОПу был нанесен материальный ущерб. После данного выступления Есманский задал Вольмиру вопрос о том, имели ли целью поступки Землянского извлечение личной выгоды. Вольмир ответил, что обследование мельницы еще не доведено до конца и он не может утверждать, что Землянский действовал ради личной наживы. После этого было принято решение продолжить работу комиссии по обследованию мельницы, а Землянскому до его завершения предложить «неответственную работу в институте» [8, л. 73]. С последним пунктом исходя из документа был несогласен Вольмир, который хотел увольнения Землянского из ТИНОПа.

Как подтверждают сохранившиеся документы, Есманский предпринимал все меры для того, чтобы Вольмир перестал быть сотрудником ТИНОПа. 21 февраля 1924 г. председатель отправил письмо С.Л. Вольмиру и С.П. Яндовскому, в котором сообщал, что из-за наступления «критического момента в состоянии мельничного дела» и «прогрессивно ухудшающихся перспектив в заготовке зерна и перебоев снабжения предприятий денежными средствами» [8, л. 9] он призывает отказаться от заключения любых коммерческих сделок. Руководство предприятиями и реализацией продукции Есманский возложил на заведующего предприятиями ТИНОПа К.С. Мешко, а работу Вольмира и Яндовского по выполнению коммерческих операций председатель временно прекратил до установления с ними «особого соглашения и соответствующего договора» [9, л. 9].

На заседании административной коллегии 22 февраля 1924 г. был принят ряд важных решений, которые касались работы Вольмира в институте. Одно из них – ликвидирование правления предприятиями института [8, л. 72]. Вместо этого аппарат института бы разделен на три отдела: административный, научно-исследовательский и производственно-коммерческий, во главе которых должен был встать заведующий. С данными решениями оказался не согласен Вольмир. Он представил к протоколу свое особое мнение. К сожалению, оно не сохранилось, но он в начале доклада предложил пригласить на заседание коллегии члена правления С.П. Яндовского с совещательным голосом. На это предложение большинство участников совещания ответило отрицательно в ходе голосования. Скорее всего это было связано с тем, что Яндовский поддерживал Вольмира. Стоит отметить, что принятое на заседании решение сильно сужало возможности Вольмира проявить себя в роли заведующего коммерческим отделом. Как можно понять из данного документа, Есманский хотел сократить степень участия Вольмира в работе ТИНОПа до минимального.

Вольмир прекрасно осознавал, что Есманский пытается добиться его ухода. 22 февраля 1924 г. он вместе с С.П. Яндовским отправил письмо [9, л. 7] председателю, в котором сообщалось о результатах проверки работы заведующего Брюховецкой мельницей ТИНОПа А.А. Землянского. Из-за обнаруженных злоупотреблений и неправильного ведения отчетности он был уволен. После перечисления его злоупотреблений авторы письма обращались к Есманскому, на

каком основании, несмотря на увольнение, спустя несколько дней Землянский был снова принят на работу в ТИНОП. Они не были согласны с данным решением Есманского, который, по их словам, вносит «дезорганизацию», что умаляет «авторитет административной коллегии и правления» [9, л. 7], а дисциплина ослабляется. Можно согласиться с тем, что Вольмир и Яндовский справедливо критикуют Есманского за решение оставить в рядах ТИНОПа человека, который занимался на своей должности различными злоупотреблениями. Такие решения действительно давали повод для справедливой критики Есманского со стороны Вольмира и Яндовского. Они показывают, что обе стороны имели свои определенные интересы и делали все для дискредитации друг друга в глазах окружающих.

Уже 23 февраля на очередном заседании административной коллегии Вольмир с Яндовским выступили с докладом о замеченных злоупотреблениях в работе заведующего Брюховецкой мельницы А.А. Землянского, заведующего мельницей А. Серебрянского, ревизора Гришина и Торгового агентства ТИНОПа в Ростове-на-Дону. Коллегия приняла решение уволить Землянского, а Серебрянского и Гришина оставить, так как они не совершили серьезных нарушений. Торговое агентство на момент проведения совещания обследовалось бухгалтером ТИНОПа и в случае обнаружений преступлений коллегия была готова создать комиссию.

Особое внимание стоит обратить на второй пункт повестки заседания. На нем обсуждался вопрос о введении фиксированного оклада для С.П. Яндовского и С.Л. Вольмира. Коллегия постановила выплатить им за январь-февраль 1924 г. по результатам их интенсивной работы по 60 червонцев каждому. С этим решением был снова несогласен Вольмир, который пообещал написать особое мнение к протоколу. Несмотря на попытки дискредитировать Есманского, Вольмир и Яндовский терпели поражение из-за того, что тот имел поддержку Андреева и благодаря этому административная коллегия блокировала все предложения несогласных [8, л. 27].

С каждый днем позиции Вольмира и Яндовского в ТИНОПе слабели. На заседании административной коллегии 26 февраля 1924 г. было подтверждено решение о ликвидации правления предприятиями. Вольмиру и Яндовскому предложено заключить соглашение для дальнейшей работы в ТИНОПе. При этом с данного момента и до подписания ими соглашения институт отказывался выплачивать им денежные средства [8, л. 26]. Таким образом, Есманский нанес сильный удар по своему противнику. Он также отдал распоряжение найти в документах управления делами ТИНОПа бумаги, в которых прописывались четкие размеры вознаграждения Вольмира. Управляющий делами Царенко в своем письме Есманскому от 29 февраля 1924 г. сообщал, что Вольмир является членом правления рудников и на основании решения административной коллегии должен был получать 120 рублей, а за свою интенсивную работу в январе-феврале 1924 г. он как член коммерческого отдела получил 60 червонцев [9, л. 49].

Из письма Вольмира административной коллегии ТИНОПа от 3 марта 1924 г. становится известно, что он вышел из ее состава 27 февраля 1924 г. [9, л. 21]. Вполне возможно, что это произошло по причине того, что Вольмир понимал свое проигрышное положение, так как другой член административной коллегии А.А. Андреев целиком и полностью был на стороне П.М. Есманского. Это давало председателю необходимый перевес при голосовании по решению различных вопросов. При этом Вольмир хотел получить от канцелярии института копии протоколов заседаний административной коллегии. Видимо, данные документы он хотел использовать в борьбе против Есманского. Он получил от нее отрицательный ответ. Несмотря на это, продолжил свои попытки и написал письмо 3 марта 1924 г. в административную коллегия с просьбой выдать ему копии протоколов заседаний, где он непосредственно принимал личное участие [9, л. 20]. Особенно его интересовал протокол от 23 февраля, где он написал свое мнение «по ряду вопросов, решенных в коллегии большинством голосов (2 против 1)» [9, л. 20] и поднимал проблему злоупотреблений отдельными сотрудниками института. Весьма вероятно, что он не получил данных документов.

В марте 1924 г. конфликт между Есманским и Вольмиром вышел на новый уровень. 4 марта под грифом «секретно» Есманскому было отправлено письмо от ответственного сотрудника ТИНОПа Глазко. Он рассказал о переговорах с членом Центральной контрольной комиссии Радченко в Бахмуте, который отметил, что административная коллегия ТИНОПа берет на работу лиц «явно дискредитировавших себя на других работах» [9, л. 11]. Речь шла о Вольмире, ко-

торого Радченко «выгнал за жульничество», а ТИНОП после этого принял его на работу. Свидетелем их разговора, как указывал Глазко, был член совета института Мейстер. В конце письма Глазко сообщал Есманскому, что эти сведения он передал ему для «принятия соответствующих мер» [9, л. 11].

Спустя два дня на заседании совета института было принято решение на основании предложения фракции коммунистов об исключении Вольмира из состава совета из-за нареканий со стороны Донецкого губернского совета профессиональных союзов (ДГСПС), касающихся его деятельности на Горловском заводе, а также из-за его действий в последние два месяца, когда «он обнаружил определенный уклон, несовместимый с пребыванием в совете института» [9, л. 15]. Помимо этого, он вместе с Яндовским обвинялся в преступных действиях из-за отказа после ликвидации правления предприятиями сдать все имеющиеся у них официальные дела, несмотря на просьбу руководства института. Решением от 10 марта 1924 г. у Вольмира и Яндовского были аннулированы выданные им в январе 1924 г. доверенности [9, л. 17].

Судя по сохранившимся документам в Таганрогском филиале ГАРО, решение было размещено в бахмутской газете «Всероссийская кочерга». Об этом становится известно из письма временно исполняющего обязанности председателя института К.С. Мешко в редакцию данной газеты от 11 марта 1924 г. [9, л. 16], что не было согласовано с Есманским. Это подтверждает письмо Д.В. Дубенского от 9 апреля 1924 г., в котором он сообщал, что публикация объявления об аннулировании доверенностей у Вольмира и Яндовского была принята по решению совета института без согласования с председателем ТИНОПа [9, л. 25]. Фактически конфликт внутри ТИНОПа был вынесен за пределы организации и административный состав института встал на сторону Есманского.

В то же время заведующий организационно-инструкторским отделом ТИНОПа Д.Е. Володарский старался узнать больше о работе Вольмира на Горловском заводе. В письме директору завода Каменскому от 28 марта 1924 г. он просил выслать «конкретный материал» по деятельности Вольмира на заводе, так как Каменский снял его с должности инженера и судился с ним. Володарский характеризует Вольмира в негативных тонах, который «держался крайне вызывающе, старался захватить в свои руки как можно больше власти и влияния», его «интересует возможность наживы» [9, л. 55].

Именно по этим причинам было принято решение о его исключении из совета института, с чем Вольмир не был согласен. 9 апреля 1924 г. он направляет письмо в административную коллегию ТИНОПа и сообщает, что его исключили из состава совета во время поездки в Харьков и Москву для доклада народному комиссариату Рабоче-крестьянской инспекции СССР «о ряде дефектов, обнаруженных в деятельности института» [9, л. 30]. Он просил коллегия объяснить ему причины принятия данного решения и созвать экстренное заседание совета для заслушивания доклада «о действительном положении дел в институте» [9, л. 30].

10 апреля на заседании административной коллегии Вольмир попытался поднять вопрос о своем исключении из совета института, но ему в ответ была передана копия протокола совета и копия постановления фракции коммунистов. На том же совещании в ответ на заявления Вольмира и Яндовского об окончательном расчете с ними административная коллегия постановила решить данный вопрос лишь после окончания работы ревизионной комиссии [8, л. 69]. Таким образом, в начале апреля 1924 г. Вольмир потерпел поражение в конфликте и перестал быть сотрудником ТИНОПа.

Несмотря на свое увольнение, Яндовский в письме от 9 апреля 1924 г. требовал от института выплатить ему вознаграждение с 11 декабря по день окончательного расчета вместе с компенсацией за увольнение согласно действовавшему тогда советскому трудовому законодательству [9, л. 27]. В тот же день похожее письмо было написано и Вольмиром, требовавшим выплатить ему вознаграждение, которое, как он заявлял, не было ему доплачено за время работы в ТИНОПе с 1 июня 1923 г. по 31 марта 1924 г., вместе с суммами, причитающимися за командировки [9, л. 29]. В его поддержку выступил Таганрогский районный комитет Всероссийского союза рабочих металлистов, который отправил письмо 21 апреля 1924 г. ТИНОПу. Он просил институт в трехдневный срок (т. е. до 24 апреля) выплатить Вольмиру «причитающееся ему жалование за все прослуженное время» [9, л. 33].

Очевидно, что Вольмир хотел получить большую денежную компенсацию. Но руководство института не было согласено с его требованиями. Оно отправило письмо в ревизионную комиссию ТИНОПа, в котором сообщало, что Вольмир как член совета института не состоял в штате организации. Отдельные научные работы и другие задания, выполнявшиеся Вольмиром оплачивались «сдельно по взаимному соглашению» [9, л. 32]. С ним был заключен договор по управлению им коммерческой частью рудников, который вступил бы в силу, если бы они перешли под контроль института.

Несмотря на отсутствие обязательств перед Вольмиром, административная коллегия приняла решение выплатить ему за время работы с 1 июня 1923 г. по 1 января 1924 г. заработную плату члена административной коллегии в размере 750 рублей [9, л. 34].

Изначально Вольмир не был согласен с данным решением административной коллегии. В своем письме ревизионной комиссии ТИНОПа, написанного 21 апреля, он заявил, что рудники не перешли под контроль института по вине административной коллегии, а он не работал по сдельной оплате труда [9, л. 45]. О том, что Вольмир работает сдельно, говорится в письме от 10 февраля 1924 г. члена административной коллегии А.А. Андреева, который просил Есманского оформить договор с Вольмиром и документально прописать в нем не только права и обязанности, но и показать там выгоду от успешности выполняемой им работы [9, л. 56].

Но в письме от 23 апреля 1924 г. Вольмир выразил согласие на получение такой компенсации [9, л. 41]. Вполне возможно, что на данный шаг руководство ТИНОПа пошло по причине того, что желало, как можно бесшумнее решить проблему со своим бывшим сотрудником, который мог поднять информационную кампанию против организации.

Несмотря на разрешение данного вопроса, Вольмир не оставлял в покое руководство ТИНОПа. 30 апреля 1924 г. на заседании ревизионной комиссии института обсуждалось заявление Вольмира о незаконности его исключения из членов совета института. Комиссия постановила, что решение о его исключении было верным, так как некоторые руководители ТИНОПа заявили о «совершенной невозможности совместной работы» [9, л. 46] с Вольмиром.

Дважды он писал письма в институт с просьбой выдать справку о получаемом им окладе с ноября 1923 г. по февраль 1924 г. [9, л. 50–51]. А в личном деле Есманского имеется документ от 21 октября 1924 г., в котором один из ведущих сотрудников ТИНОПа А.М. Кузьев подтверждает, что Вольмир и Яндовский вели «кампанию» против председателя ТИНОПа П.М. Есманского, обвиняя его в том, что он брал на себя слишком много полномочий «по общему управлению института» и вмешивался в хозяйственно-распорядительную деятельность и тем самым способствовал хищениям на предприятиях ТИНОПа [6, л. 80].

Таким образом, конфликт между П.М. Есманским и С.Л. Вольмиром закончился поражением последнего, во многом благодаря тому, что Есманский имел поддержку члена административной коллегии А.А. Андреева и других сотрудников института. Конфликт возник на почве того, что Вольмир в качестве руководителя коммерческого отдела хотел зарабатывать деньги, но эти операции могли поставить под угрозу финансовое положение института. Данная ситуация была характерна для периода НЭПа. Этого не мог допустить председатель ТИНОПа Есманский, который стал ограничивать деятельность Вольмира. Конфликт между ними привел к увольнению Вольмира и его сторонника С.П. Яндовского.

Список источников

1. Ланкин В.Е., Шевелев В.Г. Опыт работы Таганрогского института научной организации производства Донбасса и юго-востока России в условиях новой экономической политики (1921–1926 гг.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-raboty-taganrogs-kogo-instituta-nauchnoy-organizatsii-proizvodstva-donbassa-i-yugo-vostoka-rossii-v-usloviyah-novoy-ekonomicheskoy> (дата обращения: 23.06.2023).
2. Корицкий Э. Б. Развитие науки о менеджменте в России в 1900–1950-е гг. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-nauki-o-menedzhmente-v-rossii-v-1900-1950-e-gg/viewer> (дата обращения: 23.06.2023).
3. Кравченко А.И. История менеджмента. М.: Академический проект: Трикта, 2002. 560 с.
4. Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1925 гг.). Ч. 2: Подготовка экономического наступления на новую буржуазию. Л.: ЛГУ, 1969. 290 с.
5. Эньюань У. Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. 2001. № 5. С. 78–87.
6. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 26.

7. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 74.
8. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 86.
9. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 13.
10. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 60.

References

1. Lankin V.E., Shevelev V.G. *Experience of the Taganrog Institute for the Scientific Organization of Production in the Donbass and South-East of Russia in the New Economic Policy (1921-1926)*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-raboty-taganrogskogo-instituta-nauchnoy-organizatsii-proizvodstva-donbassa-i-yugo-vostoka-rossii-v-usloviyah-novoy-ekonomicheskoy> [Accessed 23rd June 2023]. (In Russ.).
2. Koritsky E. B. *The development of the science of management in Russia in the 1900-1950s*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-nauki-o-managementshe-v-rossii-v-1900-1950-e-gg/viewer> [Accessed 23rd June 2023]. (In Russ.).
3. Kravchenko A.I. *History of management*. Moscow: Akademicheskii proekt: Triksta Publ.; 2002. 560 p. (In Russ.).
4. Trifonov I. Ya. *Classes and class struggle in the USSR at the beginning of the New Economic Policy (1921-1925). Part 2. Preparation of an economic offensive against the new bourgeoisie*. Leningrad: Leningrad State University Press; 1969. 290 p. (In Russ.).
5. Enyoan W. Nepmen, their characteristics and role. *Otechestvennaya istoriya = Russian History*. 2001;(3):78-87. (In Russ.).
6. Taganrog branch of the State Archive of the Rostov region (TB SARR). Fund 107. In. 1. File 26. (In Russ.).
7. TB SARR. Fund 107. In. 1. File 74. (In Russ.).
8. TB SARR. Fund 107. In. 1. File 86. (In Russ.).
9. TB SARR. Fund 107. In. 1. File 13. (In Russ.).
10. TB SARR. Fund 107. In. 1. File 60. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Аганов – аспирант, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет; младший научный сотрудник, исторический парк «Россия – моя история».

Information about the author

A.A. Aganov - Postgraduate Student, Institute of History and International Relations, Southern Federal University; Junior Researcher, Historical Park "Russia - My History".

Статья поступила в редакцию 14.07.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 14.07.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья
УДК 930.85
doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-54-60

ЧАСТНОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В СССР И НОВАЯ СОВЕТСКАЯ ЭЛИТА

Максим Сергеевич Богданов

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
maks.bogdanov.1990@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается феномен частного коллекционирования в советской России. Становление советского строя, приведшее к известным изменениям в социальной структуре общества, обусловило появление новой советской элиты, не чуждой собирательству и коллекционированию. Ограничения политико-идеологического характера, налагаемые на любые формы коммерческой деятельности, и почти закрытый рынок художественных ценностей предопределили своеобразие частного советского коллекционирования: способы складывания коллекций, возможности их сохранения, обмена, судьбы и пр. Предлагается типология коллекционеров советского периода в зависимости от финансовых возможностей, целей коллекционирования художественных предметов, эстетического и культурного уровня, а также той социокультурной обстановки, в которой осуществлялась коллекционная деятельность. Всего было выделено шесть условных типов советских коллекционеров, среди них ученая и творческая интеллигенция, офицеры Красной Армии, ветераны советских спецслужб, государственно-партийная элита, «бывшие» – оставшиеся в стране представители дворянства. Приводятся исторические факты, свидетельствующие о сложных взаимоотношениях между частными коллекционерами и советским государством, основанном на командно-административной экономической системе. Многие архивные материалы, документы до сих пор не открыты, что затрудняет исследование некоторых аспектов частного коллекционирования советской эпохи. Исследование частных коллекций и способов собирательства является важнейшим материальным источником изучения истории страны.

Ключевые слова: частное коллекционирование, СССР, советская элита, типология коллекционеров, объекты частного коллекционирования, рынок художественных ценностей, командно-административная экономическая система, реквизиция

Для цитирования: Богданов М.С. Частное коллекционирование в СССР и новая советская элита // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 54–60.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PRIVATE COLLECTING IN THE USSR AND THE NEW SOVIET ELITE

Maxim S. Bogdanov

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
maks.bogdanov.1990@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of private collecting in Soviet Russia. The author proceeds from the fact that the formation of the Soviet system, which led to certain changes in the social structure of society, led to the emergence of a new Soviet elite, not alien to collecting. Restrictions of a political and ideological nature imposed on any form of commercial activity and the almost closed art market predetermined the uniqueness of private Soviet collecting: ways of folding collections, the possibility of their preservation, exchange, fate, etc. The proposed typology of collectors of the Soviet period depends on the financial possibilities, the goals of collecting art objects, the aesthetic and cultural level, as well as the socio-cultural environment where collecting was carried out. In total, six conditional types of Soviet collectors were identi-

fied, among them the scientific and creative intelligentsia, Red Army officers, veterans of the Soviet special services, the state party elite, the “former” - the remaining representatives of the nobility in the country. The historical facts testifying to the complex relationship between private collectors and the Soviet state based on the command and administrative economic system are given. Many archival materials and documents have not revealed yet, which makes it difficult to study some aspects of private collecting of the Soviet era. The study of private collections and methods of collecting is the most important material source for studying the history of the country.

Keywords: private collecting, USSR, Soviet elite, collectors' typology, objects of private collecting, art market, command and administrative economic system, requisition

For citation: Bogdanov M.S. Private Collecting in the USSR and the New Soviet Elite. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):54-60. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Тема частного коллекционирования в России является недостаточно проработанной, особенно советского периода отечественной истории, в том числе и по причине закрытости части архивов и документов. Тем не менее можно отметить некоторые авторитетные исследования, которые если и не посвящены собственно феномену частного коллекционирования в СССР, то содержат об этом весьма ценные исторические сведения: как создавались коллекции и какова их последующая судьба, что было объектом коллекционирования, каков «портрет» частного коллекционера, среди них работы отечественных и иностранных авторов: А.Г. Ваганова, А.Н. Малинкина, Д.Я. Северюхина, М.В. Рац, Л.Л. Шпаковской, А.В. Якуба, Ж. Бодрийяра, М. Бьянчи [1–8].

Для того чтобы понять, что собой представлял феномен частного коллекционирования в советской России и как складывались новые советские элиты, желавшие заниматься коллекционированием, необходимо:

1) дать характеристику советской элите, которая, несмотря на существующие запреты относительно частной коммерции, активно занималась коллекционной деятельностью с точки зрения ее эстетических вкусов, финансовых возможностей, реализуемых целей, политических ценностей;

2) определить круг объектов частного коллекционирования, характер коллекций и существующие ограничения в рамках общества, основанного на командно-административной экономической системе;

3) определить пути и способы составления коллекций советской элитой, формы аккумуляции коллекционных предметов, а также проследить судьбу некоторых частных собраний;

4) рассмотреть частно-коллекционерскую деятельность «в единстве с той социальной средой, с теми конкретными общественными условиями, в которых она протекала» [9, с. 7].

Составление уникальных коллекций в России до революции было прерогативой аристократии, предприимчивого купечества, торговых и промышленных династий, дипломатов, ученых (братья П.М. и С.М. Третьяковы, С.Т. Морозов, П.И. Шукин, Д.Т. Татищев, П.Ф. Карabanов С.И. Мамонтов, А.А. Бахрушин, И.С. Остроухов и др.). Их огромные состояния приобретались разными способами, иногда несправедливыми, но часто использовались для поддержки отечественных художественных талантов, для покупки и сохранения произведений искусства, для просветительской деятельности.

Становление индустриального общества способствовало появлению новых объектов коллекционирования, связанного с меньшими финансовыми вложениями и не требующего больших помещений для хранения коллекций в условиях «нерешенного жилищного вопроса»: почтовые марки, этикетки, монеты и пр. Коллекционирование демократизируется, перестает восприниматься как дело избранных, как занятие исключительно для аристократов или меценатов, в его орбиту вовлекаются новые круги населения не только в столицах, но и в провинциях: городская интеллигенция, служащие, торговые работники, государственные чиновники, пристрастившиеся к собирательству.

Рамки нашей статьи не позволяют дать развернутую характеристику советской элите, механизмам ее формирования, способам рекрутирования, стилю поведения на разных этапах истории СССР.

Мы лишь затронем данную обширную тему в интересующем нас аспекте, а именно: как и при каких условиях формировался советский тип коллекционеров, какими мотивами они руководствовались при собирании коллекций, каков был их эстетический вкус и образовательно-интеллектуальный бэкграунд.

В советской истории частного коллекционирования не существовало и не могло существовать некоего единого класса коллекционеров, поэтому нами будет предложена своего рода типология коллекционеров, различающихся, во-первых, по своим финансовым возможностям, во-вторых, по тем потребностям, которые они удовлетворяли, занимаясь коллекционированием в условиях «почти» закрытого рынка художественных ценностей, когда даже активный обмен марками ассоциировался со спекуляцией и нелегальными валютными операциями.

После революции 1917 г. все известные дворянские и промышленно-купеческие частные коллекции были национализированы, а с «частным коллекционированием как с аристократической и буржуазной забавой и укрывательством от широких масс культурных ценностей» [10, с. 81] было покончено, поскольку страсть к коллекционированию не вписывалась в систему коллективистских ценностей. Но даже в самые драматичные и тяжелые исторические периоды в СССР существовали определенные слои населения, которые могли позволить себе делать солидные коллекции в силу своей профессии, социальной позиции, своих возможностей бывать за границей, которым удавалось «обходить» репрессивные законы страны, постоянно лавируя на грани законности.

В связи с этим приведем характеристику положения коллекционера в советском обществе, данную А. Амальриком: «В обществе, лишенном частной собственности, фигура коллекционера приобретала зловещие черты пушкинского скупого рыцаря, который прячет свои сокровища в подвале, чтобы в одиночестве наслаждаться ими при колеблющемся свете свечей» [11, с. 86].

Всего нами выделено шесть условных категорий коллекционеров внутри советской элиты.

Первая категория «советских» коллекционеров – это те «осколки» старой дореволюционной российской империи, которые не смогли или не захотели в силу разных обстоятельств эмигрировать из страны, вывезти свои собрания, вынуждены были остаться, спасая свои коллекции от дробления, уничтожения, работать в советских учреждениях культуры, библиотеках, смотрителями в музеях.

Одним из направлений деятельности Советской власти становится работа по сохранению художественных, исторических и культурных ценностей. Для этого был создан Государственный совет по заведованию музеями и дворцами, наделенный в том числе функцией национализации частных коллекций. Таким образом государство решало сразу несколько стратегических задач: во-первых, пополняло казну и увеличивало государственную собственность, во-вторых, искореняло частнособственнические инстинкты в обществе. Надо сказать, что такая политика поддерживалась народными массами, считающими коллекционирование «буржуазным занятием», а потому нередкими были случаи доноса на тех, кто «вызывал подозрение».

В соответствии с декретом СНК «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. все памятники искусства и старины, в чьем бы владении они ни находились, должны были пройти обязательную регистрацию. Владельцам коллекций выдавались особые охранные грамоты, в которых содержались запреты на продажу, вывоз за границу, перепланировку культурных ценностей без особого разрешения Комиссариата народного просвещения. Государство становилось обладателем информации о всех культурных ценностях и их владельцах. Частные коллекционеры оказались «заложниками» своих коллекций, не в силах расстаться с ними или из-за страха их утраты, или раздробления в условиях послереволюционного хаоса. Многие из них были вынуждены оставаться в стране и работать в новых для себя качествах, что способствовало, однако, сохранению квалифицированных и образованных кадров.

Следующая категория коллекционеров – это ученая интеллигенция, врачи, педагоги, имеющие прекрасное образование и эстетический вкус, достаточно высокую заработную плату, поз-

волявшие им собирать неплохие коллекции. Многие из них были не просто хорошо образованы, но и имели солидную, полученную в семьях практику коллекционирования. Покупка и коллекционирование дореволюционных произведений искусства были для них сохранением семейных традиций, способом создания истории, связанной с предками. Среди них следует отметить В. Дудакова, Н. Тимофеева, С. Шустера, А. Абрамяна, А. Мясникова, А. Чудновского, Г. Костаки, И. Сановича. Например, петербуржец Соломон Шустер (1934–1995) был коллекционером в третьем поколении, собрал превосходную коллекцию западноевропейских мастеров такого уровня, что ее принял в дар Эрмитаж.

Третья категория – бывшие офицеры Красной Армии, возвращающиеся с фронта с трофеями. Среди них были не только предметы роскоши – картины, мебель, фотоаппараты, автомобили, но и хорошие коллекции марок, монет, орденов и медалей. Почти все архивы, связанные с деятельностью трофейных команд на территориях государств, в которых происходили бои Красной Армии, еще до сих пор засекречены и потому не могут быть достаточно точно верифицируемы. Есть свидетельства о том, что у министра Госбезопасности В.Н. Меркулова, обладавшего литературными талантами и художественным вкусом, при аресте обнаружилась качественная коллекция картин.

Четвертая категория – ветераны советских спецслужб. После смерти И.В. Сталина началась волна реабилитаций, в следственных делах и фондах вещественных доказательств обнаруживалось немало невостребованных ценных предметов, которые со временем разными путями оказывались в формирующихся коллекциях советских чекистов. Их основными мотивами коллекционирования были престижное потребление: наличие коллекции повышало их социальный статус, компенсировало не слишком аристократичное происхождение, а также экономический мотив: надежное вложение финансовых средств и обеспечение материального достатка семье в случае попадания под «репрессивный каток». Справедливости ради следует отметить, что среди них были люди, которым был свойствен вкус к старине, хорошая художественная интуиция, а также интерес к отечественной истории и культуре.

Пятая категория – это творческая интеллигенция, выдающиеся спортсмены, ученые, имеющие возможность часто бывать за границей, посещать выставки и галереи, приобретать антикварные вещи за рубежом. Их мотивом для собирательства помимо любви ко всему изящному, высокохудожественному является создание личной истории, собственной идентичности. Среди них можно назвать певицу Л. Русланову, балерину Е. Гельцер, художника И. Бродского – имеющих собрания живописи художников мирового значения. Также коллекционерами этой категории двигал мотив сохранения тех предметов искусства и быта, которые не признавались государством.

После постановления Политбюро от 23.04.1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» произведения художников-авангардистов были признаны буржуазными и дегенеративными и, соответственно, их авторы подвергались разного рода обструкции. Благодаря коллекционерам Г. Костаки, братьям М. и И. Морозовым были спасены картины К. Малевича, И. Машкова, А. Куприна, Н. Гончаровой, М. Ларионова и пр. Частными коллекционерами поддерживалась так необходимая для деятелей искусства атмосфера творческого интереса, без которой создавать шедевры невозможно. Я. Рубинштейн, известный советский коллекционер, видел главную миссию коллекционера в открытии неизвестных или забытых художников. Благодаря ему и на Западе, и в России стали известны художники М. Ларионов и А. Шевченко.

И, наконец, шестая категория коллекционеров: государственно-партийная элита, особый привилегированный класс, который обладал неограниченной властью и почти неограниченными финансовыми возможностями. Многие из них, не имея хорошего образования и стесняясь своего плебейского происхождения, стремились «исправить» это через приобщение к коллекционированию. Для этой категории способы пополнения коллекций были самые широкие, кроме привычных, приобретение за счет государства, служебные злоупотребления.

Для понимания природы частного коллекционирования в советской России имеет значение определение объектов коллекционирования, способов формирования коллекций, исторический контекст.

Что же собирали русские коллекционеры советской эпохи? По сути, объектами коллекционирования выступали те же предметы, что и у их коллег в других странах, но с некоторыми национальными особенностями, налагаемыми историческими реалиями и отечественными традициями, это произведения русской живописи и гравюры, книги, западноевропейское искусство, русские иконы и религиозная утварь, предметы декоративно-прикладного искусства.

Приведем некоторые факты из истории частного коллекционирования, иллюстрирующие эти национальные особенности и культурно-исторический ландшафт.

Одним из известнейших частных коллекционеров, собирателей советского фарфора, является П. Данилов. Фарфор послеоктябрьской эпохи, выпускаемый приватизированным Императорским фарфоровым заводом (сегодня ГФЗ), неожиданно приобрел внимание коллекционеров из-за, как отмечал Амальрик, «уникального синтеза современного мироощущения» [11, с. 83]. Дело том, что новая власть рассматривала производство фарфора не в его утилитарном применении, вследствие исчезновения его основного покупателя – дворянско-помещичьего сословия, а в качестве пропагандистско-агитационного инструмента. В связи с этим произошло рождение исключительно советского, интересного и редкого стиля, когда изящная привычная форма: хрупкие сотейники, блюда, тарелки, сахарницы украшались брутальными портретами большевистских вождей, фигурами рабочих, известными пролетарскими лозунгами («Есть знания в голове – будет хлеб на гуме», «Кто не работает, тот не ест», «Да здравствует VIII съезд Советов»), т.е. агитфарфора.

По вполне понятным причинам объем такой продукции был небольшой, зато исполнение было в соответствии с самыми высокими стандартами (работали выдающиеся художники: С. Чехонин, З. Кобылецкая, Р. Вильде, Н. Альтман и др.). Данная серия фарфора стоила дорого, тем более что многие вещи в силу их хрупкости были утрачены, что и сделало эту серию советского фарфора раритетным и весьма желанным лотом для коллекционеров всего мира и раньше, и сейчас.

Второй пример будет касаться коллекционирования русской иконы в условиях закрытия церкви и антирелигиозной борьбы.

Декрет Совета народных комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (02.02.1918 г.) не только объявил «народным достоянием» все церковное имущество, но и в условиях борьбы с «религиозным мракобесием» сделал собирательство икон делом почти невозможным и опасным. Официальный рынок икон в СССР отсутствовал, существующие антикварные магазины не имели права принимать на оценку произведения, связанные с религиозной тематикой. Возможности пополнения коллекций были ограничены личным обменом или теми вещами, которые привозились «лихими людьми» из дальних деревень; продажа икон за деньги сопровождалась высоким риском и реальной опасностью уголовного преследования за спекуляцию. Необходимость соблюдать осторожность породила специфический сленг продавцов: иконы назывались «досками». Все это привело к тому, что увеличился объем вывоза икон за границу. И если музейное собирание и раскрытие икон в СССР развивалось, то частное было сведено к минимуму: оно допускалось лишь для избранных и по специальному разрешению.

Частные собиратели икон Г. Костаки, П. Корин, В. Солоухин, Н. Гиппиус, Н. и С. Воробьевы, В. Момот, Н. Задорожный и др., по сути дела, спасли некоторые ценные экземпляры икон, которые могли быть навсегда утрачены Россией.

Третий пример иллюстрирует влияние на частное коллекционирование моды, особенностей быта русского человека, способов решения жилищного вопроса в СССР.

Как отмечает Л.Л. Шпаковская, VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 1957 г. «принес с собой дух свободы, прогресса», стремления к новому быту и, как следствие, борьбы с мещанством. «Оказалось, что старые вещи – посуда, мебель и прочие предметы больше не просто не модны, но даже в некоторых случаях предосудительны как нечто чуждое советскому строю и быту» [12, с. 103].

В этом же году выходит постановление Совета министров «О развитии жилищного строительства СССР». С него начинается масштабное возведение современных панельных домов – «хрущевки». Идеологическое движение за «новый быт» утверждает принципы минимализма, простоты, экономичности как основу образа жизни советского человека. Громоздкие вещи:

резные комоды, старинные буфеты, картины и бронза – выходят из моды и безжалостно выбрасываются на помойку. Следует сказать, что старинные шкафы, горки для посуды попросту не входили в узкие двери «хрущевских» квартир, не помещались на 4-метровых кухнях.

Те или иные способы избавления от «пережитков прошлого» способствовали росту предложения на легализовавшемся антикварном рынке, в том числе за счет иностранных коллекционеров.

Отдельной темой исследования может быть судьба частных коллекций в истории СССР, здесь лишь отметим, что она была разной: распыление и утрата их, вывоз целых коллекций или части за границу, передача в дар государственным музеям, смена владельца, передача по наследству и складывание новых семейных династий коллекционеров [13].

Таким образом, частные коллекции являются одним из исторических источников, позволяющих более объемно понимать, чувствовать не только социокультурные, но и политические процессы в стране.

Выводы

1. В условиях почти закрытого рынка художественных ценностей, запрета частной инициативы и государственной борьбой за утверждение социалистического быта и образа жизни частное коллекционирование в СССР приобретало специфические особенности.

2. Не существовало и не могло существовать единого класса советских коллекционеров, поэтому нами предложена типология коллекционеров (шесть типов), различающихся, во-первых, по своим финансовым возможностям, во-вторых, по тем потребностям, которые они удовлетворяли, занимаясь коллекционированием.

3. Объектами частного коллекционирования выступали те же предметы, что и на Западе, но с некоторыми национальными особенностями, налагаемыми историческими реалиями и отечественными традициями: произведения русской живописи, гравюры, западноевропейское искусство, русские иконы и религиозная утварь, предметы декоративно-прикладного искусства приобретались в результате частного обмена, с использованием служебного положения, случайных обстоятельств.

4. Многие архивные материалы, документы до сих пор не открыты, что затрудняет анализ некоторых аспектов частного коллекционирования советской эпохи. Исследование частных коллекций является важнейшим материальным источником изучения истории страны.

Список источников

1. Ваганов А.Г. Коллекционирование как форма проявления исследовательского инстинкта ученого // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 3. С. 91–104.
2. Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М.: ГУ-ВШЭ, 2011. 192 с.
3. Северюхин Д.Я. Художественный рынок Санкт-Петербурга-Петрограда-Ленинграда, его роль и значение в истории развития отечественного изобразительного искусства: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2010. 38 с.
4. Рац М.В. Диалоги книжников. М.: Инскрипт, 2012. 432 с.
5. Шпаковская Л.Л. Социальные основы формирования ценности антикварных вещей (на примере антикварного рынка Санкт-Петербурга): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001. 17 с.
6. Якуб А. В. Заграничный филателистический обмен: экономика и политика (1922–1924 гг.) // Вестн. Омского ун-та. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 222–228.
7. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и сопр. ст. С. Зенкина. М.: РУДОМИНО, 1999. 224 с.
8. Бьянчи М. Коллекционирование как парадигма потребления // Экономика современной культуры и творчества / пер. с англ. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006. 448 с.
9. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России / отв. ред. К. Ф. Шаццлло; АН СССР. М.: Наука, 1989. 192 с.
10. Игнатьева О.В. Советское коллекционирование в контексте культурной революции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 80–89.
11. Амальрик А. Художники и коллекционеры в Москве // Ковчег. 1978. № 2. С. 81–95.
12. Шпаковская Л.Л. Социологический подход к антиквариату // Социс. 2000. № 2. С. 101–107.
13. История России / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М.: Проспект, 2004. 520 с.

References

1. Vaganov A.G. Collecting as a form of manifestation of the scientist's research instinct. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii = Sociology of Science and Technology*. 2015;6(3):91-104. (In Russ.).
2. Malinkin A.N. *Collector. Research experience in the sociology of culture*. Moscow: HSE University Press; 2011. 192 p. (In Russ.).
3. Severyukhin D.Ya. *The art market of St. Petersburg-Petrograd-Leningrad, its role and significance in the history of the development of domestic fine arts*. Dissertation Thesis. Moscow, 2010. 38 p. (In Russ.).
4. Rats M.V. *Dialogues of scribes*. Moscow: Inskript Publ.; 2012. 432 p. (In Russ.).
5. Shpakovskaya L.L. *Social foundations for the formation of the value of antiques (on the example of the antique market of St. Petersburg)*. Dissertation Thesis. Moscow, 2001. 17 p. (In Russ.).
6. Yakub A. V. Foreign philatelic exchange: economics and politics (1922-1924). *Vestn. Omskogo un-ta. Seriya «Istoricheskie nauki» = Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2018;(2):222-228. (In Russ.).
7. Baudrillard J. *The system of things*. Tr. from French and ed. art. by S. Zenkin. Moscow: RUDOMINO Publ.; 1999. 224 p. (In Russ.).
8. Bianchi M. Collecting as a paradigm of consumption. *Economics of modern culture and creativity*. Tr. from English. Moscow: Foundation for Scientific Research "Pragmatics of Culture" Press; 2006. 448 p. (In Russ.).
9. Bokhanov A.N. *Collectors and patrons in Russia*. Ed. by K. F. Shatsillo; Academy of Sciences of the USSR. Moscow: Nauka Publ.; 1989. 192 p. (In Russ.).
10. Ignatieva O.V. Soviet collecting in the context of the cultural revolution. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke = Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East*. 2019;(4):80-89. (In Russ.).
11. Amalrik A. Artists and collectors in Moscow. *Kovcheg = Ark*. 1978;(2):81-95. (In Russ.).
12. Shpakovskaya L.L. Sociological approach to antiques. *Socis*. 2000;(2):101-107. (In Russ.).
13. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. *History of Russia*. Moscow: Prospekt Publ.; 2004. 520 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.С. Богданов – аспирант, Институт подготовки кадров высшей квалификации.

Information about the author

M.S. Bogdanov – Postgraduate Student, Institute of Training of Highly Qualified Personnel.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья
УДК 94(47).073+94(439).06
doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-61-70

ДОНСКИЕ КАЗАКИ ПРОТИВ ВЕНГЕРСКИХ ГУСАР: СКИФСКАЯ ВОЙНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону,
Россия

andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Аннотация. Рассматривается противоборство в 1849 г. донских казаков и венгерских гусар, которые считались лучшей кавалерией Европы. Вопреки устоявшемуся и до настоящего времени тиражируемому мнению о значительной утрате боеспособности донскими казаками во второй четверти XIX в., их боевые потери в указанный период были минимальны, санитарные потери превосходили их во много раз. В ходе похода 1849 г. казаки столкнулись с венгерской кавалерией, организация которой и применяемые боевые приемы были в достаточной мере схожи с казачьими. Сравниваются принципы организации казаков и венгерских гусар, принципы их обучения и тактика. Венгры в прошлом – кочевой народ, вписавшись в европейскую военную систему, сохранили некоторые навыки степной войны, но в боях с казаками их конница уже проигрывала. Анализируется проблема – за какой временной период и в каких обстоятельствах воинские качества кочевников угасают, и что из этих качеств сохраняется дольше всего.

Ключевые слова: казаки, венгерские гусары, обучение, тактика, боевые качества

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

Для цитирования: Венков А.В. Донские казаки против венгерских гусар: скифская война в Центральной Европе // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 61–70.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

DON COSSACKS AGAINST HUNGARIAN HUSSARS: THE SCYTHIAN WAR IN CENTRAL EUROPE

Andrey V. Venkov

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia

andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Abstract. The article is devoted to the confrontation of 1849 between the Don Cossacks and the Hungarian Hussars, who were considered the best cavalry in Europe. The author shows that in contrary to the well-established and still replicated opinion about the significant loss of combat capability by the Don Cossacks in the second quarter of the 19th century, their combat losses during that period were minimal, sanitary losses exceeded them many times. During the campaign of 1849, the Cossacks encountered the Hungarian cavalry, the organization of which and the combat techniques used were sufficiently similar to those applied by the Cossacks. The article compares the principles of the organization of Cossacks and Hungarian Hussars, the principles of their training and tactics. The author believes that the Hungarians, formerly nomadic people, having integrated into the European military system, retained some skills of steppe warfare, but meanwhile their cavalry was losing in battles against the Cossacks. The article concludes with the statement of the problem – for what time period, and in what circumstances, the military qualities of nomads fade away, and which of the se qualities persists the longest.

Keywords: Cossacks, Hungarian Hussars, training, tactics, fighting qualities

© Венков А.В., 2023

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the implementation of the state task of the Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, grant project No. AAAA-A20-120122990111-9.

For citation: Venkov A.V. Don Cossacks against Hungarian Hussars: the Scythian War in Central Europe. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):61-70. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Еще в начале XIX в. очевидцы, характеризуя донских казаков, отмечали, что они «удивительно как самосохранны» [1, с. 101]. Казалось, они не несут боевых потерь. Их атаман М.И. Платов был назван В.А. Жуковским «вождем невредимых». Вопреки устоявшемуся мнению, что казаки во 2-й четверти XIX в., особенно на Кавказе, частично утратили свою боеспособность [2], эта характеристика оставалась верной относительно и этого периода. Так, в Донском полку № 51, который с 1848 по 1852 г. служил в Польше, участвовал в походе в Венгрию в 1849 г., брал г. Токай, участвовал в боях с войсками А. Гергея, в полку, казаки которого имели 10 Знаков отличия Военного Ордена (10 «георгиевских кавалеров»), убитых за войну не было. Потери, конечно же, были: 1 казак бежал из полка, 1 попал в плен. Умерли: 1 есаул, 1 сотник, 5 урядников, 104 казака [3, л. 248]. Проблема санитарных потерь среди донских казаков да и всей русской армии в этот период нуждается в специальном исследовании. Нас же интересуют потери боевые.

Большую роль играла сложившаяся веками у казаков система воспитания. Из них с самого раннего детства растили воинов. А воин должен победить, а не умереть.

Общая статистика по Войску Донскому подтверждает соотношение боевых потерь и санитарных. С 1837 по 1851 г., в разгар Кавказской войны, всего умерло служивых: 10 генералов, 61 штаб-офицер, 422 обер-офицера; «отставных»: 17 генералов, 231 штаб-офицер, 693 обер-офицера. Убито за это время: генералов – 0, штаб-офицеров – 1, обер-офицеров – 9. В 1849 г., когда военные действия велись не только в Венгрии, но и на Кавказе, умерло: генералов – 1, штаб-офицеров – 3, обер-офицеров – 42; убито: генералов – 0, штаб-офицеров – 1, обер-офицеров – 3 [4, л. 4].

Причины гибели в бою (в Венгрии) единственного за 15 лет штаб-офицера и побудили нас провести это расследование.

Боевые действия в Венгрии в 1849 г. вопреки краткости этого события имеют довольно обширную историографию [5–7].

Источники по проблеме – многочисленные воспоминания участников боев, опубликованные еще в XIX в., и материалы Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Особую ценность в ГАРО представляют «полковые книги», в которых командиры по окончании службы давали полный отчет о потерях в полку и других важных событиях за период походов.

Единственный за 15 лет убитый штаб-офицер Войска Донского – подполковник Костин – погиб при следующих обстоятельствах. 7(19) июня 5-й пехотный корпус генерала Лидерса вступил на территорию Трансильвании со стороны Валахии. У селения Предял их ждали венгерские войска. Казаки и кавалерия авангарда выступили в 5 часов утра. В 7:30 утра к передовому отряду прибыл сам Лидерс со свитой и «выслал две сотни казаков, приказав им наступать лавою на неприятельскую цепь» [8, с. 208]. Две сотни Донского полка № 1 рассыпали лаву и начали перестрелку. Подошла русская пехота, с обеих сторон грянули залпы. Ударил венгерская артиллерия. Казаки разъехались на фланги своей пехоты и ждали. Прагский полк пошел на штыки и погнал венгров. Казаки преследовали и сразу же понесли потери. Офицер генерального штаба М. Дараган вспоминал: «Казаки, заметив еще с горы расстройство венгерцев, тотчас бросились за ними и сидели на хвосту у неприятеля. Под самыми стенами карантина полковник Костин неосторожно врубился в эскадрон гусар и был изрублен на месте» [9, с. 50–51].

Кто такой погибший полковник Костин?

Иван Васильевич Костин (1794–1849) – уроженец станицы Усть-Белокалитвенской, сын высокопоставленного чиновника, начинавшего службу в лейб-придворной команде и в лейб-

гвардии казачьем полку еще при императоре Павле Петровиче. Сам Иван Костин начал службу юнкером в лейб-гвардии казачьем полку в 1810 г., 16 лет от роду. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. с самого ее начала. В послужных списках его значатся бои под Вильно, Витебском, Смоленском, Бородино. В январе 1813 г. он был произведен в портупей-юнкеры и служил в Императорском конвое, участвовал в сражении под Лейпцигом и вступал в Париж. В 1816 г. Иван Костин получил первый офицерский чин и был переведен из гвардии в Войско.

Следующий чин сотника пришлось ждать 9 лет. За это время Костин побывал с особой командой в Казани и 3 года провел на Кавказской линии, на р. Кубань. Участвовал в боях с горцами. Потом с 1830 г. воевал с поляками и служил во внутренних областях Польши и в Варшаве. За время этой службы Костин получил в 1833 г. чин есаула. 8 лет ждал его. С 1839 г. решил он, видимо, пойти по линии внутренней службы по Войску, как и отец его. Тот в это время был ассессором Донского войскового уголовного суда, а затем стал Товарищем председателя в коммерческом суде. И сам Иван Костин с 1839 г. значится начальником в Донецком окружном сыском начальстве. В 1842 г. он производится в войсковые старшины. 3 июня 1848 г. во главе Донского полка № 1 командирован на службу. Представлен к чину подполковника и этот чин получил. Имел пятерых детей [10, с. 167–169]. Как видим, врубившемуся в строй венгерских гусар Ивану Васильевичу Костину было далеко за 50, а на войне он последний раз был 18 лет назад.

Далее М. Дараган высокопарно написал, что Донской полк № 1 поклялся отомстить за смерть своего командира.

В ходе боя сбитый венгерский авангард ушел к Унтер-Темешу.

Войска Лидерса потеряли убитыми 1 офицера и 12 рядовых, ранеными – 1 офицера и 31 рядового. Вместе с Костиным погибли два казака Донского полка № 1 – Павел Сюняев Каменской станицы и Николай Таперичкин из Усть-Белокалитвенской [11, л. 25]. Пленных взяли 10 человек. Бой продолжался с 7-30 до 14 часов. Костин же высочайшим приказом был исключен из списков лишь 13 (25) июля [12, л. 262]. На Дону об этом сообщили в приказе № 20 от 23 июля: «Командир Донского казачьего № 1 полка подполковник Иван Костин 7 июня при перестрелке с венгерцами убит» [13, л. 78 об.].

Автор монографии о войне в Трансильвании А.А. Непокойчицкий пишет, что «подполковник Костин известен был как храбрый и хладнокровный офицер» [14, с. 82]. Однако приводит о нем сомнительные сведения. Старший сын Костина был ординарцем при генерале Скарятине, и Костин говорил ему в тот день: «Смотри, брат, не трусь. Те гораздо безопаснее, которые впереди. Смотри же, порадуя меня на старость. Афанасий (младший сын. – А. В.) дал мне слово не отставать от меня; ты этого не можешь сделать, но ежели не отстанешь от своего начальника, то уже сделаешь очень много». И еще он прибавил: «С войны не все возвращаются; ежели меня не станет, позаботься об матери» [14, с. 82]. 7 (19) июня полк № 1 был в резерве, но когда венгров выбили с позиции, полк был брошен на преследование. Костин увидел впереди увозимое орудие, «понесся вперед и на быстром коне оставил далеко позади себя казаков. Подскакав с несколькими только человеками к неприятелю, Костин бросился в пики, дабы дать время остальным казакам подоспеть. Первый он налетел на ближайшего венгерца, поразил другого, третьего, но четвертый бросил оружие и просил пощады. Подполковник Костин подарил ему жизнь и обратился на других, но венгерца, в то время как Костин миновал его, схватил ружье и выстрелил почти в упор в спину. Пуля попала в сердце навывлет. Вместе с подполковником Костиным убито два его вестовых и несколько казаков ранено. Венгерца изрублен был на месте казаками» [14, с. 82–83].

Интересно, как бегущие и сдающиеся венгры смогли убить двух вестовых Костина и переранить еще несколько казаков?

Мы все же поверим М. Дарагану, что Костин был изрублен. Для казаков раны холодным оружием отнюдь не были почетными. От пули, от осколка увернуться трудно, но если ты пропустил удар холодным оружием, значит, ты плохо им владеешь. Удар пикой и шашкой наносится на опережение. Ты не ударишь – тебя ударят, и попробуй, отрази, рука, держащая пику или шашку, не защищена. Пропустил, не ударил первым... Не умеешь? Крови боишься?.. В послужных списках видно, что ранения холодным оружием получают выбившиеся в офицеры

дети священников и выслужившиеся писари Войсковой канцелярии. Отсюда и легенда, переданная Непокойчицким, не дающая усомниться в том, что донской подполковник в совершенстве владел холодным оружием.

Венгерские источники утверждают, что в боях «при Тимискейминге» принял участие дивизион 11-го гусарского полка «Секлер». «Именно в это время пал полковник Александр Кисс, который также был командиром дивизиона» [15]. А.А. Непокойчицкий подтверждает, что в этом районе боевых действий были 2 эскадрона 11-го гусарского полка [14, с. 302–305].

Как видим, в первых же боях казаки столкнулись с кадровым венгерским пограничным гусарским полком, отнюдь не с ополченцами, и это во многом объясняет смерть подполковника Костина.

Что же представляли собой венгерские гусары, которые в первом же бою смогли нанести казакам такой урон?

Русская и венгерская история все время протекали как бы параллельно, практически не пересекаясь. Фундаментальная «История России» С.М. Соловьева почти не уделяет венграм внимания и связывает их историю с историей других кочевых племен. Так случилось, что большая часть печенегов вследствие войн с хазарами и гузами «оставила свое прежнее отечество, двинулась на запад, ударила и погнала пред собою угров, подданных козарских, которые и побежали далее на запад» [16, с. 142]. Судя по летописям, венгры прошли русские земли, «при Олеге палатки венгров явились у Киева, но о столкновениях этого народа с Русью до летописца не дошло преданий» [16, с. 142].

Будущий классик марксизма Фридрих Энгельс писал в 1848 г.: «Немцы, которые вклинились между славянскими варварами в эрцгерцогстве Австрии и Штирии, соединились с мадьярами, которые таким же образом вклинились между славянскими варварами на Лейте» [17, с. 176].

С.М. Соловьев считал венгерское нашествие для европейских славян роковым – «мадьярским нашествием прекращалась связь западных славян с Византией, прекращалась также и непосредственная связь их с Римом, и они должны были принимать христианство и просвещение из рук немцев» [16, с. 182].

В фундаментальной «Истории Средних веков» «сталинского периода» нет разделов по истории венгров, есть разделы по борьбе с ними: «Набеги арабов и венгров», «Войны с венграми». «Венгры, или мадьяры, кочевой народ финно-угорского племени, пришли, вероятно, из Центральной Азии. Около 800 г. они кочевали в области Северного Причерноморья, между Днепром и Дунаем. Теснимые с востока племенем печенегов, они перешли Карпаты, осели в областях Тиссы и Дуная и затем, в начале X в., разгромив Великоморавское государство (см. главу 7), заняли прежнюю римскую провинцию Паннонию. В течение всей первой половины X в. венгры производили опустошительные набеги в страны Центральной и Западной Европы. Они доходили до Средней Франции и Южной Италии, но больше всего подвергалась нападению Германия. После каждого набега обремененные огромной добычей, ведя с собой множество пленных-рабов, венгры возвращались обратно в Паннонию. Волны этих набегов начали спадать только к середине X в.» [18, с. 147].

Сами мадьяры долго сохраняли славу жестоких завоевателей. Но в 1849 г. русские офицеры отметили: «Репутация воинственности сохранилась из преданий. Теперь мадьяры могли быть только мирными жителями, чем они действительно и были» [19, с. 235]. Однако призываемые в австрийскую армию венгры сохранили многие качества конных кочевников и составили гусарские полки, которые до начала XIX в. считались лучшей легкой кавалерией Европы.

В венгерской армии, а до этого в австрийской, они выполняли те же задачи, что и казаки в русской. У австрийцев с уходом из армии венгров не стало дальней разведки. Когда русские союзники указывали им на это, они отвечали: «Хорошо вам говорить, когда у вас есть казаки» [9, с. 17].

После первых же стычек с войсками Гергея русские штабные офицеры отметили: «В венгерской армии одна только кавалерия дерется хорошо, делая иногда хорошие атаки» [20, с. 225]. Строевые офицеры о венграх были того же мнения: «У них отличная кавалерия, зато пехота ни к чему не годна...» [21, с. 6]. Дело в том, что «республиканская армия была наполнена сбродом

из всех наций, пришельцами со всех концов Европы, искавшими средств существования и жизни» [19, с. 238]. Ими в первую очередь пополнялась венгерская пехота.

Таким образом, наиболее опасным противником для русской армии и, естественно, для казаков в походе 1849 г. были венгерские гусары.

«Не имевшие себе равных в любой армии, гусары составляли корпус легкой кавалерии, который быстро создавали с началом войны, а в мирное время расформировывали, чтобы сберечь средства. Гусары вели разведку, наносили беспокоящие удары по противнику, устраивали засады и набеги, преследовали отступающего противника» [22, с. 2]. «Венгерская поговорка так определяет роль гусар в войне: “Гусары первыми приходят на поле боя и последними с него уходят”. То есть в задачу гусар входила разведка, нанесение беспокоящих ударов, устройство засад, проведение внезапных набегов, а также преследование отступающего противника. Гусары первыми устанавливали контакт с противником, вели фуражировку, обстреливали аванпосты противника. Небольшие рейды и засады расстраивали планы противника. Перехват курьеров противника часто давал гусарам очень важную информацию...» [22, с. 25].

На Венгерской равнине, которая на протяжении веков, а то и тысячелетий, была землей обетованной для кочевых племен, накатывавших с востока, найти прирожденных конников, видимо, не составляло труда. «Большинство венгров умели ездить верхом с детства» [22, с. 9]. Юго-восточные провинции австрийской империи славились своим коневодством и во время войны могли выставить конное ополчение. «В Венгрии, Трансильвании и Хорватии Австрия имела ресурсы, которыми обладали немногие другие государства», – писал по этому поводу Жомини [23, с. 330]. Так, венгерская конная «инсurreкция» в 1809 г. выставила до 98 эскадронов (15 107 человек).

Изначально, «до реформы 1751 г. гусарские полки формировались и финансировались магнатами (Inhaber). Деньги на содержание полков черпались из трофеев, а также из состояния хозяина. Вплоть до 1769 г. хозяин сохранял полный контроль над своим полком, назначая и продвигая офицеров, раздавая награды и наказания, и даже разрешение на брак гусары получали у хозяина» [22, с. 3]. Напоминает боярскую или княжескую дружину в России во времена Ивана III или даже Ивана IV Грозного. И в строении полка, даже в названиях, мы видим нечто схожее с организацией конного кочевого войска и с организацией казачьей службы.

Зная быт и военное устройство донских казаков, мы можем сравнить эти явления.

Во главе полка стоял полковник (Oberst) (в австрийской армии все чины и военная атрибутика назывались по-немецки), которому помогал подполковник (Oberstleutnant). Дивизионами командовали первый и второй ротмистр (Rittmeister), которым помогали обер-лейтенант и лейтенант (Oberleutnant и Leutnant). В каждом эскадроне имелся вахмистр (Wachtmeister), восемь капралов (Korporal) и два младших капрала (Vize-Korporal). Гусарский эскадрон делился на два крыла (Fluegel), и у казаков фланги боевого построения назывались «крылышки». Эскадрон делился на взводы, взводы – на капральства, а капральства – на отделения. «Отделение состояло из солдат, живущих в одной палатке» [22, с. 3]. Прямо как «односумы» у донских казаков или «казаны» у запорожцев.

По образцу казаков, гусары питались группами из одного котла. Котелок образца 1769 г. был рассчитан на приготовление пищи для 5–8 человек.

В гусарский полк попадали по рекрутскому набору или могли поступить добровольно. «На службу шли из чувства патриотизма, любви к выпивке, желания избежать проблем гражданской жизни, стремления к безделью, нежелания заниматься общественно полезной деятельностью, под давлением родителей, желанием испытать себя, надеясь получить в армии свободу, из опасения попасть под суд за совершенные прежде преступления, а также множества других причин, обычно называемых бездельниками» [22, с. 5]. Практически многие из этих мотивов могли бы назвать люди, бежавшие в XVI, XVII и даже в XVIII вв. на Дон, Яик или в Запорожье в надежде стать казаками.

Еще большее сходство с казачьей службой имел именно 11-й гусарский полк секлеров, гусары которого убили подполковника Костина.

Сэкеи, или секуи, или секлеры, являются одной из субэтнических групп венгерского народа, ныне проживающей на территории современной Румынии. Их этногенез ещё недостаточно

изучен. Но русские офицеры, столкнувшиеся с ними в 1849 г., считали секлеров «вполне родственными» венграм «по происхождению и наречию» [8, с. 20].

Секлерам, как ни странно, русские офицеры уделили больше внимания, чем венграм, поскольку считалось, что «секлеры – самое воинственное племя из поднявших восстание» [24, с. 8]. Военные историки считают, что секлеры обосновались в Трансильвании в 276 г. и являются потомками печенегов [19, с. 159]. А.П. Щербатов писал, что они, «по преданиям, остатки гуннов» [25, с. 43]. И еще одно отличие – венгры в Трансильвании были католиками, секлеры – унитарями (остатком ариан).

Привлекало внимание и то, что из представителей этого народа и в австрийской и затем в венгерской армиях формировались целые полки: «Еще одно племя, связанное с мадьярами, – секели – осело у восточных карпатских перевалов. Они составили ядро полка секлеров (позднее 11-го гусарского полка), а также служили в составе двух полков пограничной охраны» [22, с. 2]. Русские офицеры отмечали: «Секлеры отличаются воинственностью духа и привыкают с самого детства носить оружие. У них каждый воин» [9, с. 4], а их села – «военные поселения с полным военным устройством» [14, с. 70]. В 1792 г. австрийское командование характеризовало их так: «Прекрасные и сильные люди, коренастого и нормального телосложения. Обычно у них овальные лица, основные их черты: плоский лоб, маленький кривой нос, маленький рот с выступающими вперед губами, совершенно круглый подбородок... пара свирепых глаз. Они смуглые, волосы их обычно черные, хотя среди выходцев из Верхнего Цика встречаются и блондины... Простой образ жизни обеспечивает им изрядное долголетие. Простые люди... очень суеверны, упрямы и честны. Вместе с тем они добродушны, трудолюбивы, верны, смелы, сочетая в себе осторожность и отвагу» [22, с. 8–9].

А общее с казачьей службой у секлеров было то, что они семьями «получали во владение земельные наделы, обязуясь в замен нести военную службу. Все мужчины записывались в армию» [22, с. 9]. Службу они несли с 14 лет.

Судя по имеющимся сведениям о методах обучения, венгерские кавалеристы стали утрачивать свои традиционные навыки. Предполагалось, что некоторые новобранцы не умеют ездить верхом, и их учили сидеть на деревянных козлах, а затем уже в седле.

Действительно, в 1848 г., когда был создан гусарский полк № 14, «за ними закрепили прозвище “осенние гусары”, поскольку изначально их полуобученные новобранцы падали со своих только что оседланных лошадей, но в весенней кампании, а также при осаде Арада и Тимишоары они действовали хорошо» [26].

После отработки движений с саблей и пистолетами начинались упражнения с «турецкими головами» – чучелами из дерева и соломы. Как правило, упражнение предусматривало поражение поочередно нескольких целей за один заход. По турецким головам сначала стреляли, потом, приблизившись, рубили их саблями. Здесь просматривается главное отличие от обучения казаков. Казаки рубили и кололи на полном скаку. Гусары, выстрелив по мишени, приближались к ней галопом, но «в 6–8 шагах от первой цели гусар переходил на шаг и наносил три удара по первой “турецкой голове”» [22, с. 12].

Что касается оружия, то «Венгрия, находившаяся под влиянием Османской империи на протяжении полутора веков, переняла много черт исламской конницы. Знаменитые гусарские кривые сабли представляли собой развитие мусульманского ятагана» [22, с. 7]. И у казаков заметно сильнейшее восточное влияние на оружие и одежду. Но главным оружием казаков в тот период была пика, которой венгры не пользовались или просто не владели.

Судя по построениям, гусары не знали казачьей лавы, они должны были сражаться, построившись в три шеренги, хотя практиковалось построение и в две шеренги. Но и в этом построении есть отзвуки казачьих боевых порядков. В первую шеренгу ставили самых сильных и рослых гусар, вторую шеренгу составляли менее способные солдаты. В третьей шеренге находились старшие и славнейшие воины. Наиболее решительных гусар ставили на фланги. И это распределение бойцов в построении напоминает казачью лаву.

После того как противник бывал опрокинут, горнисты трубили «Стой!» и гусары перестраивались. Из каждого эскадрона капрал вел на преследование по восемь рядовых из третьей шеренги. Это напоминает действия «маяка» у казаков. А уже за этой восьмеркой шел остальной

эскадрон. Если полк бывал сбит и приходил в беспорядок, подавался сигнал «Vergatterung» («Отход»), и полк враспынную отходил на заранее указанные позиции [22, с. 31]. И казаки так же в случае неудачи отступали «во все ноги» [27, с. 41] и собирались в условленном месте.

В походе гусары могли проделать переходы до 60 км в сутки при движении по открытой ровной местности. При движении рысью каждые полчаса гусары делали краткую остановку. Казаки гораздо более стремительно перемещались по театру военных действий. В случае необходимости специально подобранные доброконные казаки могли пройти 150 верст за сутки [19, с. 257].

Как это часто случалось и у казаков, гусарские полки дробили и поэскадронно или подивизионно распределяли между разными воинскими соединениями. «Восемь подразделений гусарского полка Матиаса, дислоцированного в Трансильвании, были приписаны к различным военным командованиям (осадной армии Альба-Юлии, дивизиям Секлерланд, Бистрица и Клуж-Напока)» [28].

Когда начались непосредственно военные действия, чаще всего сталкивались передовые части противоборствующих сторон – гусары и казаки.

Казаки сразу же проявили свои специфические военные качества. Штабные офицеры отмечали: «Нет войска в мире, которое могло бы сравниться в аванпостной службе с нашими казаками» [9, с. 17]. Венгры такие качества уже утратили. Так, 7 (19) июля 1849 г. в 1 час ночи русские войска генерала Энгельгардта выступили на селение Костенгольц. В деревне стояли 60 венгерских гусар. Их начальника захватили сонного, а рядовые пошли наутек. «Казаки бросились за ними и настигли человек сорок» [9, с. 103]. Выяснилось, что у венгров по селениям расставлены посты, но нет разъездов и часовых. Об участии в боях в это время упоминается в истории 15-го венгерского гусарского полка [28]. Русские генералы отмечали: «Непонятна была оплошность венгерцев: они до того были беспечны, что казаки авангарда, напав с рассветом на Кастенгольц, взяли в плен спящими весь пикет, состоявший из 1 офицера и 30 нижних чинов» [14, с. 126].

Но когда венгры имели дело с русской пехотой или регулярной кавалерией, они успешно применяли «казачьи» приемы.

В июне 1849 г. русская дивизия генерала Панютин в составе австрийских войск вела бой с венгерской армией за село Перед. Во время боя Брянский полк колонной смело пошел вперед. Венгерские гусары «уклонились от боя и, отступая, навели Брянцев на скрытно расположенную батарею из 16 орудий» [24, с. 17].

В бою под Дебречином 21 июля (2 августа) 1849 г. 4 эскадрона венгерских гусар 1-го полка Кайзера прикрывали расположение главных сил. На них пошел Волынский уланский полк. «Неприятель не принял атаки, а постепенно отходя назад, завел наших уланов под огонь своих скрытно расположенных батарей» [8, с. 448]. Оба раза венгры применили обычную казачью тактику.

И все же венгры мечтали померяться силами с казаками и, если этого не случилось в действительности, они придумывали такие бои.

После того как венгерская армия капитулировала, в австрийской осаде оставался город Коморн с 20-тысячным венгерским гарнизоном. Венгры не хотели сдаваться австрийцам и требовали, чтобы их капитуляцию приняли русские. Ближайший к крепости русский отряд генерала П.Х. Граббе был послан под Коморн, и Граббе подключился к переговорам.

Командующий гарнизоном венгерский генерал Клапка хотел убедиться, что крепость действительно полностью окружена, поэтому он приказал провести тщательную разведку малыми силами. 24 августа (5 сентября) майор Лайош Чомортаньи вывел на разведку три эскадрона 14-го гусарского полка Лехеля. В это же время венгерские аванпосты в Старой Гьялле и Сент-Питере сообщили, что они подверглись нападению казачьих частей. «При этом известии Клапка, движимый непреодолимым желанием, пожелал увидеть всемирно известных казаков лицом к лицу, а потому, взяв с собой нескольких офицеров из своего штаба, отправился всемером» [26]. 3 эскадрона лехельских гусар под командованием майора Чомортаньи заняли позицию перед деревней, когда на дороге из Старой Гьяллы они увидели казачий отряд численностью около 300 человек, медленно приближавшийся плотной группой. Несколько всадников, подъехав-

ших примерно на 700 шагов к семерке, остановились и выстрелили из своих длинноствольных ружей в гусар.

«Клапка решил немного посоревноваться с казаками. Поскольку наши люди хорошо знали местность, они оставили один эскадрон на прежней позиции, а два другие отправились в близлежащий лес, чтобы незамеченными обойти казаков сбоку. Эскадрону в семь часов было приказано отступить для того, чтобы заманить казаков поближе.

Уловка удалась. Наши гусары едва повернулись спиной к врагу, как вся группа казаков бросилась за ними, как разъяренная, и почти догнала, когда Чомортаньи со своими двумя эскадронами выступил вперед из леса и атаковал казаков с фланга и в тыл; затем они с ревом отступили» [26]. Перед нами классический казачий прием, но теперь его применяют венгры.

Венгры якобы взяли 12 пленных, семеро казаков были убиты, остальных прогнали за пределы собора Святого Петра.

Далее мы встречаем явные измышления: пленные «были коренастыми, но жалкими. Когда их привели к Клапке, они коснулись лбами земли и взмолились о пощаде»; «их лошади не представляли особой ценности, но они были именно такими, каких ожидали увидеть; все они были маленькими, худыми и запущенными»; «что касается седел и уздечек, то для нас остается настоящей загадкой, как они справлялись с таким инструментом» [26]. Потом описывалось появление русской уланской дивизии и перестрелка на аванпостах.

В общем Клапка убедился, что их полностью окружили. В венгерских сводках есть упоминания: «5 сентября произошли незначительные стычки между гусарами Лехеля и казаками Граббе. Здесь венгры отступили на линию Житвы» [26].

Венгерские авторы считают этот бой «последним кавалерийским сражением венгерской войны за независимость... Три эскадрона Лехель-гусарского полка заманили атаковавших их казаков, которых кавалеристы хорошенько проучили» [29].

Тем не менее единственный казачий полк из отряда П.Х. Граббе – Донской полк № 45 – о каких-либо потерях в эти дни не упоминает. Вернувшись из похода, командир полка полковник Сычев документально отчитался о потерях полка. Соответствующие документы хранятся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО). Согласно им, за время войны полк потерял убитыми 1 офицера (есаула Ивана Гребенникова) [11, л. 78], 1 казака (Андрея Зенова) [11, л. 82 об.]. Оба они погибли 16 (28) июля под селением Гастелли во время сражения отряда Граббе с арьберггардом венгерской армии. Еще один казак (Ефим Иньков) умер 18 (30) июля от ран, полученных в том же сражении. И два казака (Тимофей Клевцов и Денис Слепов) умерли от ран 3 (15) июня, в самом начале военных действий.

А вот умерших «от обыкновенных болезней» в полку много. Есаул Александр Галдин умер скоропостижно в театре в Варшаве во время представления (25 января 1850 г.), есаул Петр Сычев умер от тифа (29 сентября 1850 г.), хорунжий Ефим Филатов, отставший от полка, умер на Дону от холеры (15 июня 1848 г.) [11, л. 79 об.]. Умерли 3 урядника и 81 казак. В госпиталях остались 4 урядника и 18 казаков. Больны они были горячкою, простудою, чахоткою, помешательством рассудка, параличом, фистулою в заднем проходе, 2 казака подцепили венерические болезни и трое болели «всем корпусом» [11, л. 99]. Впрочем, как уже было сказано, проблема санитарных потерь среди донских казаков и всей русской армии в этот период нуждается в специальном исследовании.

Таким образом, мы видим, что навыки степной войны имеют свойство угасать. Венгры, в прошлом – кочевой народ, вписавшись в европейскую военную систему, стали лучшей конницей Европы и сохранили некоторые навыки степной войны, но в боях с казаками их конница уже проигрывала. Тем не менее во владении холодным оружием они казакам не уступали, что подтверждает пример гибели подполковника Костина. Выводы по представленному материалу могут служить постановкой проблемы – за какой временной период, и в каких обстоятельствах воинские качества кочевников угасают, и что из этих качеств сохраняется дольше всего.

Список источников

1. Письма полковника К.А. Бискупского // Наполеон: альманах. (Приложение к журналу «Воин»). М.: Братина, 2008. С. 101–110.

2. Урушадзе А. Т. Донские казаки на Кавказской войне: особенности военной службы и оценки современников // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1335–1350.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 668.
4. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 690.
5. Рошонци И., Стыкалин А.С. Венгерская кампания русской армии 1849 года: Диалог о проблемах и исследованиях. М.: Ин-т славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. 104 с.
6. Стыкалин А.С. Венгерская революция 1848–1849 гг.: взгляд через 170 лет // *Славянский альманах*. 2019. № 1–2. С. 29–45.
7. Виноградов В.Н. Венгерский поход И.Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // *Новая и новейшая история*. 2000. № 3. С. 80–96.
8. Ореус И. Описание венгерской войны 1849 г. СПб.: Тип. и хромолит. А. Трониели, 1880. 546 с.
9. Дараган М. Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. СПб.: Изд-е Якова Алексеевича Исакова, 1859. 278 с.
10. Корягин С.В. Ковалевы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2007. Вып. 68. 256 с.
11. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 677.
12. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 581а.
13. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 581.
14. Непокойчицкий А.А. Описание войны в Трансильвании в 1849 г. СПб.: Военная тип., 1858. 321 с.
15. URL: <https://tudasbazis.sulinet.hu/hu/tarsadalomtudomanyok/tortenelem/husartortenelem/2/1848-1849-honved-lovassag> (дата обращения: 11.05.2022).
16. Соловьев С.М. Соч. : в 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. I, т. 1–2. 797 с.
17. Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. Т. 6. С. 175–186.
18. История Средних веков / под ред. Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. Т. 1. 748 с.
19. Усмирение Венгрии. 1848–1849. М.: Вече, 2011. 384 с.
20. Дневник барона Л.П. Николаи, вестник во время Венгерской кампании 1849 г. // *Русская старина*. 1877. Т. XX, № 9–12. С. 101–126, 223–251, 393–406.
21. Михаловский Е.Е. Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 года. Страница из истории 1 батареи 4 артиллерийской бригады // *Журнал Императорского русского военно-исторического общества*. 1910. № 5. С. 1–17.
22. Венгерские гусары. 1756–1815 // *Новый солдат: военно-исторический альманах*. Артемовск: Книга, 2002. № 192. 32 с.
23. Жомини Г. Стратегия и тактика в военном искусстве. М.: Центрполиграф, 2009. 414 с.
24. Участие русских войск в усмирении восстания венгров в 1849 году // *Обзор войн России от Петра Великого до наших дней*. СПб.: Изд. Главного управления военно-учебных заведений, 1889. Ч. IV, кн. 1. С. 1–88.
25. Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. 1848–1849. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1899. Т. 6. 404 с.
26. A hetényi huszárcsíny. URL: <https://magyarnemzet.hu/belfold/2022/09/a-hetenyi-huszarcsiny-2> (дата обращения: 12.12.2022).
27. Записки донского атамана Денисова // *Русская старина*. 1874. Т. XII. С. 27–49.
28. Süli Attila: A 15. (Mátyás) huszárezred története. Budapest: Line Design, 2019. 288 о.
29. Lehel-huszárok a kozákok Ellen. URL: <https://felvidek.ma/2017/09/lehel-huszarok-a-kozakok-ellen/> (дата обращения: 11.05.2022).

References

1. Letters from Colonel K.A. Biskupsky. *Napoleon almanac*. (Supplement to the magazine “Warrior”). Moscow: Bratina Publ.; 2008:101-110. (In Russ.).
2. Urushadze A. T. Don Cossacks in the Caucasian War: features of military service and assessments of contemporaries. *Quaestio Rossica*. 2020;8(4):1335-1350. (In Russ.).
3. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 344. In. 1. File 668. (In Russ.).
4. *SARR*. Fund 344. In. 1. File 690. (In Russ.).
5. Roshontsi I., Stykalin A.S. *The Hungarian Campaign of the Russian Army in 1849: A Dialogue on Problems and Research*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences Press; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2022. 104 p. (In Russ.).
6. Stykalin A.S. The Hungarian Revolution of 1848-1849: A View in 170 Years. *Slavyanskii almanakh = Slavic Almanac*. 2019;(1-2):29-45. (In Russ.).

7. Vinogradov V.N. Hungarian campaign I.F. Paskevich 1849: legend and reality. *Novaya i noveishaya istoriya = Modern and Contemporary History*. 2000;(3):80-96. (In Russ.).
8. Oreus I. *Description of the Hungarian war of 1849*. St. Petersburg: Printing House and Chromolithography by A. Troneli; 1880. 546 p. (In Russ.).
9. Daragan M. *Notes on the war in Transylvania in 1849*. St. Petersburg: Publishing House of Yakov Alekseevich Isakov; 1859. 278 p. (In Russ.).
10. Koryagin S.V. *Kovalev and others. Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Rusaki Publ.; 2007. Iss. 68. 256 p. (In Russ.).
11. SARR. Fund 344. In. 1. File 677. (In Russ.).
12. SARR. Fund 344. In. 1. File 581a. (In Russ.).
13. SARR. Fund 344. In.1. File 581. (In Russ.).
14. Nepokoychitsky A.A. *Description of the war in Transylvania in 1849*. St. Petersburg: Military Printing House; 1858. 321 p. (In Russ.).
15. Available from: [https:// tudasbazis.sulinet.hu/hu/tarsadalomtudomanyok/tortenelem/huszartortenelem/2/1848-1849-honved-lovassag](https://tudasbazis.sulinet.hu/hu/tarsadalomtudomanyok/tortenelem/huszartortenelem/2/1848-1849-honved-lovassag) [Accessed 11th May 2022]. (In Russ.).
16. Soloviev S.M. *Works*: in 18 books. Moscow: Mysl' Publ.; 1988. Book I, vol. 1-2. 797 p. (In Russ.).
17. Engels F. Struggle in Hungary. Marx K., Engels F. *Works*. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1957. Vol. 6:175-186. (In Russ.).
18. Kosminsky E.A., Skazkin S.D., eds. *History of the Middle Ages*. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1952. Vol. 1. 748 p. (In Russ.).
19. *Pacification of Hungary. 1848-1849*. Moscow: Veche Publ.; 2011. 384 p. (In Russ.).
20. Diary of Baron L.P. Nicholas, led during the Hungarian campaign of 1849. *Russkaya starina = Russian Antiquity*. 1877;20(9-12):101-126, 223-251, 393-406. (In Russ.).
21. Mikhalovsky E.E. Memories of Hungary. Campaign notes of 1849. A page from the history of the 1st Battery of the 4th Artillery Brigade. *Zhurnal Imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva = Journal of the Imperial Russian Military Historical Society*. 1910;(5):1-17. (In Russ.).
22. Hungarian hussars. 1756-1815. *New soldier: military-historical almanac*. Artemovsk: Kniga Publ.; 2002. No. 192. 32 p. (In Russ.).
23. Jomini G. *Strategy and tactics in military art*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2009. 414 p. (In Russ.).
24. The participation of Russian troops in pacifying the uprising of the Hungarians in 1849. *Review of the Russian wars from Peter the Great to the present day*. St. Petersburg: Main Directorate of Military Educational Institutions Press; 1889. Part IV, book 1:1-88. (In Russ.).
25. Shcherbatov A.P. *Field Marshal Prince Paskevich. His life and work. 1848-1849*. St. Petersburg: Publishing House of Trenke and Fusnot; 1899. Vol. 6. 404 p. (In Russ.).
26. *A hetényi huszárcsíny*. Available from: <https://magyarnemzet.hu/belfold/2022/09/a-hetenyi-huszarcsiny-2> [Accessed 12th December 2022].
27. Notes of the Don ataman Denisov. *Russkaya starina = Russian Antiquity*. 1874;XII:27-49. (In Russ.).
28. *Süli Attila: A 15. (Mátyás) huszárezred története*. Budapest: Line Design Publ.; 2019. 288 p.
29. *Lehel-huszarok a kozakok Ellen*. Available from: <https://felvidek.ma/2017/09/lehel-huszarok-a-kozakok-ellen/> [Accessed 11th May 2022].

Информация об авторе

A.V. Venkov – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория казачества.

Information about the author

A.V. Venkov – Doctor of Science (History), Professor, Main Researcher, Laboratory of the Cossacks.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 12.05.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья
УДК 94 (410)
doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-71-77

ЧАРЛЬЗ ДЖЕЙМС ФОКС И ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1787–1791 ГОДОВ

Илья Владиславович Дайнеко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
idayneko@sfedu.ru

Аннотация. Анализируется значение фигуры Чарльза Джеймса Фокса во внешней политике Великобритании в период Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Рассматривается позиция главы вигов по отношению к Российской империи начиная с 1783 г. Фокс находился в тесном контакте с представителями российской элиты еще с конца Американской войны за независимость. Указывается, что следствием русско-турецкого конфликта 1787–1791 гг. стало дипломатическое противостояние России и Англии, названное Очаковским кризисом. Акцентируется внимание на миротворческой роли в разрешении кризиса партии вигов и ее лидера Чарльза Джеймса Фокса. Значительный исследовательский интерес вызывает лоббирование в британском парламенте российской точки зрения. Приводится несколько фактов, косвенно обосновывающих коррупционные связи между английской оппозицией и российской аристократией. В результате делается вывод, что Фокс в ходе Очаковского кризиса 1791 г. занимал пророссийскую позицию.

Ключевые слова: Британская империя, Российская империя, парламент, виги, Русско-турецкая война, Очаковский кризис, международные отношения

Для цитирования: Дайнеко И.В. Чарльз Джеймс Фокс и восточная политика Великобритании в период Русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 71–77.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CHARLES JAMES FOX AND BRITISH EASTERN POLICY DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR (1787-1791)

Ilya V. Dayneko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
idayneko@sfedu.ru

Abstract. The article analyzes the role of Charles James Fox in British foreign policy during the Russian-Turkish war of 1787-1791. The position of Whig head towards Russian Empire from 1783 is considered. The author notes that Fox has been in close contact with representatives of Russian elite since the end of the American War for Independence. It is pointed out that the Russian-Turkish conflict of 1787-1791 led to diplomatic confrontation between Russia and England in 1791, called Ochakov crisis. The article focuses on the peacemaking role of the Whig party and its leader, Charles James Fox, in resolving the crisis. The lobbying of the Russian point of view in the British parliament is of considerable research interest. The author cites several facts indirectly substantiating the corrupt ties between the English opposition and the Russian aristocracy. As a result, the conclusion is made that Fox took a pro-Russian position during the Ochakov crisis of 1791.

Keywords: British Empire, Russian Empire, parliament, Whigs, Russian-Turkish War, Ochakov crisis, international relations

For citation: Dayneko I.V. Charles James Fox and British Eastern Policy during the Russian-Turkish War (1787-1791). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):71-77. (In Russ.).

© Дайнеко И.В., 2023

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Роль Великобритании в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. достаточно хорошо изучена в современной историографии. Конфликт между двумя могущественными империями, названный позже Очаковским кризисом, не раз рассматривался в исследованиях отечественных и зарубежных историков начиная с XIX в. Но, несмотря на детальный анализ ключевых политических событий этого периода, одним из открытых вопросов остается роль Чарльза Джеймса Фокса во внешней политике Великобритании в ходе данной военной кампании и мотивы его действий во время Очаковского кризиса.

Обращаясь к работам зарубежных историков, посвященным проблематике статьи, стоит отметить, что специальных исследований по этому вопросу не проводилось. В монографиях в основном представлены отдельные суждения касательно парламентской деятельности Фокса во время Русско-турецкой войны. Прежде всего это биографические работы, посвященные лидеру вигов [1–4]. Все авторы стремились раскрыть суть событий 1787–1791 гг., но использовали для этого весьма ограниченный круг источников (прежде всего, из-за недоступности для них российских архивов). Еще менее информативны труды Д. Пауэлла [5] и Дж. Хаммонда [6]. С. Уиллер ограничивается лишь оскорбительной характеристикой Екатерины II, сравнивая императрицу с «глупым австрийским королем Иосифом» [7]. В работах зарубежных ученых, посвященных русско-британскому конфликту 1791 г., Фокс – человек второго плана. Так, в статьях А. Каннингема [8] и Дж. Эрманна [9] хоть и довольно подробно разбираются британские парламентские дебаты, внимание авторов все же приковано прежде всего к личности Уильяма Питта-мл., и концентрируется на участии премьер-министра в этих событиях. Сходным образом можно оценить труды биографов главы кабинета Великобритании. К примеру, подобные тезисы характерны для работ Д. Джаррета [10] и У. Хейга с аналогичным названием [11].

Статью одного из потомков рода Воронцовых – А. Воронцова-Дашкова «Семен Воронцов и Очаковский кризис 1791 г.» можно считать определенным мостиком между зарубежной и отечественной историографией, поскольку современный «американский» историк формулирует собственные оценки в отношении русского-английского кризиса, как бы синтезируя британские, американские и российские идеи, высказанные по этому поводу [12].

Отечественная историография в вопросе восточной политики Великобритании в период Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. содержит более широкий спектр источников, чем зарубежная. Архивный материал позволил скорректировать мнения иностранных исследователей и поставить перед историками новые вопросы. В частности, можно отметить статьи, посвященные Очаковскому кризису, А. Б. Соколова [13] и Л. Р. Сабитовой [14].

Из монографических трудов, затрагивающих проблематику, необходимо отметить работу А. Б. Соколова [15]. На основе анализа материалов российских и британских архивов автор предложил рассматривать события 1787–1791 гг. сквозь призму расстановки политических сил в Европе.

А. А. Егоров акцентировал внимание на основаниях политики Уильяма Питта-младшего в период Русско-турецкой войны, но позиция, занятая в конфликте с Россией лидером оппозиции Чарльзом Джеймсом Фоксом, при этом не являлась для автора первостепенной [16]. Л. Р. Сабитова в кандидатской диссертации исследовала ключевые проблемы взаимоотношений России и Великобритании в период Очаковского кризиса 1791 г. [17].

Прежде чем рассматривать деятельность Чарльза Джеймса Фокса в период Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., отметим его рассуждения относительно восточной политики Великобритании в предвоенное время. Так, в 1785 г. лидер вигов в письме герцогу Портленду писал: «Располагаю вполне определенными сведениями, что российский план войны с Турцией отложен, но война между Россией и Портой все же будет, в которой император Георг не примет участия» [18].

Цитата свидетельствует о том, что Фокс не предполагал участие Великобритании в возможном конфликте. По мнению главы парламентской оппозиции, Россия не представляла собой особой опасности для Британии и вряд ли могла завоевать господство в восточном Средиземноморье

(разумеется, крайне важном с геостратегической точки зрения районе). Интересно и то, что Фокс был довольно хорошо осведомлен о надвигающемся столкновении двух империй. Хотя на тот момент уровень взаимодействия графа Семена Воронцова, посла России в Лондоне с 1784 г., и британской оппозиции был еще довольно низким. Однако Т. Л. Лабутина в своей монографии приводит факт, свидетельствующий о том, что Фокс еще с 1782 г. наладил отношения с российской императрицей и пользовался ее благосклонностью [19, с. 264].

24 августа 1787 г. началась очередная Русско-турецкая война. Но реакция на этот международный конфликт со стороны английского истеблишмента первоначально практически отсутствовала. Политические элиты Великобритании были в то время сфокусированы на преодолении внутренних сложностей. В тронных речах Георга III не было даже намека на упоминание нового конфликта на Востоке [4]. Из анализа переписки отдельных представителей британской элиты можно сделать вывод, что их беспокоила скорее перспектива усиления России на северном направлении. Так, в 1788 г. Уильям Гренвиль в письме Бэкингему сообщал о своих опасениях на этот счет, в связи со стремительно строящимся на Балтике российским флотом [20, с. 334].

В начале 1789 г. Гренвиль в переписке с Бэкингемом вновь напомнил об угрозе, идущей с Востока. Политик акцентирует внимание на возросшем влиянии России на Севере Европы. С точки зрения Гренвиля существовала вполне реальная опасность создания коалиции против Швеции, чему необходимо противопоставить объединенные силы Великобритании и Пруссии: «Кабинет Дании в настоящий момент полностью подчинен интересам России, которая стремится уничтожить Швецию и тем самым получить полное господство на севере. И Пруссия, и Англия кровно заинтересованы в том, чтобы помешать осуществлению этого плана, но сделать это можно только приложив энергичные усилия» [20, с. 429].

Турция же для большинства членов британского истеблишмента находилась на периферии их политических интересов. В результате среди существенной части британской политической элиты вопрос о том, какую страну поддерживать в конфликте, вообще не стоял. Впрочем, самые важные дипломатические решения в тот момент принимались тайно. Л. Р. Сабитова, рассуждая о предпосылках русско-британского конфликта в контексте политики У. Питт-младшего, пишет о том что, обещая России нейтралитет в войне с Турцией, одновременно с этим Великобритания создавала тройственный союз с Пруссией и Голландией на случай вооруженного столкновения со своим северным соперником [14, с. 78]. Таким образом, глава английского кабинета стремился упредить создание русско-французской коалиции и создать противовес Франции и России в Средиземном и Балтийском регионах.

Кроме того, из-за Французской революции Русско-турецкая война как бы выпала из общеевропейской повестки. Но уже в 1790 г. со стороны правящей верхушки Фоксу сообщили, что не в восторге от его связей с Россией. Сам глава вигов пишет об этом: «Возможно, это нелепое тщеславие с моей стороны – думать, что они обратят на меня внимание; но я знаю, как они внимательны к таким вещам, и с какой неприязнью они относились ко мне как к министру, особенно из-за дружбы с Россией» [18].

Такая позиция, возможно, имела более серьезную подоплеку. Из инструкции Екатерины II послу в Лондоне графу Воронцову от 17 октября 1789 г. следует, что работа с британской оппозицией активно велась и была направлена на лоббирование интересов российской короны: «Вы не оставьте употребить все возможные средства к открытию истины и ко внушению особливо же дюку Портланду, господину Фоксу и другим важным членам оппозиции неудобства подобных замыслов ... скорее прекратить войну с Портою Оттоманскою, и по сделании со стороны ее первого и необходимого шага, удовольствоваться самими умереннейшими награждениями убытков наших при соблюдении целости договоров, до войны заключенных» [21, с. 108–109].

В январе 1791 г. отношения между Великобританией и Россией начали стремительно ухудшаться. Этот конфликт вошел в историю как Очаковский кризис, поскольку одним из ключевых был вопрос, за кем в конечном счете останется город Очаков по итогам мирных переговоров между Россией и Турцией. Согласно мнению британского историка Л. Рида, обострение русско-английских отношений произошло как следствие излишней уверенности У. Питт-младшего в возможностях Великобритании, после его политического триумфа в борьбе с Испанией за залив Нутка [1, р. 265]. В отечественной историографии превалирует мнение о том, что

конфликт произошел из-за столкновения интересов Великобритании и России на Востоке [13, с. 7; 14, с. 79].

Английское правительство серьезно опасалось усиления своего северного конкурента в акватории Черного и Средиземного морей. Позиция Фокса по поводу Очаковского кризиса была однозначной. Лидер вигов решительно не понимал, для чего Британии необходимо рисковать началом полномасштабной войны в Европе: «В войне между Россией и Турцией Турция была агрессором; британское влияние использовалось для того, чтобы побудить Турцию напасть на Россию. Когда агрессия не удастся, сторона, подвергшаяся нападению, имеет право проводить завоевания на территории агрессора. Условия, предложенные императрицей Екатериной ... крайне умеренны... Ценность, представляла только крепость Очаков, взятая Россией в 1789 году. Мы помогли России в 1771 году войти в Средиземное море; как нелепо останавливать ее теперь, когда она собирает законные плоды политики, которую мы поддерживали! Продвижение России на юг никак не могло повредить торговле между государствами» [18]. Эти мысли были высказаны лидером вигов на собрании парламента Великобритании в конце марта 1791 г.

В начале апреля, благодаря усилиям Фокса и его единомышленников из числа вигов отношение к Очаковскому кризису изменилось. Глава оппозиции в письме к миссис Армистид сообщил о политическом успехе своей «партии»: «Правительство в ходе дебатов проявило себя ужасно. Питт не выступал, так что в его речи не было необходимости, в то время как Шеридан произнес лучшую речь в своей жизни. Палата проголосовала за резолюцию Питта 253 против 173, таким образом, правительственное большинство сократилось с 93 до 80» [18].

В конце заседания 12 апреля Фокс заявил: «Невозможно вынести угрюмое и упрямое молчание Питта, когда он собирался свергнуть страну в войну. Разделение парламента должно убедить его в том, что война непопулярна и что он должен нести ответственность за ложь, которую он вложил в уста короля Георга» [18]. В результате Питт-младший, под давлением существенной части членов парламента, постепенно смягчил занятую им позицию. Уже в середине апреля конфликт пошел на спад.

В ходе парламентской сессии 9 мая 1791 г. Фокс вновь высказал мысль о вреде для Британии войны против России и обрушился критикой на правительство Питта. Лидер оппозиции привел в качестве аргументов, в частности, финансовые расходы в случае вооруженного столкновения, что еще сильнее настроило парламента против войны [18].

В июле русско-британский конфликт в острой фазе себя окончательно исчерпал. К осени отношения между государствами практически нормализовались. А уже в декабре между Россией и Турцией был подписан Ясский мирный договор, на весьма выгодных для Екатерины II условиях. Во многом именно благодаря решительным действиям Фокса удалось не допустить войну между Российской и Британской империями.

Роль главы вигов в мирном разрешении конфликта чрезвычайно высоко оценили в России. В письме графу А. А. Безбородко от 16 июня 1791 г. Екатерина в признание заслуг наказала канцлеру приобрести бюст английского политика: «Напишите к графу Воронцову чтоб он достал мне похожий бюст Чарльза Фокса из белого мрамора. Я хочу поместить его себе на колоннаду между бюстами Демосфена и Цицерона. Своим красноречием он спас свое отечество и Россию от войны несправедливой и беспричинной» [22, с. 206]. В следующем году доставленный в Петербург бюст был установлен на должном месте. На этот счет интересна одна из записей статс-секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого от 6 мая 1792 г.: «Перед обеденным столом всех водили на колоннаду и показывали, как бронзовый бюст Фокса поставлен между Цицерона и Демосфена; а мне сказали, что Питт тому завидует» [23, с. 275].

Но что до сих пор остается весьма любопытным, так это то, что лежало в основе действий Фокса во время Очаковского кризиса. Несмотря на упорное отрицание главой британской оппозиции каких-либо связей с российским правительством [18], порой действия политика проливали свет на его заинтересованность в поддержке правительства Екатерины II. К примеру, поездка друга Фокса Адэра в Санкт-Петербург в разгар Очаковского кризиса (в среде сторонников английского правительства доминировало мнение, что Адэр в поездке выступал в роли

агента Фокса и был связующим звеном между главой вигов и российскими аристократами [20, р. 442]).

Как пишет сам Адэр, Фокс изначально пытался уговорить его не пускаться в путешествие по Европе, но когда не смог убедить, то произнес следующие слова: «Ну, если вы твердо решили ехать, присылайте нам все новости» [18]. Лидер оппозиции посоветовал другу применять так называемый шифр Бургуэна, который использовал в переписке с генералом Бургуэном во время Американской войны за независимость, а для цифр – красные чернила. В начале же 1792 г., после заключения Ясского мира, Фокс и вовсе раскритиковал британское правительство за агрессивные действия: «Впрочем, я понимаю, что во всех иностранных государствах нас ненавидят настолько, насколько мы того заслуживаем; большего и быть не может» [24].

Вызывает интерес и отношение к конфликту отдельных представителей российской элиты. В частности, в письме А. Р. Воронцова родственнику – послу России в Лондоне – С.Р. Воронцову содержатся довольно интересные мысли. Так, опираясь на предположение голландских газет о возможном начале в ближайшее время горячей фазы конфликта, он считал, что Великобритания в феврале-марте 1791 г. вряд ли что-либо могла противопоставить России в военном плане на северном фронте. С его точки зрения, крепость Кронштадт была достаточно укреплена для того, чтобы успешно отразить удар британской эскадры, состоящей из 30 кораблей. Владения России в Причерноморье защищены находившимися там в значительном количестве войсками Суворова и Потемкина, триумфально громившими турок. Таким образом, стратегическое преимущество, безусловно, было на стороне России, и начинать в такой ситуации военные действия Британской империей было бы решением совершенно неразумным [25, л. 319–324].

И тут возникает следующий вопрос: была ли позиция Воронцова основана на четком понимании возможностей русских и британских армий или же исходила из характерной для отечественного дворянства недооценки сил соперника, а может, все-таки из расчета активной работы Фокса и его соратников из числа вигов в вопросе лоббирования интересов российской короны?

В итоге Чарльз Джеймс Фокс в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и русско-британского конфликта 1791 г. занял в известном смысле пророссийскую позицию. С его точки зрения, именно Турция в этом противостоянии выступала агрессором, а значит, все завоевания России законны, поскольку являлись всего лишь ответными мерами. Но в то же время остается открытым вопрос о степени искренности Фокса в его поддержке России. Учитывая несколько приведенных хоть и противоречивых фактов, можно предположить, что в случае с Фоксом речь идет о намеренной политике лоббирования интересов Российской империи главой вигов в Британском парламенте.

Список источников

1. *Reid L.* Charles James Fox: a man for the people. Columbia: University of Missouri Press, 1969. 475 p.
2. *Ayling S. E.* Fox: the life of Charles James Fox. London: J. Murray, 1991. 271 p.
3. *Hobhouse C.* Fox. London: Constable, 1935. 271 p.
4. *Mitchell L. G.* Charles James Fox. Oxford: Oxford University Press, 1992. 338 p. URL: <https://archive.org/details/charlesjamesfox00mit> (дата обращения: 07.03.2023).
5. *Powell D.* Charles James Fox. London: Hutchinson, 1989. 283 p.
6. *Hammond J. L., Le B.* Charles James Fox: a political study. London: Methuen & Company; N. Y.: James Pott & Company, 1903. 370 p.
7. *Wheeler S.* Charles James Fox. A commentary on his life and character. London: John Murray, 1907. 292 p.
8. *Cunningham A.* The Ochakov Debate // Middle Eastern Studies. 1965. Vol. 1. P. 209–237.
9. *Ehrman J.* The Younger Pitt and the Ochakov Affair // History Today. 1959. Vol. 9. P. 462–472.
10. *Jarrett D.* Pitt the Younger. London: Weidenfeld and Nicholson, 1974. 224 p.
11. *Hague W.* William Pitt the Younger. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2005. 608 p.
12. *Woronzoff-Dashkoff A.* Simon Vorontsov and the Ochakov Crisis of 1791 // Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Helsinki, 2014. P. 180–193.
13. *Соколов А. Б.* «Очаковское дело»: англо-российский конфликт 1791 г. // Отечественная история. 2002. № 4. С. 3–22.

14. Сабитова Л. Р. Начало англо-русского дипломатического противостояния в рамках «Восточного вопроса» (Очаковский кризис 1791 г.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия: История. Международные отношения. 2014. № 4. С. 77–81.
15. Соколов А. Б. Правь Британия морями. Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2019. 296 с.
16. Егоров А. А. Уильям Питт Младший. 1784–1806: решающие годы. Ростов н/Д.: Южн. фед. ун-т, 2017. 444 с.
17. Сабитова Л. Р. Политика Великобритании в Восточном Средиземноморье на рубеже XVIII – XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов: СНИГУ, 2016. 345 с.
18. Memorials and Correspondence of Charles James Fox: in 4 vol. Ed. by J. R. Russel. London: R. Bentley, 1853. Vol. 2. 424 p. URL: <https://archive.org/details/memorialsandcorr02fox/page/66/mode/2up> (дата обращения: 12.03.2023).
19. Лабутина Т. Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб.: Алетейя, 2019. 458 с.
20. Memoirs of the court and cabinets of George the third. From original family documents. The duke Buckingham and Chandos, K. G. : in 4 vol. London: Hurst and Blackett, 1853. Vol. 3. 457 p.
21. Архив князя Воронцова / под ред. П. И. Бартенева. М.: Университетская тип. (М. Катков) на Страстном бульваре, 1883. Т. 28. 616 с.
22. Русский архив: историко-литературный сборник / под ред. П. И. Бартенева. М.: Тип. И. Лебедева, 1879. Вып. 1–4. 566 с.
23. Памятные записки А. В. Храповицкого / под ред. Г. Н. Геннади. М.: Университетская тип., 1862. 306 с.
24. Memorials and Correspondence of Charles James Fox : in 4 vol. Ed. by J. R. Russel. London: R. Bentley, 1854. Vol. 3. 470 p. URL: <https://archive.org/details/dli.granth.71723> (дата обращения: 20.03.2022).
25. Письма к А. Р. Воронцову // Архив СПбИИ РАН. Воронцовы. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1259/180.

References

1. Reid L. *Charles James Fox: a man for the people*. Columbia: University of Missouri Press; 1969. 475 p.
2. Ayling S. E. *Fox: the life of Charles James Fox*. London: J. Murray Publ.; 1991. 271 p.
3. Hobhouse C. *Fox*. London: Constable Publ.; 1935. 271 p.
4. Mitchell L. G. *Charles James Fox*. Oxford: Oxford University Press; 1992. 338 p. Available from: <https://archive.org/details/charlesjamesfox00mit> [Accessed 7th March 2023].
5. Powell D. *Charles James Fox*. London: Hutchinson Publ.; 1989. 283 p.
6. Hammond J. L., Le B. *Charles James Fox: a political study*. London: Methuen & Company Publ.; N. Y.: James Pott & Company Publ.; 1903. 370 p.
7. Wheeler S. *Charles James Fox. A commentary on his life and character*. London: John Murray Publ.; 1907. 292 p.
8. Cunningham A. The Ochakov Debate. *Middle Eastern Studies*. 1965;1:209-237.
9. Ehrman J. The Younger Pitt and the Ochakov Affair. *History Today*. 1959;9:462-472.
10. Jarrett D. *Pitt the Younger*. London: Weidenfeld and Nicholson Publ.; 1974. 224 p.
11. Hague W. *William Pitt the Younger*. New York: Alfred A. Knopf Publ.; 2005. 608 p.
12. Woronzoff-Dashkoff A. Simon Vorontsov and the Ochakov Crisis of 1791. *Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences*. Helsinki, 2014:180-193.
13. Sokolov A. B. “Ochakovo case”: the Anglo-Russian conflict of 1791. *Otechestvennaya istoriya = Russian History*. 2002;(4):3-22. (In Russ.).
14. Sabitova L. R. The Beginning of the Anglo-Russian Diplomatic Confrontation in the Framework of the Eastern Question (Ochakov Crisis of 1791). *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Seriya: Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya = Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2014;(4):77-81. (In Russ.).
15. Sokolov A. B. *Rule Britain by the seas. Political discussions in England on foreign and colonial policy in the 18th century*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; 2019. 296 p. (In Russ.).
16. Egorov A. A. *William Pitt the Younger. 1784-1806: decisive years*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2017. 444 p. (In Russ.).
17. Sabitova L. R. *British policy in the Eastern Mediterranean at the turn of the 18th - 19th centuries*. Dissertation Thesis. Saratov: Saratov National Research State University Press; 2016. 345 p. (In Russ.).
18. Russel J. R., ed. *Memorials and Correspondence of Charles James Fox*: in 4 vol. London: R. Bentley Publ.; 1853. Vol. 2. 424 p. Available from: <https://archive.org/details/memorialsandcorr02fox/page/66/mode/2up> [Accessed 12th March 2023].
19. Labutina T. L. *British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; 2019. 458 p. (In Russ.).

20. *Memoirs of the court and cabinets of George the third. From original family documents. The duke Buckingham and Chandos, K. G.* : in 4 vol. London: Hurst and Blackett Publ.; 1853. Vol. 3. 457 p.

21. Bartenev P. I., ed. *Archive of Prince Vorontsov*. Moscow: University Printing House (M. Katkov) on Strastnoy Boulevard; 1883. Vol. 28. 616 p. (In Russ.).

22. Bartenev P. I., ed. *Russian archive: historical and literary collection*. Moscow: I. Lebedev 's Printing House; 1879. Iss. 1-4. 566 p. (In Russ.).

23. Gennadi G. N., ed. *Memoirs of A. V. Khrapovitsky*. Moscow: University Printing House; 1862. 306 p. (In Russ.).

24. Russel J. R., ed. *Memorials and Correspondence of Charles James Fox*: in 4 vol. London: R. Bentley, 1854. Vol. 3. 470 p. Available from: <https://archive.org/details/dli.granth.71723> [Accessed 20th March 2022].

25. Letters to A.R. Vorontsov. *Archives of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Vorontsov*. Fund 36. In. 1. File 1259/180. (In Russ.).

Информация об авторе

И.В. Дайнеко – ассистент, НОЦ «Школа молодого преподавателя».

Information about the author

I.V. Dayneko – Assistant, Scientific and Educational Center “School of a Young Teacher”.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023; одобрена после рецензирования 13.06.2023; принята к публикации 28.08.2023.

The article was submitted 09.06.2023; approved after reviewing 13.06.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья
УДК 93.625.1:629.4
doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-78-82

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА РУССКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В НАПРАВЛЕНИИ ЧЁРНОГО МОРЯ (1850–1900 гг.)

Алексей Владимирович Забелин

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия
awzabelin@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос формирования основных железнодорожных транспортных коридоров на территории Российской империи в направлении Чёрного моря.

История строительства железных дорог в черноморском направлении неразрывно связана с историей зарождения рельсовых путей сообщения в России. Первый проект железной дороги к Феодосии был утверждён в 1857 г., но в связи с финансовыми затруднениями ему не суждено было осуществиться. Строительство железной дороги, во-первых, было необходимо в стратегических целях, особенно после неудач в Крымской войне; во-вторых, в торговых, так как Чёрное море исторически являлось важнейшим торговым коридором между Азией и Европой.

Позже, к началу XX в., железная дорога к Чёрному морю всё же была сооружена уже в пяти основных направлениях: Азовском (Таганрогском), Одесском, Крымском (Севастополь), Закавказском (Потийском) и Новороссийском направлениях.

Ключевые слова: железная дорога, железнодорожный транспорт, Черноморское побережье, Чёрное море, Кавказ, Северный Кавказ, Одесса, Севастополь, Феодосия, Поти, Новороссийск, Азово-Черноморский бассейн

Для цитирования: Забелин А. В. Основные этапы строительства русских железных дорог в направлении Чёрного моря (1850–1900 гг.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 78–82.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE MAIN STAGES OF THE CONSTRUCTION OF RUSSIAN RAILWAYS IN THE DIRECTION OF THE BLACK SEA (1850-1900)

Alexey V. Zabelin

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia
awzabelin@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of the main railway transport corridors formation on the territory of the Russian Empire in the direction of the Black Sea.

The history of the railways construction in the Black Sea direction is inextricably linked with the history of the emergence of railroads in Russia. The first railway project to Feodosia was approved as a part of the first network in 1857, but due to financial difficulties, it was not destined to be realized. The issue of building a railway had two sides: a strategic one, the need for which was directly demonstrated after the failures of the Crimean War; and trade - the Black Sea has historically been the most important trade corridor between Asia and Europe.

Later, by the beginning of the 20th century. the railway to the Black Sea was nevertheless built in five main directions: Azov (Taganrog), Odessa, Crimean (Sevastopol), Transcaucasian (Poti) and Novorossiysk directions.

Keywords: railway, railway transport, Black Sea coast, Black Sea, Caucasus, North Caucasus, Odessa, Sevastopol, Feodosia, Poti, Novorossiysk, Azov-Black Sea basin

© Забелин А. В., 2023

For citation: Zabelin A. V. The Main Stages of the Construction of Russian Railways in the Direction of the Black Sea (1850-1900). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(3):78-82. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Железные дороги крайне необходимы для России, они, можно сказать, выдуманы для неё более, чем для другой страны Европы.

Первый министр путей сообщения П. П. Мельников

Железные дороги играют одну из ключевых ролей в экономической и социальной жизни России. На протяжении больше 185 лет магистрали прочно связывают даже самые дальние окраины крупнейшего в мире государства и позволяют ежедневно передвигаться миллионам пассажиров и тысячам тонн грузов. Вместе с тем во внешнеэкономических отношениях не менее главенствующее значение исторически занимает и морской транспорт. Одними из важнейших узлов в евро-азиатской торговле являются массовые грузовые перевозки железнодорожным транспортом в направлении Черноморского бассейна. Необходимость их развития и сегодня неоднократно подчёркивается Правительством. Для полного понимания дальнейшего развития транспортных коридоров обратимся к основным этапам истории формирования связей крупнейших черноморских портов с общей сетью железных дорог России.

После победы в Отечественной войне 1812 г. Российская империя упрочняет своё главенствующее положение на мировой арене и к середине XIX в. занимает ведущее социально-экономическое положение среди крупных мировых держав. Однако, несмотря на все успехи, проблемным местом оставалась отрасль промышленного производства и транспорта, не отвечающая современному уровню развития общества.

Тогда как в мире полным ходом шла промышленная революция, сопровождавшаяся интенсивным строительством железных дорог, огромные территории нашей страны требовали надёжного и эффективного транспортного сообщения. С 1836 по 1850-е гг. в стране при активном сподвижничестве Николая I, зачастую не встречавшем должной поддержки, всё же начинают появляться первые железнодорожные участки:

– 4 апреля 1838 г. открывается Царскосельская – первая железная дорога в России (Санкт-Петербург – Царское село);

– 1 апреля 1848 г. – Варшаво-Венская железная дорога (Варшава – австрийская граница);

– 1 ноября 1851 г. – Николаевская железная дорога (Санкт-Петербург – Москва) [1, с. 11].

В 1852 г. начинается постройка Санкт-Петербурго-Варшавской железной дороги. Однако после открытия 1 ноября 1853 г. участка от Петербурга до Гатчины дальнейшее строительство было заморожено ввиду начавшейся в этом же году экспансии Франции, Англии и Османской империи на Крымский полуостров. Через три года итоги Крымской войны 1853–1856 гг. со стратегической точки зрения и вовсе показали всю отсталость сети российских железных дорог. Для дальнейшего не только развития, но и укрепления страны требовались новые глобальные коренные решения.

26 января 1857 г. (распубликован 28 января) выходит именным указ Александра II «О сооружении первой сети железных дорог в России» (№ 31448). В предисловии к законодательному акту говорилось: «В неослабном попечении о благе столь близкого сердцу нашему Отечеству, мы давно сознали, что обильное дарами природы, но разделённое огромными пространствами, оно нуждается особенно в удобных путях сообщениях... В сем глубоком убеждении, мы след за первым прекращением военных действий повелели озаботиться о средствах к лучшему удовлетворению этой неотложной потребности».

Согласно указу, целью которого было достижение должного развития железнодорожной сети, принято решение по примеру других стран обратиться к частному отечественному и зарубежному капиталу и учредить частное акционерное общество «Российских железных дорог» во главе с бароном Штиглицем. В соответствии с утверждённым Уставом Общество обязывалось

в восьмилетний срок завершить строительство Санкт-Петербурго-Варшавской железной дороги, а также устроить новые магистральные пути:

- ветвь от вышеуказанной дороги к прусской границе (в направлении Кёнигсберга);
- линию Москва – Орёл – Курск – Феодосия с ветвью к Либавскому порту на Балтийском море;
- линию Москва – Нижний Новгород [2, с. 72–74, 82].

Феодосийская линия, первая открывавшая выход железной дороги к Чёрному морю, не только повышала обороноспособность государства на южных рубежах, но и рассматривалась в качестве крупнейшего транспортного торгово-экономического коридора. Напомним, что Черноморский бассейн издревле служил естественным звеном международной морской торговли. К этому времени выход к Чёрному морю обеспечивался в основном гужевым (с небольших расстояний) и речным транспортом. Оба вида напрямую зависели от климатических и погодных условий: перевозка гужем становилась невозможной при частых размывах дорог, а все крупные речные артерии и вовсе закрывали свою навигацию в зимний период.

Возвращаясь к проекту Феодосийской линии, мы вынуждены констатировать, что, несмотря на высокий потенциал и большую государственную поддержку, этому проекту не суждено было сбыться. Согласно первому Сборнику сведений о российских железных дорогах (1867 г.), работы на Феодосийской линии Обществом Российских железных дорог были начаты в незначительном количестве на территории Крыма в 1859 г., но в 1861 г. были остановлены из-за недостатка средств. Последующие финансовые затруднения, выяснившиеся и по двум другим линиям Общества, вынудили Правительство изменить в 1861 г. его Устав и ограничить предпринимателей достройкой лишь Санкт-Петербурго-Варшавской железной дороги [3, с. 87–88].

Вопрос осуществления крымской магистрали будет неоднократно подниматься в дальнейшем, но положительное решение получит только через 10 лет. Железная дорога к самому Чёрному морю будет построена намного раньше, но уже в других направлениях. Помимо неудачного плана строительства первой сети на средства Общества Российских железных дорог в стране стали появляться новые частные предложения, находившие поддержку и разрешения в Правительстве. Некоторые же, считавшиеся наиболее важными для государства, казна решала строить за своё счёт.

В 1860-е гг. помимо крымского выхода железной дороги к Черноморскому бассейну с материковой России (с учётом огромных территорий одна линия в принципе не могла полностью удовлетворить всех транспортных потребностей) существовало ещё три возможных варианта: в районе Одессы, а также с территории Кавказского побережья – как со стороны Кубанской области, так и со стороны Кутаисской губернии. Рассмотрим кратко ключевые этапы строительства железных дорог к Чёрному морю по основным направлениям.

Азовское направление. Первым южным морским портом, получившим непрерывное соединение с Центральной Россией, стал старейший в стране портовый г. Таганрог. Соединение Азовского моря рельсовым путём было обеспечено после введения в эксплуатацию линий: Москва – Курск (1868 г., Курская железная дорога); Курск – Харьков (6 июля 1869); Харьков – Таганрог – Ростов-на-Дону (24 декабря 1869 г., Курско-Харьковско-Азовская железная дорога) [1, с. 12].

Одесское направление. Параллельно попыткой соединить железной дорогой Черноморское побережье стало строительство в 1863 г. казённой Балто-Одесской железной дороги [3, с. 80]. Одесса, основанная в 1791 г., к началу 1860-х гг. представляла крупнейший военно-торговый портовый город на Чёрном море. Существовавший уникальный в 1817–1849 гг. статус свободного порта, подразумевавший беспошлинный импорт и экспорт товаров, позволил предать значительный толчок для развития всего населённого пункта и местной промышленности. Согласно первой всеобщей переписи населения 1897 г., Одесса являлась четвёртым по величине городом (403 815 чел.) и вторым по величине портом в Российской империи [4, с. IV].

Казённая линия Балта – Одесса была открыта 4 декабря 1865 г. С общей сетью русских железных дорог Одесса была соединена в 1870 г. после открытия Киевско-Балтской железной дороги. В этом же году Балто-Одесская и часть Киевско-Балтской железных дорог были переданы

во вновь образованное Общество Одесской железной дороги, подчинившееся Русскому обществу пароходства, торговли и Одесской железной дороги [5, с. 11, 14].

Параллельно в 1868 г. Балто-Одесская дорога была соединена через Ольвиополь с Елисаветградом (в н.в. Кропивницкий). В 1869 г. была открыта линия Елисаветград – Кременчуг, а в 1871 г. – Харьковско-Кременчугская железная дорога, давшая второй выход Одессы к общей сети.

Крымское направление. Несмотря на включение в 1857 г. Феодосийской линии в перечень первостепенных железных дорог, в утверждённый 23 апреля 1866 г. новый проект сети внутригосударственных железных дорог указанная линия в направлении Крыма уже не вошла.

Вместе с тем относительно нового проекта, включившего уже 14 новых линий, в министерском Сборнике сведений о железных дорогах за 1870–1872 гг. подчёркивалось, что: «Несмотря на незначительное развитие существовавшей железнодорожной сети, в ней замечаются пробелы, пополнение которых необходимо для упрочнения политических и экономических интересов государства. Так, например: Севастополь не соединён с производительными местностями черноземной полосы и Крым с его своеобразными богатствами остаётся отдалённым от внутренней России...». Направление на Севастополь ставилось первостепенным и по словам самого министра путей сообщения, а также со стратегической точки зрения поддерживалось и военным министром.

После ряда обсуждений был составлен проект новой линии в направлении Крымского полуострова: Лозово-Севастопольская железная дорога (588 вёрст), примыкавшая на станции Лозовой к открытой в 1869 г. Курско-Харьковско-Азовской железной дороге. 1 марта 1870 г. дорога вошла в утверждённый Александром II перечень новых направлений, необходимых для постройки [5, с. 1]. Концессия на дорогу была получена в 1871 г. Открытие дороги состоялось 15 сентября 1875 г.

Кутаисское (Закавказское) направление. В начале 60-х гг. говорить о соединении непосредственно самой западной части Кавказо-Черноморского побережья с общей сетью железных дорог из-за ещё не окончившейся Кавказской войны и нестабильной обстановки в северокавказском регионе считалось преждевременным. Восточная же часть русского побережья Чёрного моря была вполне стабильным регионом, представлявшим не только конгломерат Закавказских губерний, но и также служившим основным наземным торговым коридором с Персией и Турцией. О необходимости постройки в Закавказском регионе железных дорог впервые говорится в докладной записке инженер-капитана Б. И. Статковского, представленной в 1857 г. начальнику главного штаба войск на Кавказе Д. А. Милютину. Однако записка эта была посвящена соединению центра Кавказского наместничества г. Тифлиса (ныне г. Тбилиси) с противоположным морем – Каспийским у селения Санжар. В этом же году надворным советником В. Згурским и военным инженером-поручиком Черевиным был поднят вопрос о постройке железной дороги от Тифлиса до черноморского порта в Поти. После череды обсуждений, изысканий и переговоров новая Поти-Тифлисская железная дорога была открыта 10 октября 1872 г. [6, с. 1, 3, 46].

Новороссийское направление. Первая железная дорога на Северном Кавказе – Ростов-на-Дону – Владикавказ была открыта в 1875 г. Ещё на этапе обсуждения и проектирования линии в 1869–1872 гг. перед инженерами ставилась задача провести линию с учётом дальнейшего строительства ветви к одному из портов Черноморского побережья. Второй магистральной железнодорожной линией на Северном Кавказе и стала такая ветвь, связавшая 25 июня 1888 г. станцию Тихорецкую с Цемесской бухтой Новороссийска (Новороссийская ветвь Общества Владикавказской железной дороги) [7, с. 20, 23].

Таким образом, проведение железнодорожных транспортных коридоров к портам Чёрного моря в 1850–1900 гг. имело первоочередное значение и активно поддерживалось в правительстве. Строительство практически всех основных направлений выпало на 1860–1870 гг. – период начального массового формирования внутригосударственной сети. При этом все эти направления полностью удовлетворяли транспортным потребностям страны в Черноморском бассейне, кроме новороссийского, открытого к 1890 г., получившего задержку ввиду затянувшейся нестабильной военной обстановки в регионе.

Список источников

1. Соллогуб А. В. Сборник статистических сведений о железных дорогах в России по 1 января 1874 г.: 3-е изд., исправл. и доп. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1874. 122 с.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXXII. Отделение первое. 1857. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1858. 1066 с.
3. Сборник сведений о железных дорогах в России. 1867. Отделы I и II. СПб.: Тип. И. Шумахера, 1867. 241 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XLVII. Одесса, 1904. 168 с.
5. Сборник сведений о железных дорогах в России. 1870–1872. Отделы II, III. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1875. 270 с.
6. Аргутинский-Долгоруков А. История сооружения и эксплуатации Закавказской железной дороги за двадцать пять лет её существования (1871–1896 гг.). Тифлис; СПб.: паровая тип. А. С. Федорова, 1896. 682 с.
7. Москвич Г. Г. Владикавказская железная дорога : крат. илл. практ. путеводитель (на 1915 год). Петроград: Ред. «Путеводителей», 1915. 128 с.

References

1. Sollogub A. V. *Collection of statistical information about railways in Russia on January 1, 1874*. 3rd revised and enlarged ed. St. Petersburg: Trenke and Fusno Printing House; 1874. 122 p. (In Russ.).
2. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. Second col. Vol. XXXII. Ch. 1. 1857. St. Petersburg: II Department of the Own E. I. V. Chancellery Press; 1858. 1066 p. (In Russ.).
3. *Collection of information about railways in Russia. 1867*. Section I and II. St. Petersburg: I. Schumacher Printing House; 1867. 241 p. (In Russ.).
4. *The first general census of the population of the Russian Empire*. XLVII. Odessa, 1904. 168 p. (In Russ.).
5. *Collection of information about railways in Russia. 1870-1872*. Section II, III. St. Petersburg: Ministry of Railways Press; 1875. 270 p. (In Russ.).
6. Argutinsky-Dolgorukov A. *The history of the construction and operation of the Transcaucasian railway for twenty-five years of its existence (1871-1896)*. Tiflis: A. S. Fedorov Printing House; 1896. 682 p. (In Russ.).
7. Moskvich G. G. *Vladikavkaz railway: Short illustrated practical guide (for 1915)*. Petrograd: Editorial office of "Putevoditeli" Press; 1915. 128 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A. V. Zabelin – аспирант, факультет управления процессами перевозок.

Information about the author

A. V. Zabelin – Postgraduate Student, Faculty of Transportation Process Management.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023; одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 03.05.2023; approved after reviewing 28.06.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья

УДК 94

doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-83-91

ФИНАНСОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ ТРЕТЬЕГО СОЗЫВА НАЧАЛА XX ВЕКА ПО СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГОДОВ

Лева Александрович Карапетыан

Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар, Россия

leva.karapetyan.53@mail.ru

Аннотация. Ставится цель и решаются задачи, связанные с пробелом в отечественной историографии обозначенного предмета исследования. Прежде всего, речь идет о взаимоотношениях одной из палат народного представительства и правительства в лице Военного и Морского министерств по финансовому обеспечению проблемы сохранения и популяризации документов Русско-японской войны как части военно-исторического наследия, имеющего важное значение в патриотическом воспитании. У указанных государственных субъектов памятникоохранной деятельности в целом имело место взаимодействие в решении проблемы. Укрепление обороноспособности страны ими понималось как единство военно-технического обеспечения армии и флота и уровня нравственного состояния их личного состава. Отмечая ошибки государственных органов, приведших к поражению в войне, представители различных фракций были едины во мнении о мужестве и героизме офицеров, солдат и матросов. Военному патриотизму в системе традиционных духовных ценностей ими придавался высший духовный смысл. Отмеченные характеристики связывались не только с памятью о победах, но и с поражениями, причины и обстоятельства которых следовало изучать, чтобы избежать их в будущем.

Ключевые слова: Государственная Дума, Военное и Морское министерства, документальное наследие, патриотизм, финансирование

Для цитирования: Карапетыан Л.А. Финансовое законодательство Государственной Думы России третьего созыва начала XX века по сохранению и популяризации документального наследия Русско-японской войны 1904–1905 годов // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 83–91.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FINANCIAL LEGISLATION OF THE STATE DUMA OF RUSSIA OF THE THIRD CONVOCATION OF THE EARLY 20th CENTURY ON THE PRESERVATION AND POPULARIZATION OF THE DOCUMENTARY HERITAGE OF THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904-1905

Leva A. Karapetyan

Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia

leva.karapetyan.53@mail.ru

Abstract. The goal is set and the tasks related to the gap in the domestic historiography of the designated subject of research are solved. First of all, we are talking about the relationship between one of the chambers of people's representation and the Government represented by the Military and Naval Ministries on financial support for the problem of preserving and popularizing the documents of the Russian-Japanese war as part of the military-historical heritage, which is important in patriotic education. In general, these state subjects of

monument protection activities interacted in solving the problem. They, the state subjects, understood the strengthening of the country's defense capability as the unity of the military-technical support of the army and navy and the level of morale of their personnel. Noting the mistakes of state bodies that led to the defeat in the war, representatives of various factions were unanimous in their opinion about the courage and heroism of officers, soldiers and sailors. Military patriotism in the system of traditional spiritual values was given by them the highest spiritual meaning. The noted characteristics were associated not only with the memory of victories, but also with defeats, the causes and circumstances of which should be studied in order to avoid them in the future.

Keywords: State Duma, Military and Naval Ministries, documentary heritage, patriotism, financing

For citation: Karapetyan L.A. Financial Legislation of the State Duma of Russia of the Third Convocation of the Early 20th Century on the Preservation and Popularization of the Documentary Heritage of the Russian-Japanese War of 1904-1905. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):83-91. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Русско-японская война в историографии представлена значительным количеством трудов (научные, мемуарные, художественные). Имеется и солидная источниковая база, в том числе изданная в начале второго десятилетия XX в. при поддержке Государственной Думы. Однако обозначенный предмет исследования не нашел освещения в историографии. Отдельные факты по проблеме отражены в монографии автора [1, с. 144]. Поэтому работа основана на первоисточниках: нормативных материалах заседаний думских комиссий, пленарных заседаний Думы по обсуждению законопроектов, принятом законодательстве.

Цель статьи – определить отношение Госдумы и Военного и Морского министерств к значению документального наследия войны для обороноспособности страны, понимаемую как единство военно-технического и нравственного состояния армии и флота. Её реализация требует решения, прежде всего, следующих задач: 1) выявление характера взаимоотношений представительного, законодательного органа и Военного и Морского министерств в деле финансовой обеспеченности защиты документальных памятников Русско-японской войны 1904–1905 гг., поскольку в системе мер их государственной охраны она имеет определяющее значение; 2) выяснение отношения депутатов и указанных министерств к проблеме патриотизма как важнейшей духовной ценности и патриотическому потенциалу документального наследия войны; 3) определение нравственного состояния личного состава армии и флота в годы войны.

Наряду с этим в контексте актуализации проблемы отметим, что она имеет не только академическое, но и прикладное значение. Историческое наследие востребовано. Об этом свидетельствует и государственная культурная политика Российской Федерации. В ней сохранению историко-культурного наследия, включая традиционные духовно-нравственные ценности, придается большое значение. Оно формирует историческое самосознание, воспитывает любовь и уважение к Отечеству, что особенно важно в условиях противостояния с коллективным Западом.

В периоды войн и военных конфликтов, как правило, обостряется проблема патриотизма, занимающая особое место в системе традиционных духовно-нравственных ценностей. Это приводит к росту теоретического обсуждения его форм и значения. В начале XX в. здесь выявились консервативные, социалистические и либеральные течения общественной мысли [2]. Эти направления проявились и в российском парламенте, включенном в государственный механизм в 1906 г. Прежде всего, речь идет о партийных думских фракциях и полипартийных комиссиях Государственной Думы.

Государственная Дума Российской империи третьего созыва была единственной из всех четырех созывов, функционировавшая отведенные ей законом пять лет (1907–1912 гг.). В ней были представлены одиннадцать фракций. Наибольшее количество депутатов имели октябристы и примыкавшие к ним, всего 153 чел. Затем по численности следовали: умеренно правые и примыкавшие – 70 чел., кадеты – 54, правые и примыкавшие – 49, прогрессисты и мирнообновленцы – 28, национальная группа – 26, социал-демократы – 20, трудовики и примыкавшие – 13, польское коло – 11, мусульманская группа – 8, польско-литовско-белорусская группа – 7.

Из комиссий Государственной Думы основное внимание уделено профильной – Комиссии по государственной обороне, избранной 15 ноября 1907 г. в количестве 33 депутатов. 7 декабря того же года она пополнилась четырьмя представителями казачества. Из 37 членов комиссии 19 (более 50 %) составляли фракцию октябристов, 8 – умеренно правых и примыкающих к ней, 5 – правых, 3 – прогрессистов и мирнообновленцев, 2 – национальную группу [3, с. 425–436].

Комиссию возглавил октябрист А. И. Гучков. Его заместителями являлись П. И. Шаховской (умеренно правый) и Б. Б. Хвошинский (октябрист), а секретарем – А. И. Звегинцев (октябрист) [4, с. 33]. В последующие сессии принципиальных изменений в её партийном составе не происходило. В целом характер взаимоотношений между фракциями по различным социально-политическим и экономическим вопросам в научной литературе исследован достаточно. Чего нельзя сказать об изучаемом вопросе.

Наличие в государственном аппарате представительного законодательного органа изменил и характер принятия нормативно-правовых актов, в том числе бюджета, а также единовременных и ежегодных финансовых законопроектов по отдельным вопросам, которые в большинстве своем требовали одобрения парламента. Комиссией по государственной обороне за годы работы Думы были приняты решения по 436 законопроектам. Из них 20 являлись единовременными и ежегодными финансовыми законопроектами по охране военно-исторических памятников, внесенных Военным и Морским министерствами. Непосредственно к исследуемой теме относилось шесть.

Поступавшие в Государственную Думу законопроекты передавались для экспертного заключения в комиссию по государственной обороне и в бюджетную комиссию. Первая с учетом мнения второй готовила доклад, в котором отражался ход обсуждения и предлагался законопроект на рассмотрение в общем собрании Думы. После его одобрения он передавался в Госсовет (верхняя палата парламента) и в случае одобрения утверждался императором.

Финансовые предложения указанных министерств носили комплексный характер и преследовали тесно взаимосвязанные цели, необходимые для укрепления обороноспособности страны. С одной стороны, речь шла о поддержании состояния армии и флота на должном военно-техническом уровне. С другой – обращалось внимание на сохранение и популяризацию документального наследия войны для патриотического воспитания. И в правительстве в лице отмеченных министерств, и в Думе было понимание важности воспитания патриотизма с опорой на сохранение и актуализацию военно-исторических памятников.

Так, в начале 1908 г. Морское министерство аргументировало необходимость финансирования изучения истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. как с точки зрения материально-технической (указывалось, что другие государства уже применяют опыт этой войны в технике своего судостроения и усовершенствования вооружения), так и идейно-воспитательной. Оно исходило из того, что сохранение памяти о морских сражениях в годы войны путем издания фундаментального сборника документов и её истории будет способствовать поднятию нравственного уровня личного состава нижних чинов флота и воспитанию их в духе патриотизма, преданности своему долгу и дисциплине [5, № 351, с. 1–2].

Проблема патриотизма звучала и в Думе как на её общих собраниях, так и заседаниях комиссии по обороне. Разные подходы партийных фракций, порой диаметрально противоположные, имели место относительно материальных, военно-технических аспектов отдельных вопросов. В то же время у представителей различных партий было единство по вопросу о значении военно-исторического наследия как фактора мужества, героизма и жертвенности во имя Родины, патриотического воспитания будущих поколений.

Проявлением конкретного отношения различных партийных фракций к идее патриотизма явилось, например, обсуждение 23–24 мая 1908 г. в Думе сметы расходов Морского министерства на 1908 г. Подчеркнем, что в целом при различных оценках государственного режима и Морского министерства в частности представителями различных партийных фракций под сомнение не ставилось мужество и героизм морских офицеров и матросов в Русско-японской войне. Приведем ряд конкретных критических высказываний депутатов в ходе острых прений.

Либеральное направление представляли октябристы и кадеты. Основная мысль октябристов (А.И. Гучков, А.И. Звегинцев), сформулированная в результате анализа причин поражения в войне, сводилась к допущенным министерством организационным (отсутствие в министерстве

принципа персональной ответственности) и технологическим (игнорирование идеи оснащения военного флота большим количеством орудий, увеличение броненосных крейсеров) ошибкам. Выход из создавшегося положения им виделся в опоре на участников войны, использовании их опыта, прежде всего офицеров, как в восстановлении флота, так и в воспитании подрастающего поколения, поскольку победу одерживают не корабли, а люди [3, 6].

Фракция высказывалась за отказ в выделении денег на судостроение до реформирования Морского министерства, хотя они и не менее патриоты, чем поддерживающие министерство [6, с. 1393]. Их точку зрения разделяли кадеты П.Н. Милуков, А.И. Коллюбакин. Последний, отметив мужество и героизм личного состава флота, подчеркнул неподготовленность к войне Тихоокеанской эскадры [6, с. 1304, 1413–1414].

Консервативное крыло олицетворяли фракции умеренно правых (П.Н. Крупенский, А.А. Потоцкий) и правых (В.М. Пуришкевич). Первые видели сущность патриотизма в благе своей Родины и заявляли, что те руководители, которые не способны его обеспечить, «должны уйти, поскольку это их долг перед Царем и Родиной». Отмечая героизм моряков, покрывших себя неуязвимой славой в Севастополе, Порт-Артуре, Цусиме, они обращали внимание на необходимость реформы в подготовке личного состава, воспитанию воинского духа и дисциплины нижних чинов, среди которых имели место и антивоенные настроения [6].

В.М. Пуришкевич призвал всех без различия политических взглядов и убеждений верить в возрождение русского флота в своем былом величии времен Истомина, Лазарева, Корнилова, Нахимова, Грейга, Ушакова. Поражение в войне он связывал не с отсутствием мужества личного состава, а с военно-технической отсталостью, особенно флота, в котором виновно Морское министерство. Поэтому пока оно не будет реформировано, следует отказаться от его финансирования. Патриотизм народных представителей он видел в том, чтобы не допустить «ужасы второй Цусимы» и неблагонадежности матросов, имея в виду восстание на броненосце «Потемкин» [6, с. 1386, 1388–1391].

Представитель национальной группы в комиссии по обороне князь А.П. Урусов поражение в Цусимском сражении связывал с отставанием русского флота в вооружении. Он отмечал доблестно сражавшихся и погибших офицеров и матросов броненосцев «Александр III», «Осляба», «Владимир Мономах», «Адмирал Нахимов», «Адмирал Ушаков», «Наварин». Им названы несколько отличившихся имен: Миклухо-Маклай, Мусатов, Жданов, Трубицын, Гирс, Дурново, Шеин, Фитингоф, Зорич, Шольц, Зуров, Нирод, которые помнили святость присяги и любили Родину [6, с. 1280–1281].

Наиболее радикальным являлось социалистическое течение. Член социал-демократической фракции И.П. Покровский оппонировал тем представителям фракций правых и центра думского большинства, которые поддерживали смету. Он высказался не только против выделения денег министерству, но и против государства в целом, виновного в позоре Цусимского и Мукденского поражений, что привело к многочисленным жертвам среди богатырского русского народа [6, с. 1287–1293].

Из изложенных мнений следует сделать ряд выводов. Во-первых, было единство представителей различных партийных фракций о мужестве личного состава, память о которых следовало сохранить и популяризировать. Во-вторых, критиковались действия Морского министерства в годы войны. В-третьих, кроме социал-демократической фракции, бюджетное финансирование связывалось с качественным реформированием министерства. Смета Морского министерства на 1908 г. была заметно сокращена комиссией по обороне и бюджетной комиссией. Особенно существенно это сказалось в части нового судостроения, где министерство не получило 40 % планируемой (20 798 339 руб.) суммы. Предложения комиссий были поддержаны большинством Думы при голосовании (за – 194, против – 78) [6, с. 1468, 1473]. В то же время единовременная выплата для комиссии, занимавшейся выявлением и изучением документов о войне, была одобрена общим собранием [6, с. 1443–1444].

В дальнейшем по мере реформирования военных ведомств большинство Думы в целом поддерживало бюджетное финансирование с целью материально-технического совершенствования армии и флота, необходимого для укрепления обороноспособности страны.

Не менее важным депутаты всегда считали и духовное состояние личного состава. Сошлемся, например, на доклад комиссии по государственной обороне 1 июня 1910 г. на общем заседании Думы по законопроекту о финансировании строительства Русского военно-исторического музея. При рассмотрении законопроекта комиссией был поднят вопрос о желательности и своевременности постройки такого музея. Сама мысль об увековечении событий, составляющих гордость России, поддерживалась членами комиссии.

Но в тех конкретных условиях 1910 г. её меньшинство считало законопроект преждевременным. Оно исходило из того, что поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг. выдвинуло на первый план более серьезные государственные задачи, связанные с военным реформированием для укрепления обороны страны, требующие огромных средств. Поэтому пока они не будут осуществлены, использовать значительные суммы в целях, не относящихся непосредственно к обороне страны, считало нецелесообразным. Большинство же членов комиссии были несогласны с этой позицией и указывали на то, что государственная и общественная жизнь нуждается в удовлетворении не только материальных потребностей, но и духовных интересов.

Дух воинского героизма, высокие патриотические чувства поддерживаются во всех общественных слоях не только материальными успехами, но и воспитательными мерами, раскрывающими славное историческое прошлое государства, показывающими, что источники духовных народных сил не иссякли и не иссякнут. Поэтому будущее России может и должно быть таким же славным, как и её прошлое, несмотря на никакие временные неудачи. Тогда армия, состоящая из народа и живущая с ним одной жизнью, будет пополняться сильными духом людьми, что является залогом патриотизма и героизма. Поэтому любая мера, направленная на поднятие угнетенного народного духа после поражения в войне, должна приветствоваться и считаться особенно необходимой в нынешних условиях. Отсюда большинство комиссии считали своевременным и желательным строительство и открытие такого музея, а затрату государственных средств на него – производительным [7, с. 112–113].

Через призму изложенного понимания патриотизма следует оценивать и меры по сохранению и популяризации документального наследия указанной войны. Военное министерство начало изучение сухопутной истории войны с сентября 1906 г. При Главном управлении Генерального штаба под руководством участника войны генерал-майора В.И. Гурко была создана военно-историческая комиссия по изданию сборника архивных материалов и написанию объективной истории военных действий на суше. По данным Д.Б. Павлова, в неё входило 35 человек, в их числе 11 старших офицеров Генштаба, включая 3 генералов, и более 20 гражданских лиц [8, с. 144]. Хотя В.А. Авдеев называет поименно членов комиссии лишь из военнослужащих [9, с. 85].

На её содержание выделялось более 69 тыс. руб. Работы следовало завершить к 1910 г. На издание трудов объемом 315 печатных листов законом от 19 июня 1909 г. было ассигновано 100 тыс. руб. [10, с. 526]. Однако, по мнению военного министра от 29 октября 1909 г., реально издание составит 450–500 печатных листов с тиражом 4 тыс. экземпляров. Поэтому он просил продлить срок работы сокращенной по численности до семи членов комиссии, начиная с 1910 г. ещё на 8 месяцев с дополнительным финансированием в сумме 17 267 руб. и около 25 тыс. руб. на издание.

Комиссия по государственной обороне удовлетворила ходатайства министра. Вместе с тем она отметила необходимость немедленного завершения работы с целью скорейшего ознакомления армии и общества с событиями войны по официальным источникам. Кроме того, она считала, что 2700 экземпляров, предназначенных Военным министерством для продажи, недостаточно для широкого распространения [5, № 308, с. 1–2].

На издание картографического материала по войне комиссия согласилась выделить 6213 руб. Эта сумма по ошибке не была включена в финансовый закон 1909 г., а расходы производились из денег, предназначенных для публикации. Приняв объяснения военного ведомства [5, № 308, с. 3], комиссия по государственной обороне 5 апреля 1910 г. предложила на обсуждение общего собрания Думы законопроект о выделении из государственного казначейства на расходы по содержанию комиссии по описанию войны 1904–1905 гг. и издание её трудов дополнительно 47 480 руб.

Законопроект был признан срочным и принят сразу в 3 обсуждениях без прений и поправок [5, № 308, с. 3]. 8 мая 1910 г. он обрел силу закона [11, с. 603]. Всего было выделено на финансирование комиссии и публикацию материалов военных действий на суше не менее 216 480 руб. За чуть более чем 4-летнюю (16.09.1906–15.12.1910) деятельность комиссия сформировала собственный архив (заведовал ротмистр К.К. Агафонов, а картографической частью – полковник барон Н.А. Корф) из более чем 40 тыс. дел, поступивших в основном из Общего архива Главного штаба. Но членам комиссии были доступны материалы всех главных управлений Военного министерства, а также архивы Министерства иностранных дел и Министерства финансов.

После завершения работы 12 тыс. дел были переданы в военно-ученый архив Главного управления Генштаба [8, с. 144; 9, с. 85–86]. Пополнение фондов архива потребовало увеличения расходов на издание его каталога в сумме 3750 руб., поддержанное комиссией по государственной обороне и Госдумой [5, № 308, с. 10]. Шеститомное издание (составитель М.О. Бендер) планировалось завершить в 1912 г., но вышло четыре тома.

Следует отметить вклад в археографию и историографию войны отдельных членов комиссии: полковников Ф.П. Рерберга, П.Н. Симанского, А.В. Шварца, которые на базе архивных документов издали собственные труды. Результатом работы комиссии был выход в конце 1910 г. основанного на первоисточниках 9-томного труда в 16 книгах «Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию войны» объемом 600 печатных листов и тиражом 4050 экз. Приложение к изданию содержало более 500 карт и планов. Но первоначальная задача по публикации комиссией В. И. Гурко всех имеющихся документов не была решена, хотя источники были включены в приложения.

Несколько по-иному обстояло дело с исследованием и изданием материалов военно-морских сражений. Специальная комиссия из участников войны в количестве шести человек во главе со штаб-офицером высшего ранга при историческом отделе морского Генерального штаба А.Ф. Гейденем приступила к работе в начале 1907 г. Её главной задачей являлись отбор и изучение первоисточников, прежде всего из архива морского Генерального штаба, а также материалов из аналогичной японской комиссии, с которой были установлены связи для фундаментального сборника документов и написание на их основе истории морских сражений.

Однако она в отличие от аналогичной комиссии военно-сухопутного ведомства, во-первых, уступала ей в численности, во-вторых, не финансировалась из бюджета и работала за счет выделяемых кредитов. Для сравнения отметим, что в Японии на такие же цели было выделено единовременно на пять лет, начиная с 1905 г., 50 тыс. иен. В 1911 г. в Японии было завершено издание истории войны на море в 150 томах стоимостью 130 тыс. иен [12, с. 189].

Поэтому уже в первую сессию Думы комиссия по государственной обороне и общее собрание Думы одобрили ходатайство Морского министерства и приняли законопроект о одновременном выделении 5 тыс. руб. на эти цели. Аргументы комиссии сводились к тому, что учет и использование мнения участников войны ценны как в военно-техническом (развитие морской стратегии, кораблестроения, артиллерии и других вопросов), так и в патриотическом значении, необходимы для восстановления морского могущества страны [4, с. 37; 3, № 348].

На пленарном заседании Госдумы 24 мая 1908 г. законопроект об ассигновании в 1908 г. 5 тыс. руб. был принят [6, с. 1343–1344]. В 1909 г. было одобрено еще 8 тыс. руб. [5, № 255, с. 4–5]. Докладчик от комиссии Звегинцев отмечал успешную деятельность специальной комиссии и заверил, что работа будет завершена в срок [13, с. 957]. Общая стоимость предполагаемых работ оценивалась в 69 500 руб. Из них 61 750 руб. предназначались на издание сборника материалов из 25 томов (60 печатных листов в каждом). Он включал сведения по военным действиям, судостроению, состоянию заводов, политическому положению в стране как до войны, так и во время войны и другие документы. Помимо выделенных 13 тыс. руб. в 1908–1909 гг., оставшиеся 56 500 руб. выдавались равными частями в 1910–1913 гг. Целью сборника являлось прежде всего ознакомление личного состава флота с первоисточниками по войне.

В 1909–1910 гг. следовало издать и краткую историю морских сражений. Издание 1909 г. включало в себя события в Порт-Артуре и во Владивостоке, а 1910 г. – плавание эскадры адмирала З.П. Рожественского и Цусимское сражение. На это выделялось 7750 руб. Издание полной

истории планировалась на 1913–1914 гг. после выхода указанного сборника первоисточников [5, № 351, с. 3–4].

Комиссия по государственной обороне, одобряя финансовые законопроекты Морского министерства, ещё 12 марта 1909 г. на общем собрании Думы высказала следующие пожелания. 1. Создание необходимых условий для работы специальной комиссии по реализации важнейшей задачи. 2. Увеличение тиража, необходимого для удовлетворения потребностей общества, а не в ограниченном количестве в соответствии с планом министерства [14, с. 86].

Был частично поддержан и законопроект Морского министерства от 14 декабря 1910 г. «Об отпуске средств на издание санитарного отчета по флоту за Русско-японскую войну», где содержалось ходатайство об ассигновании 17 827 руб. Санитарный отчет включал три части: 1) количество пострадавших; 2) краткую историю санитарной службы флота; 3) полный список раненых и убитых чинов флота.

Комиссия рассмотрела законопроект 3 февраля 1911 г. в присутствии представителей министерства и согласилась на издание первых двух частей. Относительно третьей части она отметила, что, полностью одобряя цель увековечения в народной памяти имен раненных и убитых в годы войны, такой список был бы уместен при описании деятельности всего русского флота. Но к санитарному отчету непосредственного отношения не имеет. Поэтому из указанной суммы она исключила 2827 руб., предназначавшиеся для этой части издания.

Бюджетная комиссия 3 мая 1911 г. указала на преувеличение стоимости бумаги, и в итоге выделялось 12 тыс. руб. [15, с. 110–111]. Однако в отличие от сухопутного военного ведомства Морское министерство не уложилось в обозначенные сроки и не полностью выполнило свои обязательства. В 1907–1914 гг. вышел 9-томный сборник документов о действиях флота. В 1912–1917 гг. изданы семь томов «Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе». Из членов комиссии следует отметить работу самого председателя, подготовившего в 1914 г. труд «Итоги Русско-японской войны», но не изданного по цензурным причинам [16, с. 25].

Итак, военно-исторические комиссии собрали и изучили значительное количество различных первоисточников о войне как отечественных, так и иностранных. Они послужили базой опубликованных трудов. Их вклад в археографию и историографию войны исследователи в целом оценивают позитивно.

Подводя итог исследуемой проблемы, отметим, что отношение Государственной Думы к финансовым законопроектам названных министерств было в целом положительным, поскольку в них необходимость укрепления обороноспособности страны понималась как единство военно-технического обеспечения армии и флота и уровня нравственного состояния их личного состава. Отмечая ошибки государственных органов, приведших к поражению в войне, представители различных фракций были едины во мнении о мужестве и героизме личного состава как проявлении патриотизма, особенных духовно-нравственных качеств. Он связывался не только с памятью о победных фактах и событиях, а и с поражениями, причины и обстоятельства которых следовало изучить, чтобы избежать их в будущем. Взаимодействие в вопросе сохранения и популяризации документального наследия Русско-японской войны 1904–1905 гг. основывалось прежде всего на его значимости в патриотическом воспитании, поскольку в итоге победы зависят от духовного состояния людей.

Список источников

1. Карпетян Л.А. Охрана культурного наследия в пореформенной Российской империи через призму деятельности парламента начала XX в. Краснодар: Экоинвест, 2023. 286 с.
2. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2015. 783 с.
3. Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. 1, № 348. 2024 с.
4. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия I. 1907–1908 гг. СПб.: Гос. тип., 1908. 2141 с.
5. Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 2. 1908–1909 гг. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. 2. № 308, 351.

6. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия I. СПб.: Гос. тип., 1908. Ч. 3. 4526 с.
7. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия III. 1909–1910 гг. СПб.: Гос. тип., 1910. 376 с.
8. Павлов Д.Б. Российская историография и археография Русско-японской войны 1904–1905 гг. Основные периоды, идеи, направления // Отечественная история. 2005. № 3. С. 144–157.
9. Авдеев В.А. «Секреты» Русско-японской войны // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 83–89.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 29: 1909. Отделение 1. № 32183. СПб.: Гос. тип., 1912. 1006 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 30: 1910. Отделение 1. № 33501. СПб.: Гос. тип., 1913. 1408 с.
12. Полутов А.В. О новом источнике по истории Русско-японской войны на море 1904–1905 гг. // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 188–190.
13. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия II. СПб.: Гос. тип., 1909. Ч. 3. 2956 с.
14. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия II. 1908–1909 гг. СПб.: Гос. тип., 1909. 319 с.
15. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия IV. Ч. 2: 1911 г. СПб.: Гос. тип., 1911. 3722 с.
16. Фролов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в отечественной историографии 1904–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 294 с.

References

1. Karapetyan L.A. *Protection of cultural heritage in the post-reform Russian Empire through the prism of the activities of the parliament of the early 20th century*. Krasnodar: Ekoinvest Publ.; 2023. 286 p. (In Russ.).
2. Zhuravlev V. V., ed. *Patriotism and nationalism as factors in Russian history (late 18th - 1991)*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2015. 783 p. (In Russ.).
3. *Applications to verbatim records of the State Duma*. Third convocation. Session 1. 1907-1908. St. Petersburg: State Printing House; 1908. Vol. 1, No. 348. 2024 p. (In Russ.).
4. *State Duma. Survey of the activity of commissions and divisions*. Third convocation. Session I. 1907-1908. St. Petersburg: State Printing House; 1908. 2141 p. (In Russ.).
5. *Applications to verbatim records of the State Duma*. Third convocation. Session 2. 1908-1909. St. Petersburg: State Printing House; 1909. Vol. 2, No. 308, 351. (In Russ.).
6. *State Duma*. Third convocation. Verbatim reports. 1907-1908. Session I. Part 3. St. Petersburg: State Printing House; 1908. 4526 p. (In Russ.).
7. *State Duma. Survey of the activity of commissions and divisions*. Third convocation. Session III. 1909-1910. St. Petersburg: State Printing House; 1910. 376 p. (In Russ.).
8. Pavlov D.B. Russian historiography and archeography of the Russo-Japanese war of 1904-1905. Main periods, ideas, directions. *Otechestvennaya istoriya = Russian History*. 2005(3):144-157. (In Russ.).
9. Avdeev V.A. "Secrets" of the Russian-Japanese War. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military Historical Journal*. 1993;(10):83-89. (In Russ.).
10. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. Meeting the third. Vol. 29. 1909. Department 1. No. 32183. St. Petersburg: State Printing House; 1912. 1006 p. (In Russ.).
11. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. Meeting the third. Vol. 30. 1910. Department 1. No. 33501. St. Petersburg: State Printing House; 1913. 1408 p. (In Russ.).
12. Polutov A.V. About a new source on the history of the Russian-Japanese war at sea 1904-1905. *Rossiya i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region*. 2007;(1):188-190. (In Russ.).
13. *State Duma*. Third convocation. Verbatim report. Session II. Part 3. St. Petersburg: State Printing House; 1909. 2956 p. (In Russ.).
14. *State Duma. Survey of the activity of commissions and divisions*. Third convocation. Session II. 1908-1909. St. Petersburg: State Printing House; 1909. 319 p. (In Russ.).
15. *State Duma. Survey of the activity of commissions and divisions*. Third convocation. Session IV. Part 2. 1911. St. Petersburg: State Printing House; 1911. 3722 p. (In Russ.).
16. Frolov I.A. *Russian-Japanese War 1904-1905 in Russian historiography 1904-1917*. Dissertation Thesis. Moscow, 2018. 294 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.А. Карапетян – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения.

Information about the author

L.A. Karapetyan – Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of History, Culturalology and Museum Studies

Статья поступила в редакцию 13.06.2023; одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 13.06.2023; approved after reviewing 28.06.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья
УДК 327.5
doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-92-96

БАЛКАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В 1912–1913 ГОДЫ И ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Анастасия Андреевна Кудрявцева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
anastasiya.k.2022@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются ключевые вопросы, связанные с усилением международной напряженности на Балканском полуострове перед Первой мировой войной. Находящийся на перекрестке цивилизаций Балканский полуостров в течение тысячелетий являлся сферой геополитических интересов различных коалиций. Балканские войны 1912–1913 гг. представляются как узловой момент его истории в XX в. Анализируются процессы национального освобождения территории Балкан от османского господства, а также военные действия, направленные на получение независимости. Определяются роль и значение стран Балканского полуострова во время Балканских войн 1912–1913 гг., а также показаны действия этих стран по формированию нужных им настроений для достижения наибольших территориальных приобретений. Параллельно с этим анализируется роль великих держав, прежде всего России, в рамках балканских конфликтов. Приводится хроника внешнеполитических событий начала XX в., связанных с участием России в решении балканского вопроса. На основе публикаций того времени реконструируются сложившиеся образы Болгарии и Сербии, предпринимается попытка восстановить реальную картину жизни этих государств накануне Первой мировой войны и ее особенности, а также понять своеобразие вестернизации «по-балкански».

В итоге Балканские войны 1912–1913 гг. явили собой основу будущей конфликтогенности региона, приведшей к Первой мировой войне.

Ключевые слова: история, Балканский полуостров, первая Балканская война, вторая Балканская война, Россия, Первая мировая война, Болгария, Сербия, Турция, 1912–1913

Для цитирования: Кудрявцева А.А. Балканский полуостров в 1912–1913 годы и обострение ситуации накануне Первой мировой войны // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 92–96.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE BALKAN PENINSULA IN 1912-1913 AND THE AGGRAVATION OF THE SITUATION ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

Anastasia A. Kudryavtseva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
anastasiya.k.2022@yandex.ru

Abstract. The key issues of increasing international tension on the Balkan Peninsula before the First World War are considered. The subject of the study is the Balkan Peninsula, located at the crossroads of civilizations, which has been the sphere of geopolitical interests of various coalitions for thousands of years. The Balkan Wars of 1912-1913 are presented as a pivotal moment in the history of the peninsula in the 20th century. First of all, the process of national liberation of the territories of the Balkans from Ottoman rule, as well as the process of military actions aimed at gaining independence, is considered. The article analyzes the importance played by the countries of the Balkan peninsula during the Balkan Wars of 1912-1913, and also shows the actions of these countries to form the moods they need to achieve the greatest territorial gains. At the same time, the role of the great powers, primarily Russia, in the process of the Balkan conflicts is analyzed. The

© Кудрявцева А.А., 2023

chronicle of the foreign policy events of the early 20th century related to Russia's participation in the solution of the Balkan issue is researched. On the basis of publications of that time, the existing image of Bulgaria and Serbia is reconstructed, an attempt is made to restore the real picture of the life of these states on the eve of the First World War and its features, to understand the peculiarity of Westernization "in the Balkan way".

The complex of the two Balkan wars of 1912-1913 is considered primarily as a basis for the development of the future conflictogenicity of the region, which led to the First World War.

Keywords: history, the Balkan Peninsula, the First Balkan War, the Second Balkan War, Russia, the First World War, Bulgaria, Serbia, Turkey, 1912-1913

For citation: Kudryavtseva A.A. The Balkan Peninsula in 1912-1913 and the Aggravation of the Situation on the Eve of the First World War. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):92-96. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Балканы традиционно являются одним из наиболее «горячих» регионов на европейском континенте. Обострение международных отношений на этой территории привело к развязыванию масштабных конфликтов, причем не только в рамках противостояния региональных государств, но и противоборства крупных мировых держав. Наиболее значимым из них стала Первая мировая война. Рассмотрим подробнее основные события на Балканах, предшествовавшие Первой мировой войне в период 1912–1913 гг.

В 1912–1913 гг. произошло новое обострение военно-политической обстановки на Балканском полуострове. Балканы оказались в крайне тяжелой обстановке еще и по той причине, что ряд других государств, таких как Турция, Германия, Австро-Венгрия, имели собственные интересы в этом регионе и стремились обернуть ситуацию в свою пользу. Осознавая это, основная часть балканских государств взяла курс на укрепление отношений с Россией. При поддержке Николая II и непосредственном участии Российской империи 29 февраля 1912 г. был заключен военный союз между Сербией и Болгарией, который носил ярко выраженную антитурецкую направленность. В соответствии с достигнутыми в рамках данного альянса договоренностями союзные государства могли начать боевые действия только в случае, если Россия даст на это согласие. И это условие было необходимо прежде всего для достижения успеха в противодействии Турции, поскольку без участия России, ее дипломатической и военной подготовки балканские государства были бы обречены на поражение [1, с. 11–49].

В результате достигнутого в ходе переговоров консенсуса, в случае поражения Турции, область Македонии, которая выходила из состава Османской империи, подлежала разделу на три части: часть территории отдавалась Болгарии, часть – Сербии, остальная же часть должна была иметь нейтральный статус при арбитраже над ней России [2, с. 59–63]. Вскоре между Болгарией и Сербией было заключено новое соглашение, в нем оговаривалось, сколько войск каждая из них будет использовать против Турции, а также против Австро-Венгрии, если та каким-либо образом вмешается в военный конфликт. На этом этапе к союзу балканских государств присоединилась Греция, она также стремилась достичь территориального единства в рамках всего политического пространства Балкан и противостоять Турции. Таким образом произошло формирование Балканского союза, или «Балканской Антанты». Для России союз балканских государств был удобным инструментом для использования его против Германии и Австро-Венгрии. Поддержку этому альянсу выразили также Великобритания и Франция, ведь в перспективе для них он был союзником против Германии. Однако Николай II стремился предотвратить преждевременное начало боевых действий «Балканской Антанты» против Турции, так как ранняя эскалация на Балканах могла привести к непредсказуемым последствиям, к которым российская армия еще не была готова.

В конечном итоге добиться этого России не удалось по причине чрезвычайно высокой степени напряженности ситуации на Балканах. Существенные проблемы во внутренней политике Турции сказались также и на стабильности в рамках управления подчиненными территориями. После успешного свержения турецкой администрации младотурок, Албания, воспользовавшись данным обстоятельством, объявила о своей независимости. Турецкие власти попытались пода-

вить восстание, направив свои силы против мирных жителей, в результате чего погибло более 50 тыс. человек. Это событие вызвало волну возмущения в Болгарии, Сербии и Черногории, которые мобилизовали свои армии. Россия не в силах была сдержать выступление «Балканской Антанты» против Турции и оказалась в ситуации, когда смогла предоставить лишь дипломатическую поддержку государствам Балкан.

Началу первой Балканской войны положило выступление Черногории против Османской империи 9 октября 1912 г. Другие страны полуострова вступали в войну согласно существующей между ними договоренности: Болгария, Сербия и Греция также объявили войну Турции. Началось широкомасштабное наступление союзников на всех фронтах.

Союзные войска общей численностью около 700 тыс. человек за месяц смогли разгромить ослабленную революцией турецкую армию. Сербские войска продавили южный фланг обороны турок и достигли Адриатического моря, а болгарским удалось подойти к Чатальджинским высотам в 45 км от Константинополя. Стало очевидно, что вскоре болгары захватят Константинополь.

Разгромленная Турция была вынуждена просить великие державы стать посредниками в этом конфликте. Перед российскими дипломатами стояло сразу три задачи: закрепить успехи побед, одержанных балканскими государствами, при этом помешав стремлению Австро-Венгрии к установлению абсолютного влияния в этом регионе и не допустив начала всеобщей войны в Европе (до которой фактически и так оставалось меньше двух лет). В итоге российское правительство решило ограничить наступательные действия союзников по Балканскому блоку [3, с. 87–114]. Россия объявила Сербии и Черногории о том, что больше не сможет продолжать финансировать их действия и что ей придется ограничить потоки инвестиций в государства Балкан, если наступление продолжится. Особенно важно для России было остановить Болгарию, чьи действия могли привести к появлению флотов европейских держав у Дарданелл (их войска уже подходили к Чатальджинским высотам у Босфора), что в корне противоречило геополитическим интересам России на Черном море [4, с. 147–152]. Однако дипломатическое давление оказалось кратковременным – вскоре болгары отступили от Константинополя. Одновременно с этим Австро-Венгрия потребовала, чтобы Сербия покинула занятую территорию вдоль Адриатического побережья. Вильгельм II побуждал Австро-Венгрию действовать решительно, пообещав поддержку австрийским войскам в грядущей войне с Сербией [5, с. 155–165]. В связи с угрозой военного вторжения на территорию Сербии, со стороны Австро-Венгрии по совету России сербские войска покинули побережье Адриатического моря.

Боевые действия были приостановлены на короткое время, но младотурки, снова пришедшие к власти в январе 1913 г., решили взять реванш на Балканах. Итогом наступательной операции турецких сил в 1913 г. явился полный разгром их войск. Балканские страны снова оказались в ситуации, когда могли диктовать свою волю Турции и продолжать захватывать ее территории, однако благодаря усиленному давлению российского и английского правительств страны Балканской Антанты все же вступили в мирные переговоры со своим противником.

Мирные переговоры между Балканским блоком и их противником начались в британской столице еще в декабре 1912 г., однако Турция в то время не ставила перед собой целью подписание мира, напротив, она демонстрировала свою готовность продолжать войну [6, с. 241–255]. Порта не согласилась признавать свои территориальные потери, вследствие чего переговоры были приостановлены. Правительства великих держав стремились ускорить этот процесс, вследствие чего направили в Османскую империю совместное обращение, в котором призвали Турцию возобновить мирные переговоры. Они обязались оказать содействие Турции в ее послевоенном восстановлении в обмен на то, что она подпишет мирный договор. Но внезапно власть в Турции вновь перешла к младотуркам, это означало, что военные действия непременно возобновятся, а подписание договора откладывается на неопределенный срок. После ряда поражений турецкой армии, последовавшей сдачей Шкодера, 30 мая 1913 г. Турция всё же подписала мирный договор, согласно которому странам-победительницам (Сербия, Черногория, Болгария и Греция) была передана почти вся европейская территория Турции, за исключением Константинополя и прилегающей к нему области, а также острова Крит и островов Эгейского моря. В рамках этого договора Турция также признала независимость Албании.

Однако вечный мир не состоялся, возникшие споры по территориальным вопросам привели ко Второй Балканской войне, теперь уже между странами-победительницами, бывшими союзницами. Камнем преткновения стали македонские земли, вопрос о которых не был урегулирован между балканскими союзницами по результату мирного договора [7, с. 102–112]. Сербия выдвинула свои притязания на территории Македонии на том основании, что они были заняты сербскими солдатами во время войны, а также по причине отсутствия у Сербии выхода к Адриатическому морю. Болгария, которая также претендовала на эти земли, не желала соглашаться с запросами сербского премьер-министра.

Несмотря на попытку российского императора решить назревающий конфликт мирным путем, созвав конференцию в Санкт-Петербурге, в конце июня 1913 г. по настоянию Австро-Венгрии и Германии, которые обещали ей свою поддержку, Болгария атаковала греко-сербские войска, однако в конечном счёте потерпела сокрушительное поражение [8, с. 130–160]. В июле 1913 г. Румыния напала на Болгарию – румынские войска заняли Добруджу и двинулись к столице Болгарии Софии. Одновременно с этим, воспользовавшись ситуацией, с юга на Болгарию обрушилась Турция.

Летом 1913 г. при посредничестве Российской империи всё же были запущены мирные переговоры, которые закончились в августе подписанием мирного договора между Грецией, Сербией и Румынией, с одной стороны, и Болгарией – с другой. Договор содержал в себе следующие положения: Адрианополь с прилегающей территорией возвращался Османской империи, Салоники с прилегающей территорией и частью Македонии отходили Греции, Сербия получала другую часть Македонии, Румыния получала часть болгарской территории – Добруджу.

Балканские войны стали самым значимым событием многовековой борьбы народов Юго-Восточной Европы против турецкого господства, а также прологом к началу Первой мировой войны [9, с. 70–92]. По окончании первой и второй Балканских войн будущие участницы двух противоборствующих блоков – Тройственного союза и Антанты – вступили на путь активного поиска союзников на Балканском полуострове. В преддверии Первой мировой войны такая дипломатическая стратегия казалась особенно важной. Страны Антанты выразили поддержку Румынии, Сербии, Греции и Черногории, а Тройственный союз вовлек в свою орбиту Турцию и Болгарию. Опасность представляло обострение отношений между Австро-Венгрией, поддерживаемой Германией, и Сербией, поддерживаемой Россией. Таким образом была заложена основа предстоящей Первой мировой войны.

Список источников

1. Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991. 344 с.
2. Галкин И.С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М.: МГУ, 1960. 266 с.
3. Жогов П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912–1913 гг. М.: Наука, 1969. 392 с.
4. Задохин А., Низовский А. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. 416 с.
5. Завич А.И. Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М.: Учпедгиз, 1962. 144 с.
6. Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914 гг. М.: ИРИ РАН, 2007. 409 с.
7. Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М.: Старый сад, 1998. 465 с.
8. Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 г. – июль 1913 г.). СПб.: Военная тип. императрицы Екатерины Великой, 1914. 258 с.
9. Сазонов С. Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. 400 с.

References

1. Buchanan D. *Memoirs of a diplomat*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1991. 344 p. (In Russ.).
2. Galkin I.S. *Diplomacy of the European powers in connection with the liberation movement of the peoples of European Turkey in 1905-1912*. Moscow: Moscow State University Press; 1960. 266 p. (In Russ.).

3. Zhogov P.V. *Diplomacy of Germany and Austria-Hungary and the First Balkan War of 1912-1913*. Moscow: Nauka Publ.; 1969. 392 p. (In Russ.).
4. Zadokhin A., Nizovsky A. *The black powder cellar of Europe*. Moscow: Veche Publ.; 2000. 416 p. (In Russ.).
5. Zvavich A.I. *Aggravation of contradictions between imperialist powers on the eve of the First World War*. Moscow: Uchpedgiz Publ.; 1962. 144 p. (In Russ.).
6. Kostrikova E.G. *Russian society and foreign policy on the eve of the First World War 1908-1914*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Press; 2007. 409 p. (In Russ.).
7. Martynova M. Yu. *The Balkan crisis: peoples and politics*. Moscow: Staryi sad Publ.; 1998. 465 p. (In Russ.).
8. *Collection of diplomatic documents concerning the events on the Balkan Peninsula (Aug. 1912 - July 1913)*. St. Petersburg: The Military Printing House of Empress Catherine the Great; 1914. 258 p. (In Russ.).
9. Sazonov S. D. *Memoirs*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1991. 400 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A.A. Кудрявцева – магистрант, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

A.A. Kudryavtseva – Master Student, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 25.05.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 25.05.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья

УДК 930

doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-97-102

ЭКСКУРСИОННАЯ РАБОТА В СИСТЕМЕ КЛАССИЧЕСКИХ ГИМНАЗИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ АСТРАХАНСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ В НАЧАЛЕ XX В.)

Анатолий Сергеевич Петров

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия
bayern1993@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается малоизученный процесс организации обучения и учебного плана в Астраханской мужской гимназии через знакомство с профессиональными навыками, представлениями о родном крае и стране посредством организации экскурсионной работы в начале XX в. Исследование основано на опубликованных работах и архивных источниках, ранее не введённых в научный оборот. Актуальность обусловлена тем, что для реализации новых образовательных реформ необходимо брать на вооружение опыт предыдущих поколений, столкнувшихся со многими проблемами в данной области. Выявляются общие и различные черты в особенностях проведения экскурсий для учащихся Астраханской мужской гимназии. Реализуя свои планы, руководство гимназии использовало историко-краеведческие и производственные экскурсии. При этом предпочтение отдавалось производственному направлению. Целью подобных мероприятий было формирование чувства патриотизма и представлений о востребованности определенных профессий на Астраханском рынке рабочей силы в начале XX в. Для организации этих мероприятий привлекались лица, непосредственно вовлеченные в производство.

Ключевые слова: Астрахань, XX в., Астраханская мужская гимназия, экскурсия, учебный план, патриотизм, профессиональные навыки, выпускники, преподаватели, музей, производство

Для цитирования: Петров А.С. Экскурсионная работа в системе классических гимназий (по материалам Астраханской мужской гимназии в начале XX в.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 97–102.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

EXCURSION WORK IN THE SYSTEM OF CLASSICAL GYMNASIUMS (BASED ON THE MATERIALS OF THE ASTRAKHAN MALE GYMNASIUM AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY)

Anatoly S. Petrov

Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
bayern1993@inbox.ru

Abstract. The presented work examines the little-studied process of organizing training and curriculum in the Astrakhan male gymnasium through the formation of professional skills, ideas about the native land and country through the method of excursion work at the beginning of the 20th century. The study is based on published research and archival sources not previously introduced into scientific circulation. The relevance of the study is due to the fact that in the context of the implementation of new educational reforms, it is necessary to look at the experience of previous generations already facing many problems in this area. The purpose of this study is to identify common and different features in the method of conducting excursions for students of the Astrakhan male gymnasium. Realizing their plans, the management of the gymnasium used historical and local history and industrial excursions. At the same time, preference was given to the production direction. The purpose of such events, the author noted, was to form a sense of patriotism and ideas about the de-

© Петров А.С., 2023

mand for certain professions in the Astrakhan labor market at the beginning of the 20th century. Persons directly involved in production were involved in organizing these events.

Keywords: Astrakhan, 20th century, Astrakhan male gymnasium, excursion, curriculum, patriotism, professional skills, graduates, teachers, museum, production

For citation: Petrov A.S. Excursion Work in the System of Classical Gymnasiums (Based on the Materials of the Astrakhan Male Gymnasium at the Beginning of the 20th Century). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):97-102. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Становление классического образования мужских гимназий в Астраханской губернии начинается с издания «Устава учебных заведений, подведомых университетам» 1804 г. Данный документ, определяющий новые принципы в российском образовании – всеобщность школы и преемственность всех ее ступеней, создавал на месте прежних главных и малых народных училищ три новых типа учебных заведений: гимназии, уездные и приходские училища [1, с. 35].

В 1806 г. выходит распоряжение попечителя Казанского учебного округа, по которому народное училище, открытое в Астрахани в 1788 г., приобретает статус гимназии. В этом же году и состоялось ее открытие [2, с. 24].

За длительный этап своего существования гимназия пережила множество изменений: управленческих, структурных, педагогических. Из стен гимназии вышло немало выдающихся выпускников, вписавших свое имя в отечественную историю.

При составлении учебного плана на каждый год руководство гимназии сталкивалось с трудностями, обуславливающими положение далекой провинциальной гимназии [3, л. 3]. Нехватка кадров, финансирования, особенности семей учащихся оказывали свое влияние [4, л. 1]. Несмотря на довольно значительное количество проживающих в Астрахани тогда купцов и мещан, большинство учащихся были выходцами из дворянского сословия или детьми чиновников, которые хотели бы продолжать свое обучение в университете. Однако, несмотря на все это, образовательный процесс шел своим чередом.

Поведение учащихся, по свидетельствам современников, на первых этапах было далеко не идеальным. Да и учителя часто бывали замечены в пьянстве, за что и лишались работы [5, л. 1]. Но изменения в методике преподавания, в первую очередь обусловленные реформами образования в XIX – начале XX в., изменили эту картину.

В курс обучения входили новые дисциплины, изучались такие языки, как татарский, персидский, греческий, латинский, немецкий и французский [6, л. 2]. С 1819 г. обязательным стало преподавание богословия [7, л. 1]. Уделялось внимание физическому и эстетическому воспитанию. Но немаловажным было и формирование чувства патриотизма – любви к родине как большой, так и малой. Для этого необходимо личное знакомство с необъятной страной и своим краем: с его улицами, памятниками, достопримечательностями.

Преподаватели Астраханской гимназии в своей работе пользовались различными методами. Чаще всего это были прогулки и экскурсии. В начале XX в. такой педагогический метод уже был важным воспитательным и образовательным средством в обиходе школьной жизни.

Актуальность исследования объясняется тем, что сегодня государством поставлены новые цели в рамках образовательной реформы. Современные требования к подходу, методам и результатам школьного образования, отраженные в новом Федеральном государственном образовательном стандарте 2020 г., отводят важнейшую роль в духовно-нравственном воспитании именно школе.

Опыт предшествующих поколений по выполнению схожих требований в системе просвещения Российской империи на примере истории Астраханской мужской гимназии служит ориентиром в данной работе. Цель нашего исследования – выявление общих и различных черт в особенностях проведения экскурсий для учащихся Астраханской мужской гимназии.

В конце 1901 г. директор гимназии С.А. Богатырев, сменивший на этом посту В. Н. Смольянинова, который руководил учреждением с 1897 г., основываясь на опыте экскурсий по России, которые совершили многие педагоги и лично он, предложил членам Педагогического совета

организовать ряд экскурсий и прогулок в Астрахани и ее окрестностях, а также по России. Предложение было одобрено [8, с. 458]. Его предшественник за время своего пребывания в должности директора поддерживал научную жизнь гимназии, заботливо относился к физическому и духовно-нравственному развитию учащихся – он проводил прогулки по Волге и окрестностям Астрахани. По его распоряжению была организована «дачная колония» для учащихся, которые из-за финансового состояния семей не имели возможность выбраться из города. Смольянинов являлся действительным членом Астраханского губернского статистического комитета, председателем комитета Астраханской общественной библиотеки, действительным членом общества классической филологии и педагогики [8, с. 443].

19 марта 1901 г., согласно прошению, он был назначен директором Московской шести-классной прогимназии. До вступления в должность нового директора обязанности исполнял инспектор Е.В. Воздвиженский [8, с. 443].

9 сентября 1901 г. С.А. Богатырев вступил в должность директора Астраханской мужской гимназии. Карьерный путь он начинал преподавателем в Самарском реальном училище и Самарской женской гимназии. Его педагогическая деятельность сочеталась с деятельностью чиновника. Только в Астрахани он с 1903 г. был председателем педагогического совета женской гимназии, с 1904 г. – директором Астраханского тюремного комитета, а с 1905 г. – почетным мировым судьей Астраханского городского округа [8, с. 444].

Он уделял особое внимание подготовке к учебному процессу, требуя того же от своих подчиненных. Прорабатывая учебные планы, уроки, классные и внеклассные мероприятия, он отмечал высокую воспитательную задачу гимназии. С подобным подходом готовились все экскурсии для учащихся Астраханской мужской гимназии.

Формирование любви к малой родине у подрастающего поколения посредством знакомства его с местными достопримечательностями не только устраняет пробелы в знаниях, но и помогает в дальнейшем профессиональном определении учащихся.

Будущие кадры для Астраханского региона, выходявшие из стен мужской гимназии, знакомились с особенностями производства в различных областях промышленности. Они узнавали тонкости работы на основных астраханских предприятиях.

В зависимости от целей организовывались различные типы экскурсий по Астрахани и ее окрестностям. Б. В. Емельянов, рассматривая вид тематических экскурсий, делит их на литературные, архитектурно-градостроительные, исторические, производственные, а каждый из которых, в свою очередь, имеет свои подтипы [9, с. 12].

Первый представленный вид – историко-краеведческие. В январе 1902 г. под руководством учителя истории В. А. Докучаева учащиеся 8-го класса посетили «домик Петра Великого». Здесь они познакомились с «...остатками времени пребывания Петра в Астрахани» [10, с. 140]. Участники экскурсии отмечали, что самым ценным экспонатом для них была Плезир-яхта, построенная в 1722 г., на которой Петр объезжал окрестности города. Позднее эта экскурсия повторилась с учащимися 3-го класса.

23 марта 1902 г. под руководством преподавателей С. С. Краснодубровского и С. А. Царевского была проведена экскурсия для учащихся подготовительного и 1-го класса в Астраханский кремль «...для осмотра кремлевских соборов, стен и башен» [10, с. 158]. В мае того же года под руководством А. М. Внукова, П. П. Алексева и С.А. Никольского похожая экскурсия была проведена для учащихся 4–6-х классов.

Знакомство с материальной историей края на местности у учащихся Астраханской мужской гимназии произошло в сентябре 1902 г. на остатках города Хаджи-Тархан – Шаренном Бугре. Ученикам «...посчастливилось найти несколько старинных глиняных сосудов, почти в целом виде, массу осколков посуды с рисунками, несколько человеческих черепов» [10, с. 189].

В октябре 1902 г. учащиеся с 3-го по 8-й класс под руководством все того же В. А. Докучаева знакомились с «...экспонатами для калмыцкого отдела при устраиваемой в Санкт-Петербурге международной выставке исторических костюмов» [10, с. 174]. Экспозиция была представлена в здании Управления государственных имуществ. Ученики познакомились с образцами вооружения 1812 г., убранством калмыцкой кибитки, предметами быта.

В ноябре 1903 г. директор гимназии С. А. Богатырев отправился на экскурсию с учениками 8-го класса в Петровский музей [10, с. 160]. Основным источником знаний о родном крае для учащихся послужила обширная коллекция музея, представленная в следующих отделах: археологическом, этнографическом, зоологическом, ботаническом, палеонтологическом, минералогическом, соляном, рыбопромышленном, сельскохозяйственном, педагогическом. Проводил экскурсию хранитель музея П. М. Новиков. В последующие годы практика посещения музея продолжилась.

Историко-краеведческие экскурсии включили в себя и посещения религиозных мест. Так, в декабре 1904 г. ученики 6-го класса под руководством преподавателя П. Н. Новикова и ключаря В. В. Карасева посетили ризницу Астраханского кафедрального собора и Успенский собор [10, с. 163].

Второй тип экскурсий, которые проводились для учеников Астраханской мужской гимназии, был производственный. Каждая из них включала в себя не только знакомство с предприятием, но и погружение в особенности экономических и технических составляющих. Некоторые ученики лично смогли попробовать себя в роли рыбака или служащего трамвайного депо. Объем подобных экскурсий в рамках города явно превышал остальные.

История астраханского трамвая, начавшаяся в 1900 г., повлекла за собой и череду ознакомительных мероприятий. Так, в 1902 г. ученики 8-го класса с классным наставником В. А. Докучаевым и учителем физики А. И. Расторгуевым посетили электрическую станцию Общества астраханских трамваев. Здесь они увидели устройство паровых машин, динамо-машины системы Сименса и Гальске, распределительной доски, по которой «...можно видеть распределение электрической энергии во всякий данный момент» [10, с. 138].

В феврале 1902 г. для учеников Астраханской мужской гимназии была организована экскурсия в бактериологическую лабораторию, находившуюся при больнице Приказа общественного призрения. Сопровождал их инспектор П. Н. Муратовский [10, с. 142]. Открытая в 1901 г. по инициативе Общества астраханских врачей лаборатория тесно связана с Астраханской мужской гимназией. Выпускник гимназии И. А. Деминский в 1883 г. продолжил обучение на медицинском факультете Казанского университета и в 1889 г. вернулся в Астрахань [11, с. 67]. В период с 1891 до 1907 г. он работал врачом на соляных промыслах на Баскунчаке. Его научные интересы составляли инфекционные заболевания. С 1909 г. являлся заведующим противочумной лабораторией. В Астрахани в 1910 г. проходил съезд участников по противочумным мероприятиям юго-востока России, на котором И. А. Деминский выступил с двумя докладами: «Чума в Астраханской губернии за 10 лет (1899–1909 гг.)» и «Карбоново-скипидарные растворы как вспомогательное средство борьбы с чумой». Его мысль о необходимости систематического изучения чумы в Астраханском крае особым персоналом в мирное время предвосхитила организацию современной противочумной системы [11, с. 68].

27 ноября 1902 г. с разрешения управляющего акцизными сборами Астраханской губернии учащиеся посетили Астраханский казенный винный склад [10, с. 143]. Заведующий складом и его помощник показали им артезианский колодец глубиной 180 саженей, рассказали о способах бурения. После шло знакомство с производством – учащиеся увидели бочки для хранения спирта, процесс перегонки, систему фильтрации с помощью древесного угля. В лаборатории они узнали сведения о химическом анализе спирта, увидели процесс розлива готовой продукции по бутылкам.

В этот же день была организована экскурсия для учеников 5-го класса в типографию, где печаталась газета «Астраханский вестник». Заведующий типографией М. Б. Богомолов посвятил их в особенности устройства печатного дела [10, с. 147].

Большой экскурсионный день для учащихся 4-го класса начался с посещения Ихтиологического музея Управления рыбными и тюленьими промыслами. Помимо большого количества чучел, они познакомились с историей рыболовства, его орудиями и судами [10, с. 148].

Для учащихся 6-го класса была подготовлена экскурсия на чугунно-литейный завод г. Крассавина. Под руководством классного наставника П. П. Алексева они познакомились с полным процессом изготовления изделий из чугуна. В помещении для изготовления форм располагались столярные станки, на которых они вытачивались. Отмечалось, что к изготовлению форм

допускались люди, не имеющие специального образования, но обладающие опытом и знанием моделирования по рисунку [1, с. 150].

Продолжая знакомить учащихся Астраханской мужской гимназии с производственным сектором, руководство организовало им экскурсию на епархиальный свечной завод, где они узнали о двух способах приготовления свечей: тягивальной и обливной. Основой для свечей служил персидский и африканский воск [12, 13].

Стоит отметить, что для знакомства с природой Астраханского края учащимся были организованы несколько экскурсий и прогулок.

Основываясь на проведенном анализе экскурсионной работы в Астраханской мужской гимназии, можно сделать вывод, что основными типами экскурсий были историко-краеведческие и производственные. Явная цель этих мероприятий – знакомство с особенностями производственного сектора Астрахани и культурным наследием региона, для дальнейшего профессионального определения учащихся и формирования чувства патриотизма. Проведенная работа руководством и преподавателями гимназии свидетельствует о том, что у учащихся сформировалось целостное представление об Астраханском крае. Воспоминания и описания, составленные участниками экскурсий, указывают нам на высокий уровень осведомленности своего дела экскурсоводами, в числе которых были непосредственные руководители предприятий и музеев. Стоит отметить и дисциплину учащихся, на которую указывается в воспоминаниях участников. Не было замечено ни одного нарушения.

Очевидно и то, что при организации мероприятий не уделялось такого большого внимания безопасности, как в современной школе, что обусловлено процессами глобализации и информатизации нашего общества.

Духовно-нравственное воспитание современных учащихся среднеобразовательных учреждений должно включать в себя обязательные экскурсионные программы. Учащиеся Астраханской мужской гимназии в начале XX в. имели возможность познакомиться не только со своим родным краем, но и со всей страной. Поэтому для нас необходимо проводить схожую работу в современных условиях.

Список источников

1. Устав учебных заведений, подведомых университетам. СПб., 1804. 76 с.
2. Кирокосьян М.А. Очерки истории школьного образования в Астрахани. Астрахань, 2009. 170 с.
3. ГААО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 8.
4. ГААО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 7.
5. ГААО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3.
6. ГААО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 2.
7. ГААО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4.
8. Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год. Астрахань, 1914. 846 с.
9. Емельянов Б. В. Экскурсоведение. М.: Советский спорт, 2000. 216 с.
10. Богатырев С. А. Материалы по воспитанию и обучению. Вып. 1: Экскурсии учеников Астраханской гимназии в 1902, 1903 и 1904 гг. Астрахань: Тип. В. Л. Егорова, 1905. 220 с.
11. Левина Т. А., Захарова В. С., Гречко В. И. Жизнь замечательных врачей. Астрахань: Март, 2010. Т. 1. 70 с.
12. Казанский Н. Народное образование в Астраханской губернии // Русская мысль. М., 1898. Вып. 6. 120 с.
13. Лопатин Н.А. Материалы для истории просвещения Астраханского края // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань, 1875. Вып. 4. 156 с.

References

1. *Charter of educational institutions subordinated to universities*. St. Petersburg, 1804. 76 p. (In Russ.).
2. Kirokosyan M.A. *Essays on the history of school education in Astrakhan*. Astrakhan, 2009. 170 p. (In Russ.).
3. *State Archive of Astrakhan Region (SAAR)*. Fund 968. In. 1. File 8. (In Russ.).
4. *SAAR*. Fund 968. In. 1. File 7. (In Russ.).

5. SAAR. Fund 968. In. 1. File 3. (In Russ.).
6. SAAR. Fund 968. In. 1. File 2. (In Russ.).
7. SAAR. Fund 968. In. 1. File 4. (In Russ.).
8. Ostroumov T. *Historical sketch of the Astrakhan 1st male gymnasium during the period from 1806 to 1914*. Astrakhan, 1914. 846 p. (In Russ.).
9. Emelyanov B.V. *Tour guide*. Moscow: Sovetskii sport Publ.; 2000. 216 p. (In Russ.).
10. Bogatyrev S. A. *Materials for education and training. Issue 1: Excursions of students of the Astrakhan gymnasium in 1902, 1903 and 1904*. Astrakhan: V. L. Egorov Publishing House; 1905. 220 p. (In Russ.).
11. Levina T. A., Zakharova V. S., Grechko V. I. *Life of wonderful doctors*. Astrakhan: Mart Publ.; 2010. Vol. 1. 70 p. (In Russ.).
12. Kazansky N. Public education in the Astrakhan province. *Russkaya mysl' = Russian Thought*. Moscow, 1898;(6):120. (In Russ.).
13. Lopatin N.A. Materials for the history of education of the Astrakhan region. *Proceedings of the Astrakhan provincial statistical committee*. Astrakhan, 1875. Issue 4. 156 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A.C. Петров – аспирант, кафедры истории России.

Information about the author

A.S. Petrov – Postgraduate Student, Department of Russian History.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 09.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 09.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.18522/2687-0770-2023-103-109

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ (2019–2022 гг.)

Дмитрий Игоревич Узнародов

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
uzn-dmitrij@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются социально-экономические процессы в Республике Крым в 2019–2022 гг. На основе методики, разработанной учеными Д.Ю. Землянским, Л.В. Калиновским, А.Г. Махровой, Д.М. Медведниковой, В.А. Чуженьковой и используемой для определения комплексного индекса социально-экономического развития городов России, был рассчитан индекс социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым. В результате проведенных расчетов муниципальные образования Крыма были разбиты на шесть групп в зависимости от уровня социально-экономического развития: муниципальные образования с максимальным, высоким, повышенным, средним, низким и минимальным уровнем социально-экономического развития. Муниципальные образования с минимальным уровнем социально-экономического развития находятся в северной части Крымского полуострова (Джанкойский и Краснопереконский районы), а с низким – преимущественно в восточной части. В свою очередь, наибольшее количество муниципальных образований с максимальным, высоким и повышенным уровнем социально-экономического развития зафиксировано в южной части Крыма. Большинство районов центральной части Крыма имеют средний уровень социально-экономического развития.

Ключевые слова: Республика Крым, экономика, социально-экономическое развитие, уровень жизни

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100349-6.

Для цитирования: Узнародов Д.И. Анализ показателей социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым (2019–2022 гг.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 103–109.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ANALYSIS OF INDICATORS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES OF THE REPUBLIC OF CRIMEA (2019-2022)

Dmitry I. Uznarodov

Federal Research Center Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
uzn-dmitrij@yandex.ru

Abstract. The article considers the socio-economic processes in the Republic of Crimea in 2019-2022. Based on the methodology developed by scientists D.Yu. Zemlyansky, L.V. Kalinovskiy, A.G. Makhrova, D.M. Medvednikova, V.A. Chuzhenkova and used to determine the complex index of socio-economic development of Russian cities, the index of socio-economic development of municipalities of the Republic of Crimea was calculated. As a result of the calculations, the municipalities of the Crimea were divided into six groups, depending on the level of socio-economic development: municipalities with maximum, high, increased, medium, low and minimal levels of socio-economic development. It is concluded that municipalities with the lowest level of socio-economic development are located in the northern part of the Crimean peninsula (Dzhankoy and Krasnoperekopsky districts), and with a low, mainly in the eastern part. In turn, the largest number of municipalities with maximum, high and increased level of socio-economic development is recorded in the southern part of Crimea. Most areas of the central part of Crimea have a medium level of socio-economic development.

Keywords: Republic of Crimea, economy, socio-economic development, standard of living

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the implementation of the state task of the Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, grant project No. 122020100349-6.

For citation: Uznarodov D.I. Analysis of Indicators of Socio-Economic Development of Municipalities of the Republic of Crimea (2019-2022). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):103-109. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Актуальность исследования. После воссоединения Крыма с Российской Федерацией в 2014 г. актуализировался ряд вопросов, связанных с поиском максимально эффективной модели интеграции нового региона в состав страны. Это касается абсолютно всех сфер жизни общества, от культуры и спорта до политики и экономики. Вопросы экономической интеграции полуострова стоят особенно остро, поскольку, учитывая его полиэтничный состав, любые социально-экономические кризисы могут мгновенно стать импульсами к дестабилизации межэтнической ситуации, в частности это в значительной степени касается районов с большой долей крымско-татарского и украинского населения, где далеко не всегда были позитивно восприняты события марта 2014 г.

Предмет исследования – социально-экономическое развитие муниципальных образований Республики Крым в период с 2019 по 2022 г.

Цель исследования состоит в определении индекса социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым, последующем зонировании ее территории по этому показателю, выявлении муниципальных образований с наиболее и наименее высоким уровнем социально-экономического развития.

Степень разработанности проблемы. В современном научном дискурсе существует значительное количество исследований, посвященных социально-экономическим процессам Крымского полуострова. В частности, эту тему разрабатывали такие ученые, как Л.В. Боровская [1, 2], Л.М. Борщ и С.В. Герасимова [3], Т.А. Тарасова [4], В.В. Узунов, В.А. Чигрин, Е.Г. Городецкая, В.А. Захарова, О.Ю. Узунова [5], Е.Е. Машьянова, Е.А. Смирнова [6], А.Б. Швец [7], Е.И. Пискун, В.В. Кудревич [8]. Но ряд вопросов нуждается в дополнительном изучении. Например, это касается такого аспекта, как разработка инструментария количественного определения уровня социально-экономического развития муниципальных образований современного Крыма.

Методология исследования. Инструментарий исследования составили методы статистического анализа, в частности применялись сводка и группировка полученных статистических данных, а также их корреляционный анализ.

На основе методики, разработанной учеными Д.Ю. Землянским, Л.В. Калиновским, А.Г. Махровой, Д.М. Медведниковой, В.А. Чуженьковой [9] и используемой для определения комплексного индекса социально-экономического развития городов России, проведен расчет индекса социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым. За основу взяты пять показателей, которые были включены в состав трех расчетных субиндексов: особенности экономического климата (объем налоговых и неналоговых поступлений на

душу населения, руб./чел.; внебюджетные инвестиции в основной капитал в расчете на 1 человека, тыс. руб.); качество человеческого развития (отношение средней заработной платы работников организаций к прожиточному минимуму в субъекте Российской Федерации, раз); степень развитости социальной инфраструктуры (обеспеченность населения врачами, чел. на 10 тыс. жителей; количество больничных коек на 10 тыс. населения, ед.).

В начале исследования была сформирована база данных для всех показателей социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым. Данные для расчета первых двух субиндексов (особенности экономического климата и качество человеческого развития) были взяты из ежегодных сборников по мониторингу социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым в период с 2019 по 2022 г. [10–13], а данные для расчета третьего субиндекса (степень развитости социальной инфраструктуры) – из паспортов социально-экономического развития, размещаемых на официальных сайтах муниципальных образований. Затем была проведена процедура нормирования для перевода показателей в безразмерные величины, значения которых могут варьироваться в пределах от 0 до 1. Полученные индексы имеют позитивный характер (чем больше значение индекса, тем более благоприятная социально-экономическая ситуация).

В процессе расчета индекса применялись два способа нормирования. Для показателей, имеющих распределение, близкое к нормальному, нормирование производилось путем линейного масштабирования. Здесь формула расчета выглядит следующим образом:

$$X = \frac{X_i - X_{min}}{X_{max} - X_{min}},$$

где X_i – значение показателя в i -м муниципальном образовании.

Данный метод применялся к таким показателям, как объем налоговых и неналоговых поступлений на душу населения, руб./чел.; отношение средней заработной платы работников организаций к прожиточному минимуму в субъекте Российской Федерации, раз; обеспеченность населения врачами, чел. на 10 тыс. жителей; количество больничных коек на 10 тыс. населения, ед.

Для такого показателя, как внебюджетные инвестиции в основной капитал в расчете на 1 человека, тыс. руб., где разница в значениях достигает 50 и более раз, расчеты проводились через процедуру нормирования с использованием логарифмирования.

$$X = \frac{\ln(X_i) - \ln(X_{min})}{\ln(X_{max}) - \ln(X_{min})},$$

где X_i – значение показателя в i -м муниципальном образовании.

Интегрирование показателей по категориям осуществлялось с расчетом среднего арифметического значения по нормированным показателям без введения весовых коэффициентов. В свою очередь, расчет итогового значения индекса социально-экономического развития производился через среднее арифметическое значение между субиндексами по категориям.

Результаты исследования. После проведенных расчетов мы получили следующие данные, отраженные в табл. 1.

Как показывает проведенный анализ, 44 % муниципальных образований с минимальными и низкими значениями индекса социально-экономического развития находятся в северной части Крымского полуострова (Краснопереконский, Джанкойский, Первомайский и Раздольненский районы), что составляет 57 % от общего числа муниципальных образований этой части Крыма. Минимальный показатель индекса фиксируется в двух муниципальных образованиях севера Крыма – Джанкойском и Краснопереконском. Следует отметить, что еще в двух муниципальных образованиях севера Крыма (городские округа Армянск и Краснопереконск) наблюдается повышенный и высокий уровень социально-экономического развития, а еще в одном (городской округ Джанкой) – средний.

Половина из муниципальных образований с низким уровнем социально-экономического развития находится в восточной части республики. К ним относятся Нижнегорский, Советский и Ленинский районы.

Согласно результатам проведенных расчетов, все города республиканского значения (городские округа) Крыма, за исключением городского округа Джанкой, имеют максимальный, высокий, либо повышенный уровень социально-экономического развития, что говорит о значитель-

но более высоком уровне жизни населения в городах, независимо от территориального расположения в какой-либо части полуострова.

Таблица 1

Индекс социально-экономического развития Республики Крым. Муниципальные образования / Index of socio-economic development of the Republic of Crimea. Municipalities

Муниципальные образования	Индекс социально-экономического развития	Уровень социально-экономического развития
Ялта	0,81	Максимальный
Симферополь	0,78	
Черноморский район	0,64	Высокий
Алушта	0,56	
Краснопереконск	0,55	
Судак	0,55	
Феодосия	0,50	
Армянск	0,49	Повышенный
Евпатория	0,48	
Керчь	0,48	
Саки	0,48	
Джанкой	0,43	
Кировский район	0,42	Средний
Бахчисарайский район	0,41	
Красногвардейский район	0,39	
Симферопольский район	0,38	
Нижнегорский район	0,32	
Ленинский район	0,31	Низкий
Белогорский район	0,31	
Раздольненский район	0,30	
Сакский район	0,29	
Первомайский район	0,29	
Советский район	0,28	
Джанкойский район	0,13	
Краснопереконский район	0,10	Минимальный

Кроме того, согласно результатам исследования, во всех муниципальных образованиях юга Крыма, за исключением Бахчисарайского района, также фиксируется максимальный, высокий, либо повышенный уровень социально-экономического развития. В Бахчисарайском районе наблюдается средний уровень.

Что касается муниципальных образований центральной части Крыма, то половина из них имеет средний уровень социально-экономического развития (Симферопольский и Красногвардейский районы). Еще два муниципальных образования имеют низкий (Белогорский район) и максимальный (городской округ Симферополь) уровень.

В муниципальных образованиях запада Крыма, за исключением Сакского района, фиксируется повышенный (городские округа Евпатория и Саки) либо высокий (Черноморский район) уровень социально-экономического развития.

Более подробно данные об уровне социально-экономического развития Республики Крым по географическому расположению муниципальных образований отражены в табл. 2.

Таблица 2

Уровень социально-экономического развития Республики Крым по географическому расположению муниципальных образований / The level of socio-economic development of the Republic of Crimea by geographical location of municipalities

Место расположения	Уровень социально-экономического развития (% от общего количества муниципальных образований в определенной части Крыма)					
	Максимальный	Высокий	Повышенный	Средний	Низкий	Минимальный
Север Крыма	0	14,29	14,29	14,29	28,57	28,57
Юг Крыма	20	40	20	20	0	0
Центр Крыма	25	0	0	50	25	0
Запад Крыма	0	25	50	0	25	0
Восток Крыма	0	0	20	20	60	0

Выводы

Итак, следует отметить, что минимальный и низкий уровень социально-экономического развития фиксируется в муниципальных образованиях северной и восточной части Крыма, а максимальный и высокий – в южной части, в центральной части Крыма преобладает средний уровень. Муниципальные образования с повышенным уровнем социально-экономического развития располагаются преимущественно в западной части Крымского полуострова. Кроме того, проведенные расчеты показывают, что в городских округах Крыма уровень социально-экономического развития выше, чем в муниципальных районах. Ни в одном из них не зафиксирован максимальный, повышенный и высокий уровень социально-экономического развития, за исключением Черноморского района.

Список источников

1. *Боровская Л.В.* Перспективные направления социально-экономического развития Республики Крым // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. № 3. С. 62–67.
2. *Боровская Л.В.* Сравнительный анализ результатов социально-экономического развития Республики Крым на основе метода аналогий // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Экономика и управление. 2019. № 3. С. 51–58.
3. *Борщ Л.М., Герасимова С.В.* Анализ эффективности региональной бюджетной политики // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Экономика. 2021. № 1. С. 87–101.
4. *Тарасова Т.А.* Современные тенденции модернизации регионального потребительского рынка // Экономика и предпринимательство. 2022. № 11. С. 641–653.
5. *Узунов В.В., Чигрин В.А., Городецкая Е.Г., Захарова В.А., Узунова О.Ю.* Социально-политическое и социально-экономическое пространство Республики Крым: риски и перспективы развития // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 425–443.
6. *Машьянова Е.Е., Смирнова Е.А.* Анализ социально-экономического развития Республики Крым // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 3. С. 206–215.
7. *Швец А.Б.* Риски интеграции Крыма в экономическое пространство Юга России // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. № 2. С. 15–27.
8. *Пискун Е.И., Кудревич В.В.* Детерминанты социально-экономического развития Республики Крым: теория и практика // Современный менеджмент: проблемы и перспективы : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 7–8 апреля 2016 г. СПб., 2016. С. 215–221.
9. *Землянский Д.Ю., Калиновский Л.В., Махрова А.Г., Медведникова Д.М., Чуженькова В.А.* Комплексный индекс социально-экономического развития городов России // Изв. РАН. Серия геогр. 2020. № 6. С. 805–818.
10. Мониторинг социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым за 2019 г. Министерство экономического развития Республики Крым. URL: [https:// minek.rk.gov.ru/document/show/648](https://minek.rk.gov.ru/document/show/648) (дата обращения: 21.03.2023).

11. Мониторинг социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым за 2020 г. Министерство экономического развития Республики Крым. URL: [https:// minek.rk.gov.ru/document/show/855](https://minek.rk.gov.ru/document/show/855) (дата обращения: 21.03.2023).

12. Мониторинг социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым за 2021 г. Министерство экономического развития Республики Крым. URL: [https:// minek.rk.gov.ru/document/show/960](https://minek.rk.gov.ru/document/show/960) (дата обращения: 21.03.2023).

13. Мониторинг социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым за 2022 г. Министерство экономического развития Республики Крым. URL: [https:// minek.rk.gov.ru/document/show/1070](https://minek.rk.gov.ru/document/show/1070) (дата обращения: 21.03.2023).

References

1. Borovskaya L.V. Promising directions of socio-economic development of the Republic of Crimea. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management.* 2017;(3):62-67. (In Russ.).

2. Borovskaya L.V. Comparative analysis of the results of socio-economic development of the Republic of Crimea based on the method of analogies. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Proceedings of the Voronezh State University. Series: Economics and Management.* 2019;(3):51-58. (In Russ.).

3. Borshch L.M., Gerasimova S.V. Analysis of the effectiveness of regional budget policy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Journal of Volgograd State University. Economics.* 2021;(1):87-101. (In Russ.).

4. Tarasova T.A. Current trends in the modernization of the regional consumer market. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship.* 2022;(11):641-653. (In Russ.).

5. Uzunov V.V., Chigrin V.A., Gorodetskaya E.G., Zakharova V.A., Uzunova O.Yu. Socio-political and socio-economic space of the Republic of Crimea: risks and prospects of development. *Rossiya reformiruyushchayasya = Reforming Russia.* 2020;(18):425-443. (In Russ.).

6. Mash'yanova E.E., Smirnova E.A. Analysis of socio-economic development of the Republic of Crimea. *Nauchnyi vestnik: finansy, banki, investitsii = Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment.* 2020;(3):206-215. (In Russ.).

7. Shvets A.B. Risks of Crimea's integration into the economic space of Southern Russia. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov = Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions.* 2019;(2):15-27. (In Russ.).

8. Piskun E.I., Kudrevich V.V. Determinants of socio-economic development of the Republic of Crimea: theory and practice. *Modern management: problems and prospects. Proceedings of XI International Scientific and Practical Conference.* St. Petersburg, 2016:215-221. (In Russ.).

9. Zemlyanskii D.Yu., Kalinovskii L.V., Makhrova A.G., Medvednikova D.M., Chuzhen'kova V.A. Comprehensive index of socio-economic development of Russian cities. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya = Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series.* 2020;(6):805-818. (In Russ.).

10. *Monitoring of socio-economic development of municipalities of the Republic of Crimea for 2019.* Ministry of Economic Development of the Republic of Crimea. Available from: <https://minek.rk.gov.ru/document/show/648> [Accessed 21st March 2023]. (In Russ.).

11. *Monitoring of socio-economic development of municipalities of the Republic of Crimea for 2020.* Ministry of Economic Development of the Republic of Crimea. Available from: [https:// minek.rk.gov.ru/document/show/855](https://minek.rk.gov.ru/document/show/855) [Accessed 21st March 2023]. (In Russ.).

12. *Monitoring of socio-economic development of municipalities of the Republic of Crimea for 2021.* Ministry of Economic Development of the Republic of Crimea. Available from: [https:// minek.rk.gov.ru/document/show/960](https://minek.rk.gov.ru/document/show/960) [Accessed 21st March 2023]. (In Russ.).

13. *Monitoring of socio-economic development of municipalities of the Republic of Crimea for 2022.* Ministry of Economic Development of the Republic of Crimea. Available from: <https://minek.rk.gov.ru/document/show/1070> [Accessed 21st March 2023]. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.И. Узнародов – кандидат политических наук, старший научный сотрудник лаборатории социологии.

Information about the author

D.I. Uznarodov – Candidate of Science (Political Science), Senior Researcher at the Sociology Laboratory.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 17.05.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 17.05.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Научная статья
УДК 323.2, 323.3
doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-110-118

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И АНТИРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ЕЁ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Игорь Миронович Узнародов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
iguz2010@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются социально-экономические проблемы современной Великобритании, негативным образом отразившиеся на британской экономике после выхода из состава Европейского союза, попытки обеспечить экономический рост и процветание не дали результатов. На начавшийся экономический спад в стране наложились пандемия коронавируса и современный энергетический кризис. Правительство консерваторов оказалось к этому не готово, а социально-экономические последствия спада больно ударили по благополучию рядовых британцев. Произшел рост цен на энергоносители, продукты питания, жильё, коммунальные услуги. Положение усугубило присоединение Великобритании к антироссийским санкциям после начала СВО на Украине. Следовательно, антироссийская направленность в деятельности британского правительства была не случайной, что подтверждается официальными документами. Показано, что по мере углубления социально-экономических проблем нарастало недовольство граждан падением уровня жизни. Однако свои неудачи консерваторы объясняли российским фактором и необходимостью широкомасштабной помощи нацистскому режиму на Украине. Рассмотрены различные формы социального протеста – от создания движения Don't Pay UK до многочисленных забастовок и демонстраций, организованных британскими профсоюзами.

Ключевые слова: антироссийская политика, Великобритания, консервативное правительство, социально-экономические проблемы, социальные протесты

Для цитирования: Узнародов И.М. Социально-экономические проблемы современной Великобритании и антироссийская политика её правительства // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 110–118.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF CONTEMPORARY BRITAIN AND THE ANTI-RUSSIAN POLICY OF ITS GOVERNMENT

Igor M. Uznarodov

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
iguz2010@yandex.ru

Abstract. The article examines the socio-economic problems of contemporary Britain after leaving European Union, that had a negative impact on the British economy. Attempts to ensure economic growth and prosperity have not given results. The coronavirus pandemic and the present energy crisis have been superimposed on the economic downturn that has begun in the country. The Conservative government was not ready for this, and the socio-economic consequences of the recession hurt the well-being of ordinary Britons. The author draws attention to the rise of prices for energy, food, housing, utilities. The situation was aggravated by the UK's accession to anti-Russian sanctions after the start of the special military operation in Ukraine. The author comes to the conclusion that the anti-Russian orientation in the activities of the British government was not random, what is confirmed by official documents. It is shown that as the socio-economic problems deepened, citizens' dissatisfaction

with the falling standard of living increased. However, the conservatives attributed their failures to the Russian factor and the need for large-scale assistance to the Nazi regime in Ukraine. The article examines various forms of social protest – from the creation of the Don't Pay UK movement to numerous strikes and demonstrations organized by British trade unions.

Keywords: anti-Russian politics, Great Britain, conservative government, socio-economic problems, social protests

For citation: Uznarodov I.M. Socio-Economic Problems of Contemporary Britain and the Anti-Russian Policy of Its Government. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(3):110-118. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Великобритания покинула Европейский союз 31 января 2020 г. Произошло это при консервативном кабинете Б. Джонсона, который сопроводил данное событие заявлением об амбициозных планах проведения внутренних реформ. Казалось, для страны, восстановившей «национальный суверенитет», открывается прекрасное будущее. Но ожиданиям не суждено было сбыться. Социально-экономическая ситуация ухудшилась, а пандемия коронавируса и энергетический кризис усугубили возникшие проблемы. В дальнейшем к этому добавились и отрицательные последствия участия Соединённого Королевства в антироссийских санкциях и военной помощи Украине после начала там специальной военной операции. Результатом такого развития событий стали достаточно масштабные социальные протесты. Нами рассматриваются причины нынешних социально-экономических проблем, а также предпринята попытка анализа социальных последствий антироссийской политики, проводимой британским правительством.

Выход из Евросоюза негативным образом отразился на британской экономике, а попытки обеспечить экономический рост и процветание не дали результатов. Сокращение ВВП стало худшим за всю историю статистических наблюдений – в первом полугодии 2020 г. он упал на 21,9 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Компании-инвесторы приступили к переносу своих офисов на континент. Начала падать конкурентоспособность лондонского Сити – ведущего международного центра финансовых услуг, – вносящего заметный вклад в экономическое и инновационное развитие Соединённого Королевства. К тому же на экономический спад наложились пандемия коронавируса [1, с. 11–16].

В условиях пандемии правительство провело три локдауна в 2020–2021 гг., которые обошлись Великобритании в 365 млрд ф.ст. ВВП. Ограничительные меры вызвали новую волну протестов. Только теперь участники демонстраций требовали не повторного референдума о членстве страны в ЕС, а призывали отказаться от карантинных ограничений и массовой вакцинации. Критику вызывала и неспособность кабинета министров справиться с наплывом мигрантов [2, с. 8–9].

В 2021 г. ко всем проблемам в экономике добавился энергетический кризис. Начавшись в Японии, он перешёл и на европейский континент. Основной причиной стал непродуманный и поспешный отказ от углеводородов и атомной энергетики в пользу возобновляемых источников энергии. Январь и февраль выдались холодными и снежными, а в ряде регионов – и безветренными. Несмотря на возлагавшиеся на них надежды, ни солнечные, ни ветряные электростанции выручить не смогли, подтвердив свою зависимость от климатических условий. В результате пришлось закупать в крупных объёмах природный газ и уголь, что вызвало серьёзное повышение цен на энергоносители и, соответственно, на электроэнергию. Энергетическая отрасль в Европе оказалась в тяжёлом положении [3].

Ситуацию можно было бы изменить к лучшему, увеличив поставки газа из России в европейские страны через Германию по газопроводу «Северный поток – 2». Но введение газопровода в промышленную эксплуатацию бесконечно затягивалось, пока осуществлённый террористами подрыв не привёл к его полной остановке.

Осенью 2021 г. Великобритания сполна испытала на себе последствия энергетического кризиса. По информации британских СМИ, около 2 млн домохозяйств пострадали от банкротств энергокомпаний из-за рекордных цен на газ и электричество. К октябрю уже девять британских фирм объявили о прекращении работы в связи с убытками. The Guardian – ведущая британская

газета – отметила, что потребители уже платят за электроэнергию в среднем на 140 ф.ст. в месяц больше, чем до начала кризиса. И это – своеобразный рекорд за всю историю статистических наблюдений [4].

Выросшие цены на газ привели также к закрытию сразу нескольких предприятий по производству удобрений, среди которых – два крупных завода, принадлежавшие американской компании CF Industries. Вслед за этим возникли проблемы у производителей мяса, которым в производственном процессе необходим углекислый газ, поставлявшийся заводами по производству удобрений. Правительство даже было вынуждено провести экстренное совещание с поставщиками мяса. Так высокие цены на газ начали разрушать производственные цепочки от химии и удобрений до мяса, овощей, газированных напитков и пива. А одной из жертв стал знаменитый McDonald's, которому пришлось временно отказаться от молочных коктейлей из-за постоянных срывов поставок молока. Эксперты не исключили рост цен на продукты в ближайшей перспективе на 5 % [5].

В довершение всех бед на АЗС стал исчезать бензин и появились очереди. Панику вызвала не нехватка горючего, а отсутствие водителей, чтобы его развезти. Оказалось, что в стране в целом не хватает порядка 100 тыс. профессиональных водителей, которых до брекзита и пандемии коронавируса без проблем нанимали на континенте. Пришлось срочно упростить процедуру выдачи лицензий на управление грузовиками и повысить зарплату водителям [6]. Однако в начале октября примерно 22 % лондонских автозаправок вообще не имели в наличии автомобильного топлива. СМИ сообщали, что такая же ситуация сложилась на более чем 2 тыс. АЗС по стране за пределами столицы, и многие из них просто перестали работать. В конце концов пришлось использовать военных в качестве водителей бензовозов [7].

Цены на природный газ достигли максимальных значений в декабре 2021 – январе 2022 г., накалив ситуацию в Соединённом Королевстве до предела. Соответственно выросла стоимость продуктов питания, жилья и коммунальных услуг. По мнению простых британцев, цены на электричество, газ и отопление стали просто нереальными. Многие начали экономить на электричестве, отоплении, еде. Стали меньше пользоваться стиральными и посудомоечными машинами [8]. Зиму удалось пережить, но дальше не сделалось лучше.

Серьёзные угрозы безопасности Российской Федерации со стороны агрессивного блока НАТО во главе с США и необходимость защитить население Донбасса от украинских нацистов вынудили российское руководство начать 24 февраля 2022 г. специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации на Украине. В ответ западные страны стали вводить против нашей страны экономические санкции, которые иначе как экономической войной назвать нельзя.

По рекомендации Международного энергетического агентства, важнейшей составляющей санкций стал отказ от российских энергоносителей, прежде всего газа, что привело к углублению энергетического кризиса. Правительство Джонсона быстро присоединилось к антироссийским санкциям и через некоторое время объявило о предоставлении 10 млрд ф.ст. военной помощи, а также разнообразной помощи экономического и гуманитарного характера [9].

1 апреля информационное агентство Блумберг предложило своим читателям статью, в которой говорилось об «обнищании миллионов британцев за одну ночь». В связи с началом нового финансового года стоимость газа выросла на 81 %, а цены на электричество – на 36 %. Автор статьи утверждал, что после этого прогреть дом, принять душ или приготовить обед для многих британцев будет непросто. Они окажутся перед выбором: поддержать семейный бюджет или жить в тёплом помещении. Данная ситуация получила соответствующие оценки в экспертном сообществе. Например, представитель благотворительной организации National Energy Action А. Скорер назвал произошедшее крупнейшим ценовым шоком современности. А бывший премьер-министр страны Г. Браун, отвечая на вопросы корреспондента радио LBC, выразил обеспокоенность судьбой «огромного количества людей, которые, возможно, останутся и без тепла, и без еды [10].

Соединённое Королевство оказалось не готово к мировому энергетическому кризису. Истощение собственных месторождений нефти и газа в Северном море, закрытие атомных и угольных электростанций во имя зелёной экономики привели к росту импорта энергоносителей.

лей, по которому больно ударил резко выросший на них спрос. Пришлось задуматься и о вариантах замещения российских энергоресурсов, и об улучшении работы энергетической отрасли.

В апреле того же года правительство Джонсона обнародовало свою Стратегию энергетической безопасности, целью которой объявлялось развитие собственной энергетики и снижение зависимости страны от импорта энергоносителей. Для этого планировалось использовать новые ядерные технологии, возобновляемые источники энергии, а также увеличить добычу нефти и газа в Северном море. Однако реализация объявленных планов требовала огромных капиталовложений, что в условиях экономической рецессии было невозможно. Не помогли и попытки увеличить импорт углеводородов из Норвегии, Саудовской Аравии и ОАЭ [11]. В результате рядовые британцы столкнулись с новым ростом цен на бензин и электроэнергию.

Пребывание Б. Джонсона во главе правительства Британии сопровождалось рядом скандалов на фоне отсутствия успехов в стабилизации экономической ситуации. В мае 2022 г. в Консервативной партии прошло внутреннее голосование о вотуме недоверия Джонсону, но поданных против него голосов не хватило для отставки. Тем не менее, по результатам социологического исследования, проведённого в конце мая, более 59 % британцев выступали за отставку премьер-министра [12]. Всё же в начале июля Джонсон заявил о своей отставке, и в начале сентября 2022 г. на посту главы правительства его сменила выбранная к этому моменту лидером консерваторов Э. Трасс. А уже 25 октября британский кабинет министров возглавил Р. Сунак.

Вскоре после этого новый премьер-министр опубликовал программную статью, которую иначе как странной не назовёшь. По сути дела, он обвинил российское руководство в создании экономических проблем в Соединённом Королевстве и в провоцировании энергетического кризиса на европейском континенте. Он призвал противостоять попыткам Москвы использовать продовольствие в качестве оружия, как можно быстрее избавиться от энергозависимости от России, продолжить помогать бедным странам, чтобы избежать голода, а также британским гражданам, которым стало тяжелее оплачивать счета за электричество. Не забыл упомянуть и о поддержке нацистского режима на Украине. Отдельно Сунак подчеркнул важность дальнейшего продвижения свободных рынков и открытой глобальной экономики [13]. Хотя в статье также говорилось и о намерении устранять причины роста инфляции, уже в мае 2023 г. британские экономисты указали на заметное увеличение уровня инфляции, которое составило в апреле 8,7 % и было вызвано в первую очередь резким ростом цен на продукты питания. Они предупредили главу британского правительства, что такое развитие событий в дальнейшем неизбежно приведёт к рецессии [14].

Следует отметить, что обвинение Р. Сунаком России во всех бедах британской экономики выглядит нелогично, но вполне закономерно, если обратиться к внешнеполитическим приоритетам Соединённого Королевства после брежневского периода. Несмотря на трудности с определением новой международной идентичности страны, антироссийская направленность в деятельности британского правительства сохранилась. При этом заявления о российской угрозе НАТО и Великобритании используются в качестве обоснования увеличения расходов на оборону, что подтверждается и положениями новой концепции внешней и оборонной политики (март 2021 г.). В документе Россия прямо названа угрозой Британии, а Китай – системным вызовом [15].

По мнению экспертов, британские стратеги рассматривают Украину в качестве одного из главных сдерживающих Россию факторов. Отмечается, что усиление британского влияния на Киев началось ещё до победы Дж. Байдена на президентских выборах. Интерес Лондона к Украине был воспринят с пониманием, и уже осенью 2020 г. украинские официальные лица заявили, что не возражают против создания британской военной базы в Николаевской области.

Политика Лондона получила своеобразное оформление в виде доклада Королевского Института международных отношений (Chatham House), названного «Мифы и заблуждения в дискуссии о России: как они влияют на политику Запада и что можно сделать». Авторы текста дают советы, как выстраивать отношения с Москвой. По их мнению, Россия не имеет права на исключительные сферы влияния на постсоветском пространстве, а страны НАТО, включая Соединённое Королевство, должны защищать территориальную целостность восточноевропейских стран (особенно Украины). Параллельно необходимо реализовывать программы безопасности Североатлантического альянса в Балтийском и Чёрном морях [16]. Таким образом России было отказано в праве обеспечить свою

национальную безопасность, а руководители Великобритании приняли озвученные идеи к исполнению, выступив проводниками неоколониалистской политики на востоке европейского континента и активно поддержав нацистский режим в Киеве.

В контексте изложенного следует обратить внимание на то, что британское правительство начало предоставлять Украине разнообразную помощь, которая выходит далеко за пределы простых поставок оружия. Антироссийские действия Лондона имеют в своей основе не только внешнеполитические интересы в Европе и мире в целом, но и отражают серьёзный внутренний кризис, который сегодня переживает Соединённое Королевство. Частые изменения в составе правительств в последние годы, откровенно неубедительные и недостаточно компетентные премьер-министры, углубляющиеся социально-экономические проблемы – вот его характерные признаки. Однако отвлечь рядовых британцев от внутренних проблем, переложить ответственность на других у британских политических элит не очень получается.

Примером этого стало создание в июне 2022 г. общественной протестной группы под названием «Don't Pay UK» (Не плати, Соединённое Королевство). Причиной ее создания послужило значительное повышение цен на электроэнергию в апреле 2022 г., в результате чего 6,5 млн человек не смогли оплатить счета, чтобы полностью отапливать свои дома. Правительство объяснило произошедшее глобальными факторами, в том числе «вторжением России на Украину», но пообещало некоторую финансовую поддержку домохозяйствам, которая могла составить не более одной трети текущих цен. На сайте новой организации говорится, что её участники требуют немедленно отказаться от повышения цен на электроэнергию, прекратить практику использования предоплаты и ввести социальные тарифы на электричество, которые позволили бы гражданам не замёрзнуть следующей зимой [17].

Инициаторов создания протестной группы вдохновил пример движения против введённого М. Тэтчер подушного налога в 1989–1990 гг. Тогда 17 млн участников отказались его платить, что в конечном итоге привело к отмене налога. Группа Don't Pay UK призвала граждан к коллективной неуплате счетов за электроэнергию и объявила о намерении проводить забастовки, чтобы добиться снижения цен до приемлемого уровня. Организаторы ожидают, что протесты поддержат представители 28 млн британских домохозяйств.

В материале, посвящённом годовщине организации, отмечается, что вскоре после начала кампании Don't Pay UK три из четырёх опрошенных англичан уже знали о ней, а к 1 октября более 3 млн человек заявили о готовности присоединиться к бойкоту платежей. 32 тыс. человек внесли средства, чтобы помочь в организации кампании протеста. Возглавлявшая в сентябре правительство Э. Трасс, была вынуждена пообещать остановить рост цен на энергоносители, что в итоге обошлось в 150 млрд ф.ст. Однако рост цен на электроэнергию продолжился на фоне миллиардных прибылей энергетических компаний, и в ряды движения протеста влились новые сторонники. Причём объектами критики в дальнейшем стали также супермаркеты за безудержный рост цен на продукты и приватизированные водопроводные предприятия за нежелание вкладывать часть сверхприбылей в очистные сооружения. Авторы материала подчеркнули, что тактика массовых неплатежей и коллективного сопротивления является мощным инструментом для объединения миллионов людей в борьбе против власти и угнетения [18].

Летом 2022 г. оживилось и профсоюзное движение Великобритании, которое, как казалось, утратило возможность влиять на социально-экономическую политику страны. Однако падение уровня жизни простых британцев побудило профсоюзы вспомнить о защите благосостояния своих членов и прибегнуть к забастовкам. В июле забастовали служащие Королевской почты Британии, которых ожидали массовые увольнения. Потом начались акции протеста адвокатов по уголовным делам против мизерной оплаты их труда государством в тех случаях, когда граждане не имели средств, чтобы самим нанять защитников. В августе прекратили работу почти две тысячи грузчиков важнейшего центра контейнерных перевозок – порта Филикстоу, что помимо серьёзных финансовых потерь в самом порту могло к тому же парализовать деятельность торговых и промышленных компаний, получавших и отправлявших грузы через него [19]. Данные события усугублялись тем, что к протестному движению примкнули и работники государственных служб, чего не случалось давно.

Пик протестных выступлений пришёлся на декабрь 2022 г. Правительство Сунака получило весьма серьёзный удар, поскольку в этом месяце не оказалось ни одного дня, свободного от забастовок. 1 декабря на первую общенациональную забастовку вышли сторонники движения Don't Pay UK. Вновь забастовали сотрудники Королевской почты, которых поддержали работники железных дорог Великобритании и метрополитена, водители автобусов, грузчики аэропорта Хитроу, чиновники пограничной службы, паспортных столов и служащие национальной дорожной службы National Highways. Сообщение о забастовках стали напоминать военные сводки. Но самой мрачной новостью для правительства стало решение о забастовке парамедиков 52 основных больничных комплексов страны – первое за сто с лишним лет. Профсоюз, представляющий более 800 000 работников здравоохранения, объявил, что набрал необходимое большинство голосов своих членов для начала забастовки, к которой присоединился и крупнейший профсоюз сотрудников скорой помощи [19].

Однако члены консервативного правительства на все требования протестующих с завидным упрямством повторяют, что единственный способ обогреть свои дома и накормить своих детей – это продолжить воевать с Россией до последнего украинца. Трудящиеся должны отказаться от забастовок и от требований повысить заработную плату, чтобы показать своё единение против «незаконной войны» и «послать чёткий сигнал Владимиру Путину». В своей новогодней речи британский премьер-министр заявил, что Лондон продолжит поддерживать «украинских друзей», но при этом приоритетом останутся интересы британцев и строительство страны, которой будут гордиться потомки. Но в комментариях газеты Daily Mail к речи Сунака говорится, что гордиться пока нечем: из-за сбоев с электричеством в отделениях скорой помощи каждую неделю умирает до 500 пациентов; несмотря на усилия остановить контрабанду людей, в страну в 2022 г. прибыло 45 756 нелегальных мигрантов; налицо стремительный рост инфляции и стоимости жизни [20].

Что касается инфляции, то в 2022 г. она составила 10,5 % в годовом выражении, чего не было в Великобритании с 1981 г. А рост потребительских цен за 12 месяцев превысил 9 %. Аналитики считают, что основной причиной инфляции и роста цен является дефицит энергоносителей, и это подталкивает экономику страны к рецессии [21].

Поэтому неудивительно, что и в 2023 г. продолжились массовые выступления трудящихся. В январе и феврале бастовали учителя, железнодорожники, сотрудники аэропортов и университетов, фельдшеры и медицинские сёстры, госслужащие, а также работники пожарных служб. Характерной чертой протестов стала акция тысяч учителей, которые 1 февраля прошли по улицам Лондона с высоко поднятыми плакатами с надписями «Учителя под угрозой исчезновения», «Поддержим преподавателей. Справедливую оплату для всех!», «Займитесь учителями так, как они заботятся о ваших детях». 85 % школ Англии и Уэльса было закрыто. По итогам протестов британские профсоюзы предупредили, что, если власти не решат проблему с повышением оплаты труда, забастовки в стране станут ещё масштабнее и продлятся по лето включительно. В свою очередь, генсек британского конгресса тред-юнионов (TUC), в которых насчитывают 5,6 млн членов, Пол Новак обвинил премьера Риши Сунака и главу Минфина Джереми Ханта в бездействии, которое привело к крупнейшей за 10 лет забастовке [22].

Весной, когда на улице потеплело и отопление жилищ утратило актуальность, на передний план выдвинулись другие проблемы, но по-прежнему связанные с ростом цен на энергоносители. Так в британских супермаркетах возник дефицит овощей, производство которых пострадало от роста счетов за электроэнергию для обогрева теплиц. По словам руководителей Фермерского союза Великобритании, в стране есть большое количество теплиц, в которых можно выращивать помидоры, перец, огурцы, баклажаны, однако они стоят пустыми из-за нерентабельности. Дефицит овощей приводит к повышению цен на них, что влияет на цены в кафе и ресторанах. Например, из-за резкого скачка цен на помидоры ряд владельцев итальянских ресторанов в Великобритании повысили цены на блюда, в которых используются помидоры. На фоне сложившейся ситуации по меньшей мере цинично выглядит совет министра окружающей среды Т. Коффи своим соотечественникам заменить репой помидоры, огурцы, салат и перец [23].

Весьма популярной темой в британских газетах стал вопрос об экономии энергоносителей. Ведь коммунальные платежи взлетели с 400 ф.ст. до тысячи с лишним! Кругом зазвучали призывы ограничить работу кондиционеров и скорость езды на своих автомобилях. Тотальная эко-

номия должна стать новым образом жизни. Британцев даже начали убеждать вместо «дурной и надуманной» привычки мыться каждый день пользоваться одеколоном, который должен заглушить запах немытого тела [24]. Именно так поступали дворяне в странах Западной Европы в средние века. Однако вряд ли миллиардер Сунак будет копировать средневековые нравы. Как представляется, у него нет проблем с оплатой счетов за электричество, он не покупает овощи в обычных супермаркетах и не будет ограничивать скорость автомобиля, на котором передвигается. Это всё – удел простых британцев.

Овощной кризис и призывы к тотальной экономии, конечно, предполагают и ответ на вопрос о том, кто виноват в сложившейся ситуации. Как благополучная Британия дошла до такой жизни? Правительственным чиновникам нечего ответить на недовольство населения, и они все свои силы отдают поискам крайних. Соответственно, в этой роли оказывается Россия, а в качестве пути решения проблем видятся новые антироссийские санкции и бессрочная поддержка нацистского режима на Украине. Именно это обещает британский премьер-министр [24].

Следует отметить, что недовольство граждан политикой правительства привело к размещению на официальном сайте британского парламента петиции с призывом провести референдум по отмене «саморазрушающих антироссийских санкций» и прекращению «чрезвычайно дорогостоящей помощи Украине». Авторы петиции объясняют свою позицию тем, что в стране не обсуждался данный вопрос и действия правительства не получили одобрения избирателей. Если петицию подпишут более 100 тыс. британцев, то она будет обсуждена на заседании палаты общин для принятия соответствующего решения. За короткое время петицию поддержали более 13 тыс. человек, что в случае, если не удастся набрать необходимого количества голосов, уже предполагает обязательный ответ правительства её инициаторам [25].

Итак, консерваторы не сумели справиться с социально-экономическими проблемами Великобритании, начавшимися после брекзита и усугублёнными пандемией коронавируса и энергетическим кризисом. Более того, действовавшие консервативные правительства разных составов не столько заботились о благополучии своих граждан, сколько о синхронизации своей политики с Соединёнными Штатами и другими странами Запада. При этом во всех внутренних бедах обвинялась Россия, а антироссийские санкции должны были отвлечь избирателей от провалов министров.

Существенное падение уровня жизни населения привело к разнообразным массовым акциям протеста рядовых британцев, чего в стране не было несколько десятков лет. Недовольство простых тружеников нарастает. Думается, что на следующих всеобщих выборах значительная часть избирателей не отдаст свои голоса за тех, кто демонстрирует своё безразличие к ухудшающимся условиям их жизни.

Список источников

1. Итоги первого года правительства Б. Джонсона / отв. ред. К.А. Годованюк. М.: Ин-т Европы РАН, 2020. 140 с. (Доклады Института Европы РАН. № 378).
2. Британия после брекзита / отв. ред. К.А. Годованюк. М.: Ин-т Европы РАН, 2021. 184 с. (Доклады Института Европы РАН. № 386).
3. *Узнародов И.М.* Энергетический кризис в Европе и перспективы низкоуглеродной экономики // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2022. № 2. С. 91–98.
4. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4998264> (дата обращения: 24.09.2021).
5. Сайт российской телевизионной программы «Вести». URL: <https://www.vesti.ru/2617905> (дата обращения: 25.09.2021).
6. Российская государственная онлайн-платформа Smotrim.ru. URL: <https://smotrim.ru/article/2616419> (дата обращения: 25.09.2021).
7. Британское информационное агентство Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/uk/britain-says-fuel-crisis-is-stabilising-2021-10-01/> (дата обращения: 05.10.2021).
8. Российское общественно-политическое интернет-издание «Газета.Ru». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/09/06/15405709> (дата обращения: 07.09.2022).

9. Американское информационное агентство Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-29/uk-gives-10-billion-to-ukraine-to-help-fund-offensive-operations> (дата обращения: 07.07.2022).
10. Американское информационное агентство Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-01/how-much-will-gas-and-electricity-bills-go-up-as-energy-price-cap-rises-in-uk?smid=premium-europe> (дата обращения: 02.04.2022).
11. Охошин О.В. Стратегия энергетической безопасности Великобритании // Науч.-аналит. вестн. Института Европы РАН. 2022. № 6. С. 97–105.
12. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/live/2022/06/06/world/uk-boris-johnson-no-confidence> (дата обращения: 10.06.2022). Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5368588> (дата обращения: 10.06.2022).
13. The Daily Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2022/11/13/rishi-sunak-will-not-let-vladimir-putin--hold-uks-economic-future/> (дата обращения: 20.11.2022).
14. Российский новостной сайт «ИноСМИ.ru». URL: <https://inosmi.ru/20230528/retsessiya-263237870.html?> (дата обращения: 05.06.2023).
15. Global Britain in a Competitive Age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. March 2021. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077 (дата обращения: 30.04.2021).
16. Взгляд. URL: <https://vz.ru/opinions/2021/5/21/1100141.html> (дата обращения: 28.05.2021).
17. Сайт британской общественной организации Don't Pay UK. URL: <https://dontpay.uk/> (дата обращения: 28.12.2022).
18. Сайт британской общественной организации Don't Pay UK. URL: <https://dontpay.uk/articles/a-thousand-new-beginnings/> (дата обращения: 23.06.2023).
19. Взгляд. URL: <https://vz.ru/world/2022/12/17/1191478.html> (дата обращения: 25.12.2022).
20. Daily Mail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11590639> (дата обращения: 05.01.2023).
21. Российское информационно-аналитическое финансовое интернет-издание «Банки сегодня». URL: <https://bankstoday.net/last-articles/inflyatsiya-v-evrope-2022> (дата обращения: 10.03.2023).
22. Российское информационное агентство «Интерфакс». URL: <https://interfax.ru/world/884209> (дата обращения: 14.02.2023); URL: <https://interfax.ru/world/884185> (дата обращения: 14.02.2023)
23. Российский спутниковый телеканал 360°. URL: <https://360tv.ru/tekst/mir/tolko-verhushka-ajsberga/> (дата обращения: 21.03.2023)
24. Российское информационное агентство «Новости». URL: <https://ria.ru/20230702/evropa-1881394541.html?> (дата обращения: 03.07.2023)
25. Referendum on Ending Government's Economically Costly Ukraine/Russia Policies. URL: <https://petition.parliament.uk/petitions/629895> (дата обращения: 05.06.2023).

References

1. Godovanyuk K.A., ed. *Results of the first year of B. Johnson's Government*. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences Press; 2020. 140 p. (Reports of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, No. 378). (In Russ.).
2. Godovanyuk K.A., ed. *Britain after Brexit*. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences Press; 2021. 184 p. (Reports of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, No. 386). (In Russ.).
3. Uznarodov I.M. The energy crisis in Europe and the prospects of a low-carbon economy. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of the Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences*. 2022;(2):91-98. (In Russ.).
4. *Kommersant*. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4998264> [Accessed 24th September 2021]. (In Russ.).
5. *Vesti*. Available from: <https://www.vesti.ru/2617905> [Accessed 25th September 2021]. (In Russ.).
6. *Smotrim.ru*. Available from: <https://smotrim.ru/article/2616419> [Accessed 25th September 2021]. (In Russ.).
7. *Reuters*. Available from: <https://www.reuters.com/world/uk/britain-says-fuel-crisis-is-stabilising-2021-10-01> [Accessed 5th October 2021].

8. *Gazeta.Ru*. Available from: <https://www.gazeta.ru/social/2022/09/06/15405709> [Accessed 7th September 2022]. (In Russ.).
9. *Bloomberg*. Available from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-29/uk-gives-10-billion-to-ukraine-to-help-fund-offensive-operations> [Accessed 7th July 2022].
10. *Bloomberg*. Available from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-01/how-much-will-gas-and-electricity-bills-go-up-as-energy-price-cap-rises-in-u-k?srnd=premium-europe> [Accessed 2nd April 2022].
11. Ochoshin O.V. Energy security strategy of Great Britain. *Nauch.-analit. vestn. Instituta Evropy RAN = Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2022;(6):97-105. (In Russ.).
12. *The New York Times*. Available from: <https://www.nytimes.com/live/2022/06/06/world/uk-boris-johnson-no-confidence> [Accessed 10th June 2022]; *Kommersant*. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5368588> [Accessed 10th June 2022]. (In Russ.).
13. *The Daily Telegraph*. Available from: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2022/11/13/rishi-sunak-will-not-let-vladimir-putin--hold-uks-economic-future/> [Accessed 20th November 2022].
14. *InoSMI.ru*. Available from: <https://inosmi.ru/20230528/retsessiya-263237870.html?> [Accessed 5th June 2023]. (In Russ.).
15. *Global Britain in a Competitive Age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy*. March 2021. Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077 [Accessed 30th April 2021].
16. *Vzglyad*. Available from: <https://vz.ru/opinions/2021/5/21/1100141.html> [Accessed 28th May 2021]. (In Russ.).
17. *Don't Pay UK*. Available from: <https://dontpay.uk/> [Accessed 28th December 2022].
18. *Don't Pay UK*. Available from: <https://dontpay.uk/articles/a-thousand-new-beginnings/> [Accessed 23rd June 2023].
19. *Vzglyad*. Available from: <https://vz.ru/world/2022/12/17/1191478.html> [Accessed 25th December 2022]. (In Russ.).
20. *Daily Mail*. Available from: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11590639> [Accessed 5th January 2023].
21. *Banks Today*. Available from: <https://bankstoday.net/last-articles/inflyatsiya-v-evrope-2022> [Accessed 10th March 2023]. (In Russ.).
22. *Interfax*. Available from: <https://interfax.ru/world/884209> [Accessed 14th February 2023]; Available from: <https://interfax.ru/world/884185> [Accessed 14th February 2023]. (In Russ.).
23. *Russian satellite TV channel 360°*. Available from: <https://360tv.ru/tekst/mir/tolko-verhushka-ajsberga/> [Accessed 21st March 2023]. (In Russ.).
24. *Novosti*. Available from: <https://ria.ru/20230702/evropa-1881394541.html?> [Accessed 3rd July 2023]. (In Russ.).
25. *Referendum on Ending Government's Economically Costly Ukraine/Russia Policies*. Available from: <https://petition.parliament.uk/petitions/629895> [Accessed 5th June 2023].

Информация об авторе

И.М. Узнародов – почётный работник высшего профессионального образования РФ, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений.

Information about the author

I.M. Uzнародov – Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of World Economics and International Relations.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 19.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Original article

UDC 336.71

doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-119-125

AMÉLIORATION PAR LA BANQUE DE RUSSIE DE LA RÉGULATION DES ACTIVITÉS DES ÉTABLISSEMENTS DE CRÉDIT UTILISANT DES INSTRUMENTS MACROPRUDENTIELS

Elena N. Koroleva¹, Alexei V. Vostrikov², Vitaly S. Abramov³✉

^{1,3} Université économique d'Etat de Samara, Samara, Russia

² Académie d'administration publique de Togliatti, Togliatti, Russia

¹ korol388@mail.ru

² vostrikov.a@yahoo.com

³ abramov1998@mail.ru ✉

Abstract. Les résultats d'une étude consacrée à l'analyse de la réglementation bancaire des établissements de crédit réalisée par la Banque de Russie sont présentés. Le développement et l'amélioration des formes et des modalités de régulation et de contrôle des activités des établissements de crédit sont envisagés. Une attention particulière est portée à la réglementation macroprudentielle visant à assurer la résistance au stress et la croissance durable du secteur bancaire. Les points de vue de l'auteur sur la manière dont les activités de réglementation de la Banque de Russie sont décrites et les perspectives de son développement ultérieur dans les conditions modernes sont proposées.

Keywords: régulation, Banque de Russie, banques, régulation macroprudentielle, régulation monétaire

For citation: Koroleva E.N., Vostrikov A.V., Abramov V.S. Amélioration par la Banque de Russie de la Régulation des Activités des Établissements de Crédit Utilisant des Instruments Macroprudentiels. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):119-125.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Научная статья

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БАНКОМ РОССИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАКРОПРУДЕНЦИАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Елена Николаевна Королева¹, Алексей Викторович Востриков², Виталий Сергеевич
Абрамов³✉

^{1,3} Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

² Тольяттинская академия управления, Тольятти, Россия

¹ korol388@mail.ru

² vostrikov.a@yahoo.com

³ abramov1998@mail.ru ✉

Аннотация. Представлены результаты исследования, посвященного анализу банковского регулирования кредитных организаций, осуществляемого Банком России. Рассмотрено развитие и совершенствование форм и методов регулирования и надзора деятельности кредитных организаций. Особое внимание уделено макропруденциальному регулированию, направленному на обеспечение стрессоустойчивости и устойчивого роста банковского сектора. Изложены авторские воззрения на пути регулирующей деятельности Банка России и предложены перспективы дальнейшего его развития в современных условиях.

Ключевые слова: регулирование, Банк России, банки, макропруденциальное регулирование, денежно-кредитное регулирование

Для цитирования: Koroleva E.N., Vostrikov A.V., Abramov V.S. Amélioration par la Banque de Russie de la Régulation des Activités des Établissements de Crédit Utilisant des Instruments Macroprudentiels // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 119–125.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Introduction

L'utilisation efficace par la Banque de Russie de certaines méthodes et formes de réglementation bancaire affecte directement la stabilité financière et la sécurité du secteur bancaire de notre pays et le développement du marché financier dans son ensemble [1].

Dans le cadre du processus de réglementation monétaire, la Banque de Russie exerce une réglementation macroprudentielle et microprudentielle bancaire en utilisant les principaux types et méthodes de réglementation et de supervision bancaires, en cherchant à prévenir l'accumulation de risques excessifs dans certains segments des activités bancaires et à minimiser la probabilité de crises et leurs conséquences négatives, assurant le maintien de la stabilité financière du système financier dans son ensemble, y compris les banques.

Au stade actuel, une grande importance est accordée à la régulation macroprudentielle, qui occupe une position intermédiaire entre la politique monétaire et la surveillance microprudentielle [2]. La réglementation macroprudentielle vise à assurer la résistance au stress et la croissance durable du secteur bancaire [3]. Il s'agit d'un ensemble de mesures préventives visant à minimiser le risque systémique du secteur financier, y compris les banques, et à réduire la probabilité d'une crise financière systémique.

L'un de ses outils est le test de résistance des établissements de crédit.

Partie principale

L'évolution de la réglementation et de la supervision bancaires se déroule en Russie avec l'étude et l'utilisation de l'expérience étrangère dans un certain nombre de pays, en tenant compte des spécificités du développement national du système bancaire russe.

La Banque de Russie introduit progressivement les normes des standards internationaux et les principes internationaux de réglementation prudentielle du système bancaire russe [4]; à savoir, des indicateurs supplémentaires d'adéquation des fonds propres et des fonds propres ont été introduits, des dispositions sont prises pour la constitution d'un capital de réserve et de stabilisation, et le pourcentage d'actifs pondérés en fonction des risques a été augmenté.

À partir de 2017, la Banque de Russie s'est orientée vers une supervision personnalisée en utilisant des approches différenciées de la réglementation et de la supervision bancaires - selon le type de licences bancaires - de base et universelles, en introduisant une approche basée sur les risques et des formes de supervision et de régulation incitatives.

Afin d'assurer la croissance de l'économie de la Fédération de Russie et la transition vers la substitution des importations, la Banque de Russie appliquera des formes de réglementation incitative en ce qui concerne les banques prêtant à des projets de souveraineté technologique et de modernisation de l'économie.

Les banques avec une licence de base ont un plus petit nombre de normes économiques, une procédure de déclaration simplifiée et une valeur inférieure du montant minimum de capital (fonds propres).

Afin d'analyser les modèles commerciaux et les stratégies de développement des banques des banques de Russie en 2021, une boîte à outils efficace pour identifier les risques a été développée à l'aide d'un ensemble spécial d'indicateurs financiers, d'un système de regroupement des banques et d'un algorithme d'analyse des caractéristiques qualitatives. d'une banque [5].

Dans le processus de mise en œuvre de la réglementation monétaire, la Banque de Russie utilise des outils pour réguler les activités des établissements de crédit: le taux d'intérêt directeur, les réserves obligatoires, les ratios obligatoires, et utilise des instruments spécifiques dans le domaine des transactions en espèces.

Afin d'éviter l'apparition de risques supplémentaires, l'amélioration de la réglementation doit être justifiée. Ainsi, par exemple, avec une transition précipitée vers le ciblage de l'inflation, il y a un risque de perdre le contrôle des hausses de prix et de l'inflation [6].

Dans les conditions modernes, causées par les restrictions économiques, les sanctions des pays étrangers, la Banque de Russie, dans la réglementation des activités des banques, utilise un certain nombre d'assouplissements réglementaires pour les banques concernant l'utilisation du capital, l'évaluation des risques bancaires, prévoit des incitations dans la conduite de la politique de crédit, la constitution d'un portefeuille de crédits et d'une réserve pour pertes éventuelles sur crédits.

Dans les situations de crise, la Banque de Russie et le gouvernement de la Fédération de Russie élaborent un certain nombre de mesures anti-crise visant à soutenir les secteurs les plus importants de l'économie, en prêtant à des projets de souveraineté technologique et de modernisation de l'économie, petites et moyennes entreprises de taille moyenne.

La Banque de Russie élargit les possibilités pour les banques d'utiliser le système de refinancement par les banques garanti par des titres et des créances d'emprunteurs de premier ordre, et d'ouvrir des lignes de crédit irrévocables des banques. En collaboration avec la communauté bancaire, la question du retour des garanties d'État irrévocables et inconditionnelles dans la législation, en renforçant le rôle des garanties d'État afin de fournir aux banques des ressources à long terme est en cours de discussion.

La Banque de Russie exerce une réglementation macroprudentielle concernant l'ensemble du système bancaire et d'autres segments du marché financier du pays et une réglementation microprudentielle visant les établissements de crédit individuels et d'autres institutions financières.

En ce qui concerne les activités des banques, la réglementation microprudentielle et la surveillance prudentielle visent à renforcer la stabilité du système bancaire et de ses entités individuelles, à protéger les intérêts des déposants et des créanciers et à réduire la probabilité de crises et leurs conséquences négatives.

L'approche macroprudentielle de la réglementation est un moyen de contrôler et de prévoir la situation à la fois dans des segments individuels du marché financier et dans l'ensemble du marché à l'avenir. L'objectif de la réglementation macroprudentielle est d'assurer la stabilité financière du système financier de la Fédération de Russie dans son ensemble, y compris les banques, et de minimiser les risques systémiques.

Lors de la mise en œuvre de la réglementation macroprudentielle des banques, la Banque de Russie utilise les outils suivants:

- des mesures administratives pour freiner la croissance excessive du crédit;
- instruments généraux affectant le capital ou les réserves pour d'éventuelles pertes (coussin de fonds propres contracyclique, limites dynamiques sur le ratio de levier);
- des outils de gestion du risque de liquidité et du risque de change (constitution de stocks d'actifs très liquides, indicateurs de financement stable, limites sur les positions de change des banques);
- des instruments sectoriels (restrictions d'investissements dans certains secteurs, exigences spécifiques en fonds propres et ratios de risque pour différents actifs).

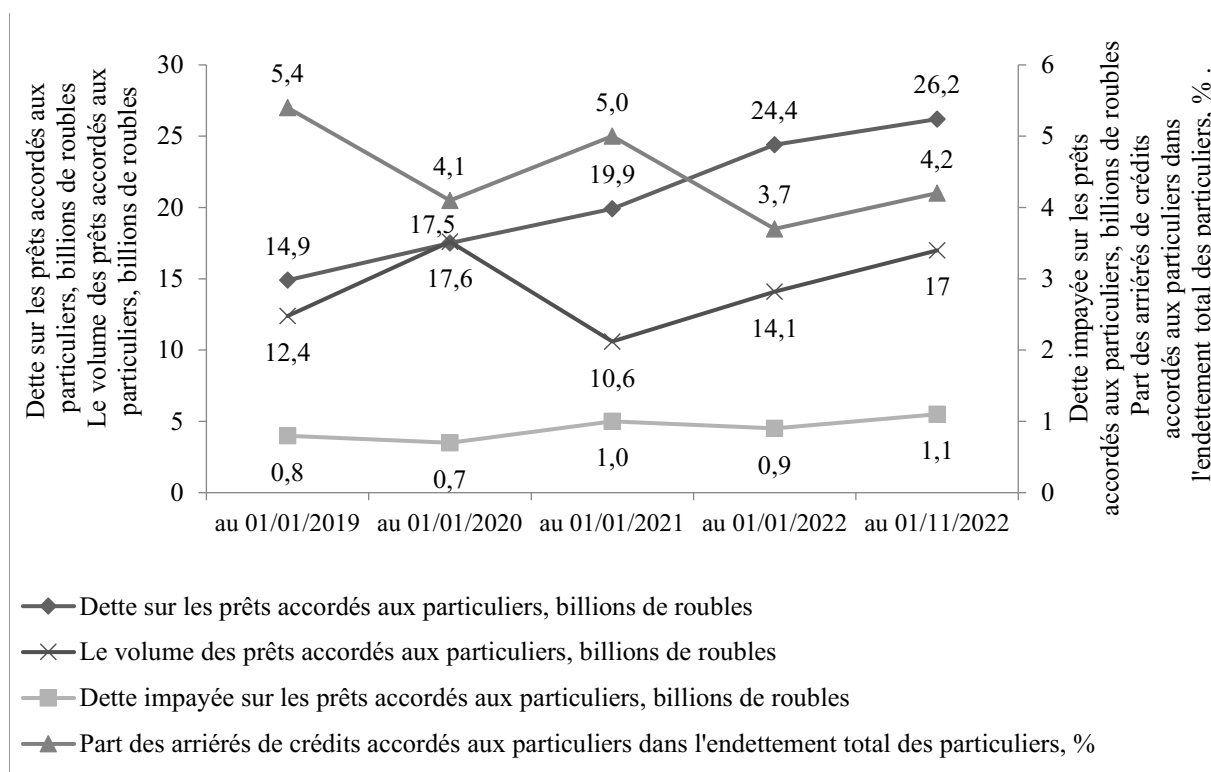
Avant d'examiner plus en détail les instruments individuels de la réglementation macroprudentielle, nous analyserons les indicateurs du marché des prêts des banques de détail sur la base de données statistiques et de documents analytiques de la Banque de Russie pour la période 2018-2022.

La dynamique du développement du marché des prêts bancaires aux particuliers est illustrée à la figure.

Il convient de noter qu'au cours de la période analysée, il y a eu un processus de prêt actif par les banques aux particuliers via l'offre de diverses formes de prêts automobiles, l'émission de cartes de crédit, l'introduction par la Banque de Russie en 2020-2021 d'hypothèques préférentielles programmes de prêts, la croissance du volume des prêts au logement accordés en raison de l'expansion de la construction de logements, tout cela a contribué à l'amélioration du bien-être de la population.

Pour dix mois de 2022, la dette sur les prêts accordés aux particuliers s'élevait à 26,2 billions de roubles contre 14,9 billions de roubles (au 01/01/2019).

Selon les données préliminaires pour 2022, le volume des prêts aux particuliers devrait être de 17,0 billions de roubles contre 12,4 billions de roubles (au 01/01/2019).

Dynamique des indicateurs du marché des prêts bancaires aux particuliers en Fédération de Russie¹ [6] / Динамика показателей рынка банковского кредитования физических лиц в Российской Федерации

L'analyse de l'état du marché du crédit bancaire à la population a mis en évidence un certain nombre de points négatifs. Il s'agit, tout d'abord, de la croissance du volume des impayés des particuliers. Le volume des dettes sur prêts aux particuliers pour les dix mois de 2022 a atteint plus de 1,1 billion de roubles.

La part des impayés dans le portefeuille total de crédits des particuliers au 11/01/2022 est de 4,2% contre 5,4% (au 01/01/2019), ce qui est causé par une augmentation du volume des crédits accordés, plutôt que par le remboursement des dettes en souffrance.

La présence de non-paiements par les emprunteurs crée des risques systémiques pour la banque, qui sont couverts par des prélèvements supplémentaires sur les réserves pour pertes éventuelles, ce qui entraîne une diminution des bénéfices des banques. Le remboursement intempestif des prêts prolonge la durée d'utilisation du prêt accordé, empêchant ainsi les banques de prêter à de nouveaux emprunteurs solvables.

La Banque de Russie attire l'attention sur une augmentation significative du fardeau de la dette des emprunteurs - un manque de revenus est créé pour assurer le remboursement en temps voulu des prêts contractés par la population.

Dans la situation actuelle, la Banque de Russie décide à juste titre d'utiliser des instruments restrictifs dans la réglementation macroprudentielle bancaire, sous la forme de limites sur les prêts à la consommation aux personnes fortement endettées.

Analyse et étude de la situation macroéconomique de la Fédération de Russie, des indicateurs de liquidité bancaire, de la structure des prêts accordés par les banques, des impayés par catégories d'emprunteurs, du solde des actifs et passifs des banques en devises étrangères et d'autres indicateurs des banques performances permettent à la Banque de Russie de prendre des décisions sur l'utilisation d'autres outils de régulation macroprudentielle.

¹ Compilé par les auteurs à l'aide de la collection "Indicateurs statistiques du secteur bancaire de la Fédération de Russie" de la Banque de Russie. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (consulté le 03/10/2023).

Fin 2022, pour le premier trimestre 2023, pour les banques disposant d'un agrément universel, les valeurs des limites macroprudentielles sur les prêts à la consommation non garantis (prêts) d'une durée de plus de cinq ans ont été fixées afin de réduire le non garanti part des crédits à la consommation dans les banques qui représentent un risque accru. Cela se justifie, à notre avis, car une nouvelle augmentation de l'endettement de la population peut entraîner des risques macroéconomiques supplémentaires, un nouvel allongement de la durée des prêts à la consommation (prêts), ce qui entraîne une réduction des ressources des banques pour prêter à l'économie. En fin de compte, tout cela peut affecter négativement la stabilité financière du pays.

En outre, la Banque de Russie introduit une limite sur les prêts à la consommation émis par les banques avec une licence universelle avec un endettement élevé des emprunteurs - plus de 80%. Le but de cette restriction est de résoudre le problème de la rétrocession aux particuliers, qui affecte également la stabilité financière de la Russie et a des conséquences sociales et économiques négatives.

Des limites macroprudentielles s'appliqueront aux prêts à la consommation (prêts) qui seront accordés et achetés du 1er janvier au 31 mars 2023, ainsi qu'aux prêts à la consommation (prêts) avec une limite de crédit, dont la limite sera fixée (augmentée) en la période spécifiée [7].

Pour les banques dépassant les limites macroprudentielles, la Banque de Russie appliquera des mesures de réponse prudentielle aux banques.

La Banque de Russie surveille en permanence l'état du marché hypothécaire. En pratique, les faits de surestimation par les promoteurs du coût des appartements mis en gage dans les prêts hypothécaires sont révélés. La vente de ces appartements ne garantira pas le remboursement intégral du prêt hypothécaire. Cela crée des risques à la fois pour les citoyens et pour la banque qui a reçu un actif en garantie à un prix gonflé.

Actuellement, dans le segment des prêts hypothécaires, la Banque de Russie continue d'utiliser des primes sur les ratios de risque pour limiter les pratiques risquées, en outre, les prêts hypothécaires doivent être émis sous réserve d'un paiement initial d'au moins 10 %. La Banque de Russie développe d'autres mesures pour limiter les risques des prêts hypothécaires.

Un outil important pour la réglementation macroprudentielle des activités des banques est le test de résistance des banques à l'aide d'une analyse de scénarios basée sur des événements historiques ou hypothétiques. Le résultat de la simulation est une évaluation des pertes totales des établissements de crédit de tous les types de risque sous l'influence du stress, d'une éventuelle pénurie de capital et de liquidité.

La politique macroprudentielle de la Banque de Russie est étroitement liée à la politique monétaire en cours. Dans le processus d'analyse de l'état de la liquidité bancaire globale et de mise en œuvre de la régulation monétaire, elle utilise des outils tels que le taux directeur, les réserves obligatoires et les taux de réserves obligatoires, et des instruments spécifiques dans le domaine des opérations de trésorerie.

Les normes accrues des réserves obligatoires des banques pour les engagements en devises étrangères, qui sont entrées en vigueur ces dernières années, sont l'un des outils importants de la réglementation macroprudentielle de la Banque de Russie et sont prévues pour accroître la part des engagements des banques dans le monnaie nationale et rehausser le statut de la monnaie nationale.

Ainsi, la Banque de Russie, en appliquant les outils et les approches de la réglementation macroprudentielle des activités bancaires, contribue à renforcer le système bancaire de la Fédération de Russie et à réduire les risques systémiques. Dans le même temps, la Banque de Russie améliore les exigences imposées aux banques et à la direction des banques au niveau micro pour se conformer aux exigences de la législation bancaire de la Fédération de Russie, et intensifie les communications avec la direction et les propriétaires des banques, ce qui permet d'identifier et de prévenir à un stade précoce une situation de crise dans une banque donnée.

Dans le développement de ce qui précède, en décembre 2022, la Banque de Russie a présenté des initiatives stratégiques dans le domaine de la réglementation et de la surveillance macroprudentielles bancaires à moyen terme:

- développement d'une réglementation stimulante sensible au risque pour les banques finançant des projets prioritaires de l'économie russe;
- améliorer la qualité du capital et la stabilité des banques, limiter les risques de concurrence des actifs immobilisés et des investissements dans ceux-ci;

- réduction des risques de liquidité, de taux, de marché, de change, compte tenu des spécificités nationales et des enseignements de la crise;
- limitation des risques bilanciaux grâce à la constitution de sources de financement à long terme auprès des banques;
- réduire les risques du crédit aux particuliers pour les banques et les emprunteurs;
- le développement d'une approche différenciée dans la pratique de la surveillance.

Les auteurs estiment qu'à l'avenir, la Banque de Russie devra développer des outils d'analyse, principalement des tests de résistance macroprudentiels, pour étendre et améliorer l'efficacité des informations sur les risques. Dans les algorithmes de test de résistance en Fédération de Russie, il est nécessaire de renforcer le rôle de la macro-composante, d'élargir le degré d'implication et les domaines de responsabilité pour ses résultats des unités institutionnelles clés du système d'administration publique, sans se limiter aux tests de résistance de supervision.

Tout cela permettra, selon les auteurs, d'augmenter la stabilité financière du secteur bancaire de notre pays, de créer la possibilité et les conditions préalables pour faire face aux facteurs défavorables et aux défis externes.

Conclusions

Ainsi, la Banque de Russie, en améliorant les méthodes et les formes de réglementation des activités bancaires des établissements de crédit, renforce efficacement le système bancaire de la Fédération de Russie.

Afin d'assurer la croissance de l'économie de la Fédération de Russie et la transition vers la substitution des importations en fonction des développements nationaux, la Banque de Russie appliquera une réglementation stimulante aux banques prêtant à des projets de souveraineté technologique et de modernisation de l'économie, améliorera les exigences de banques et la direction des banques pour se conformer aux exigences de la législation bancaire de la Fédération de Russie, et intensifier la communication avec la direction des banques et avec les propriétaires, ce qui permet d'identifier et de prévenir une situation de crise dans une banque particulière à un stade précoce.

References

1. Tershukova M. B., Abramov V.S. Le rôle de la Banque de Russie dans la réglementation des activités des établissements de crédit. *Bulletin de l'Université d'économie d'État de Samara*. 2021;(3):70-75. Doi: 10.46554/1993-0453-2021-3-197-70-75. (In Russ.).
2. Moiseev S.R. Politique macroprudentielle: objectifs, outils et applications en Russie. *Monnaie et crédit*. 2011;(3):28-29. (In Russ.).
3. Dzhagityan E.P. Régulation macroprudentielle du système bancaire en tant que facteur de stabilité financière. Moscou: URAIT, 2019. 215 p. (In Russ.).
4. Barisitz S. Le système bancaire russe depuis 1990. Une modernisation et une mouvance contradictoire. *Le Courrier des pays de l'Est*. 2007;(6):42-55. URL: <https://www.cairn.info/revue-le-courrier-des-pays-de-l-est-2007-6-page-42.htm>. Doi: 10.3917/cpe.076.0042.
5. Tershukova M.B. *Politique monétaire de l'État et méthodes de sa mise en œuvre dans des conditions modernes*. Saint-Petersbourg: Université polytechnique, 2009. 118 p. (In Russ.).
6. *Indicateurs statistiques du secteur bancaire de la Fédération de Russie*. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (consulté le 03/10/2023).
7. *Communiqué de presse de la Banque de Russie du 21 novembre 2022*. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=6380464606349140_87FINSTAB.htm (consulté le 03/10/2023).

Список источников

1. Тершукова М. Б., Абрамов В. С. Роль Банка России в регулировании деятельности кредитных организаций // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. № 3 (197). С. 70–75. Doi: 10.46554/1993-0453-2021-3-197-70-75.

2. *Мoiseev C.P.* Макропруденциальная политика: цели, инструменты и применение в России // Деньги и кредит. 2011. № 3. С. 28–29.
3. *Джагитян Э. П.* Макропруденциальное регулирование банковской системы как фактор финансовой стабильности. М.: ЮРАЙТ, 2019. 215 с.
4. *Barisitz S.* Le système bancaire russe depuis 1990. Une modernisation contradictoire et mouvementée // Le Courrier des pays de l'Est. 2007. № 6. P. 42-55. URL: <https://www.cairn.info/revue-le-courrier-des-pays-de-l-est-2007-6-page-42.htm>. Doi: 10.3917/cpe.076.0042.
5. *Териукова М. Б.* Денежно-кредитная политика государства и методы ее реализации в современных условиях. СПб.: Политехнический университет, 2009. 118 с.
6. Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 10.03.2023).
7. Пресс-релиз Банка России от 21 ноября 2022 года. URL: <https://cbr.ru/press/pr/?file=638046460634914087FINSTAB.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

Information about the authors

- E.N. Koroleva – Docteur en sciences économiques, professeur.*
A.V. Vostrikov – Candidat en sciences historiques, Consul honoraire de France à Togliatti, Président de l'Alliance française Togliatti.
V.S. Abramov – étudiant de troisième cycle du finance département.

Информация об авторах

- Е.Н. Королева – доктор экономических наук, профессор.*
А.В. Востриков – кандидат исторических наук, почетный консул Франции в Тольятти, президент Альянс Франсез Тольятти.
В.С. Абрамов – аспирант кафедры финансов.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 17.08.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 17.08.2023; accepted for publication 28.08.2023.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-126-132

Генерал от кавалерии, войсковой атаман Донского войска граф Матвей Иванович Платов (к 270-летию со дня рождения)

Personalities

General of Cavalry, Military Ataman of the Don Army, Count Matvey Ivanovich Platov (to the 270th Anniversary of His Birth)

В 2023 г. исполняется 270 лет со дня рождения выдающегося российского военачальника, героя Русско-турецких войн второй половины XVIII – начала XIX в., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. генерала от кавалерии, войскового атамана Донского войска графа Матвея Ивановича Платова, кавалера многочисленных российских и иностранных орденов, Золотого оружия, памятных подарков от высочайших особ Российской империи и Европейских государств.

Указом губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева от 23.09.2022 г. № 97 «О проведении в 2023 году в Ростовской области года атамана М.И. Платова» создан оргкомитет при Правительстве Ростовской области (председатель зам. губернатора М.В. Корнеев), проводятся многочисленные научные, культурно-просветительские, патриотические мероприятия, направленные на сохранение и развитие культурно-исторического наследия казачества в России и за рубежом, памяти о М.И. Платове, его славных подвигах и донских войсковых делах.

Историография о М.И. Платове внушительная и разнообразная – научные монографии, статьи и диссертации, образ донского атамана широко освещался и рассматривается в научно-популярной и художественной литературе. Сформировался портрет – легенда, «вихорь – атаман», чему также способствовали живопись, многочисленные памятники, скульптуры малых форм, фильмография, театральное искусство и т.д.

Статья к юбилею М.И. Платова не претендует на исчерпывающую характеристику его сложной и героической жизни, она написана в напоминание славных имен и событий, в их центре находился донской казак, они привели его к вершинам российской военной и государственной власти с берегов Тихого Дона в Париж и Лондон.

8 (19) августа 1753 г. в городе Черкасске Черкасского сысского начальства Земли Донского войска родился в семье казака Ивана Федорова Платова сын Матвей. В 12 лет был определен в Войсковую канцелярию «для исправления разных дел». До 17 лет Матвей воспитывался дома, получил домашнее образование, присматривал за хозяйством. В 1770 г. М.И. Платов отправил-

Портрет генерала от кавалерии, войскового атамана Донского войска графа Матвея Ивановича Платова. Гравюра В. Сэя по оригиналу Т. Филлипса, 1814 / Portrait of the general from the cavalry, military ataman of the Don army, Count Matvey Ivanovich Platov. Engraving by V. Say based on the original by T. Phillips, 1814

ся в Крым, во Вторую Действующую армию, где до конца 1771 г. служил при штабе генерал-аншефа кн. В.М. Долгорукова.

Генерал пожаловал донскому казаку чин есаула и доверил сотню казаков, находившихся при Дежурстве. За сражение под Кинбурном и успехи в службе исходатайствовал у императрицы Екатерины II для М.И. Платова чин войскового старшины, назначил командовать Донским казачьим полком.

Находясь в Крымском отдельном корпусе, М.И. Платов участвовал и отличился во взятии Перекопской линии и под Кинбурном. Блестящие победы генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева при Ларге 7(18) июля 1770 г. и Кагуле (21 июля (1 августа) 1770 г.) стали примером использования новых военных приемов и творческого подхода к решению крупных стратегических задач. Донской казак учился.

Каким был М.И. Платов – не легенда, человек! Н.Ф. Смирный, адъютант донского атамана, оставил воспоминания о нем: «Он был роста большого, волосы имел темные; глаза на вылете серо-голубые, отменно быстрые и зоркие, так что в дальности зрения едва ли кто мог с ним равняться; лицо вообще приятное; мина благоприветливая; талия прямая и стройная; в походке легок; осанкою величествен».

С вверенным полком войсковой старшина М.И. Платов совершил свой известный подвиг на Кубани, в верховьях реки Калалах 3 (14) апреля 1774 г. Он спас транспорт с продовольствием и амуницией для русской армии от тридцатитысячного войска крымского хана Девлет-Гирея. Подвиг М.И. Платова стал широко известен в армии и российском императорском дворе, многие военачальники желали видеть полк донского героя в составе своих корпусов и армий. Императрица Екатерина II высоко оценила заслуги М.И. Платова, наградила Золотой именной медалью в 30 червонцев на голубой (Андреевской) ленте для ношения на шее, с надписанием: «За ревностную и усердную службу Донского войска полковнику Матвею Платову».

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира 10 (21) июля 1774 г. М.И. Платов был послан с полком при Особом отряде на Кубань, до этого успешно сражался против черкесов, способствовал взятию весной 1774 г. города Копыла. Оттуда направлен с казаками на подавление Пугачевского восстания, затем в Воронежской и Казанской губерниях еще три года гонялся за разбитыми отрядами пугачевцев.

Напряженная обстановка на Северном Кавказе – волнения среди ногайцев, горцев и кубанских татар – требовала усиления присутствия России в регионе. В 1782–1783 гг. М.И. Платов во главе полка своего имени сражался под начальством А.В. Суворова на Кубани и в Крыму против ногайцев, на следующий год участвовал в подавлении восстания чеченцев и лезгин. Затем содержал посты и охранял Военно-Грузинскую дорогу.

Началась Русско-турецкая война 1787–1791 гг. Генерал-фельдмаршал кн. Г.А. Потемкин назначен главнокомандующим Южной армии, а вскоре и всей русской армии. Полковник М.И. Платов с полком своего имени прибыл к Г.А. Потемкину и был направлен к Очакову, намечался штурм крепости. Полк М.И. Платова состоял в колонне генерал-майора барона П.А. Палена (1-го). «За отличную храбрость» при осаде и взятии Очакова 6 (17) декабря 1788 г. был награжден в чине полковника войска Донского 14 (25) апреля 1789 г. орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса (№ 594). В штурме Очакова участвовали младший брат Платова Петр, старший сын Иван и племянник Николай Демьянович.

По указанию Г.А. Потемкина, с 1788 г. М.И. Платов формировал Екатеринославское и Чугуевское казачьи войска, в 1790 г. назначен атаманом этих казаков.

Вместе с донскими и вновь сформированными войсками М.И. Платов отличился 13 (24) сентября 1789 г. при Каушанах, «где с отрядом конных егерей произвел решительную атаку на турецкие окопы, захватил 3 пушки, разгромил турецкий лагерь, взял в плен трухбунчужного Зейнала Гасан Пашу, Беглер-бея Анатолийского, 160 воинов, а также 3 знамени», за что пожалован чином бригадира.

23 сентября (3 октября) 1789 г. донские и чугуевские казаки совместно с кавалерийским отрядом секунд-майора Гиржева захватили без единого выстрела крепость Паланки, и 25 сентября (5 октября) осадили крепость Аккерман. Правильно организованная осада крепости и дипломатические усилия М.И. Платова принудили гарнизон крепости сдаться, 30 сентября (10 октября) тур-

ки вручили ключи от города-крепости Аккерман Главнокомандующему русской армии кн. Г.А. Потемкину и были отпущены в крепость Измаил. Было захвачено 32 знамени, 51 пушка, множество боевых и съестных припасов, а также на кораблях на Днестре 37 пушек.

Во время штурма Измаила (11 (22) декабря 1790 г. М.И. Платов возглавил Пятую штурмовую колонну, насчитывавшую 5000 казаков. Четвертой штурмовой колонной командовал бригадир В.П. Орлов (будущий войсковой атаман Донского войска (1797–1801 гг.), генерал от кавалерии). Колонны под общим начальством генерал-майора графа И.А. Безбородко первыми взойшли на куртину (крепостной вал), захватили бастионы с пушками и, развернув их против турок, открыли огонь. Тяжело раненный в руку граф И.А. Безбородко поручил командование М.И. Платову, который «прогнал неприятеля, и поражал его храбро и мужественно», содействовал успеху колоннам генерал-майора Н.Д. Арсеньева и полковника А.Д. Мартынова, который командовал казачьим резервом Левого фланга (своего шурина по второй жене Марфе Дмитриевне Кирсановой, урожденной Мартыновой).

Генерал-аншеф А.В. Суворов высоко оценил роль М.И. Платова и донских казаков во взятии Измаила, писал в донесении на Высочайшее имя «о твердости и мужестве» донских начальников, «Платов был везде присутствен и подавал пример храбрости». Императрица Екатерина II пожаловала 25 марта 1791 г. М.И. Платову в чине бригадира орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-го класса (№ 81): «Во уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную при взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением бывшей там турецкой армии, командуя колонною». 1(12) января 1793 г. М.И. Платов произведен в генерал-майоры.

28 февраля (10 марта) 1791 г. бригадир М.И. Платов, герой штурма Измаила, прибыл по приглашению светлейшего князя Г.А. Потемкина в Петербург на празднование взятия турецкой крепости Измаил. На торжественных мероприятиях 28 апреля (8 мая) 1791 г. Г.А. Потемкин по желанию императрицы Екатерины II представил М.И. Платова ей и членам семьи – великому князю наследнику российского престола Павлу Петровичу, его супруге великой княгине Марии Федоровне и их детям. С наследником российского престола и его супругой сложились теплые, дружеские отношения. Фактически генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин ввел М.И. Платова в высший круг военной и чиновной аристократии Российской империи.

Н.Ф. Смирный, первый биограф М.И. Платова, писал: «Императрица удостоила донского героя отличной благосклонности, милости и беспримерного снисхождения. Она почтила М.И. Платова отличным правом по приезде в Царское село останавливаться в самом дворце, в котором ему были назначены комнаты». «Этого уже слишком было довольно, чтобы Платова узнал весь двор, весь Петрополь и вся Россия». На торжествах М.И. Платов познакомился с многими влиятельными деятелями екатерининского времени. Он снискал доверенность и расположение первых лиц в столице, отношение к нему было всегда одинаковое.

Иранские войска Ага Мохаммеда-хана, поддерживавшиеся Великобританией, вторглись в 1795 г. в Карабах, Азербайджан и Грузию, подвергли их страшному разорению. Императрица Екатерина II, выполняя свои обязательства по Георгиевскому трактату 1783 г. и в целях отражения иранского нашествия, направила русские войска в Закавказье. Состоялся Персидский поход под командованием генерал-аншефа графа В.А. Зубова. 18 апреля 1796 г. из Кизляра выступил 13-тысячный русский корпус, в составе которого находились донские казаки и все иррегулярные полки под начальством походного атамана генерал-майора М.И. Платова. 2 мая они осадили, а 10 мая штурмом овладели Дербентом, 15 июня русские войска без боя заняли Кубу и Баку, к концу осени вышли в район слияния рек Куры и Аракса. Войска готовились к дальнейшему наступлению в глубь Ирана.

Императрица Екатерина II пожаловала за Персидский поход генерал-майору М.И. Платову орден Св. Владимира 3-й степени и Золотую саблю, алмазами украшенную.

В связи со смертью 6 ноября 1796 г. императрицы Екатерины II и восшествием на престол императора Павла Петровича изменилась внешняя политика Российской империи. Войска под командованием генерал-аншефа В.А. Зубова были отозваны из Закавказья.

Из Персидского похода М.И. Платов вернулся не только с наградами. По доносу полковника Углицкого пехотного полка И.П. Стоянова император Павел I исключил донского героя из

службы 10 мая 1797 г., а также генерал-майора С.А. Булгакова, полковников Н.Н. Раевского и Б.А. Мансурова. Они, по мнению И.П. Стоянова, ненадлежащим образом исполняли Высочайшее повеление о скорейшем возвращении русских войск в границы империи, двигались с длительными растахами (отдыхами), оказывали помощь коменданту Дербента генерал-майору И.Д. Савельеву в защите крепости-города. В опалу нового императора попал также генерал-аншеф В.А. Зубов, брат последнего фаворита императрицы Екатерины II светлейшего князя Платона Александровича Зубова.

В мае – июле 1797 г. поступили на Высочайшее имя доносы от казаков Чугуевских полков и с Дона. Первые утверждали, что не получили в полном объеме денежное и имущественное довольствие, вторые, что М.И. Платов скрывал в своих хуторах и рыбных заводах беглых крепостных и малороссиян, «переменил многим ревизские сказки». 23 июля 1797 г. генерал-майор М.И. Платов был вызван в Петербург. Сдав все дела по полкам, он в сопровождении фельдъегеря отбыл в столицу.

В Петербурге М.И. Платова взяли под стражу, в декабре 1797 г. его осудили и отправили по Высочайшему указу в ссылку в Кострому. В октябре 1800 г. в связи с расследованием на Дону дел о перемене ревизских сказок опальный генерал был доставлен в Петербург и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

11 (22) января 1801 г. Гражданский суд Правительствующего Сената оправдал М.И. Платова. Император Павел I принял донского генерала, наградил Мальтийским орденом командора, направил на Дон в помощь войсковому атаману генералу от кавалерии В.П. Орлову собирать казаков в Индийский поход. 4 февраля М.И. Платов прибыл на Дон. 28 февраля – 1 марта (10–11 марта) 1801 г. 41 казачий полк, две роты конной артиллерии выступили на восток под общим командованием генерала от кавалерии войскового атамана В.П. Орлова и генерал-майора, походного атамана М.И. Платова.

Двигались на восток четырьмя колоннами, первую передовую колонну (13 полков) возглавлял походный атаман М.И. Платов. Второй колонной (8 полков) командовал генерал-майор И.Н. Бузин, третьей (10 полков) – генерал-майор Г.А. Боков, четвертой (10 полков) – генерал-майор А.К. Денисов 6-й. Донской конной артиллерией командовал полковник А.А. Карпов 2-й. Почти за три недели казаки прошли более 700 верст до верховьев р. Иргиз (левый приток р. Волги). В суровых зимних условиях, по бездорожью казаки проходили ежедневно 30–40 верст.

23 марта (4 апреля) 1801 г., накануне праздника Св. Пасхи, в селе Мечетном Саратовской губернии В.П. Орлов и М.И. Платов получили известие о смерти императора Павла I и рескрипт императора Александра I о возвращении домой. Казачьи полки, пройдя в итоге более полутора тысяч верст, вернулись к середине апреля из похода на Дон, к 25 апреля прибыла Донская конная артиллерия.

30 июля (10 августа) 1801 г. скончался войсковой атаман Донского войска генерал от кавалерии В.П. Орлов. 12 (24) августа 1801 г. император Александр I назначил генерал-майора М.И. Платова войсковым атаманом Донского войска.

Присяга на верность России и Донского войска генерал-майора М.И. Платова состоялась в г. Черкасске 27 августа (9 сентября) в Войсковом храме Воскресения Господне и на площади перед храмом. Через несколько дней новый атаман во главе депутации от Донского войска отбыл в Москву на коронационные торжества молодого императора. Они состоялись в Успенском соборе 15 (27) сентября 1801 г. В этот день император имел длительную беседу с новым войсковым атаманом о настоящем и будущем Донского войска, пожаловал М.И. Платову чин генерал-лейтенанта и одновременно наградил орденом Св. Анны 1-й степени.

Военно-политическая деятельность М.И. Платова началась с административных и военных преобразований. По его предложению 25 февраля 1802 г. император Александр I возродил Войсковую канцелярию по примеру Гражданского Правительства 1775 г., определил ее состав и функции, сыскные начальства получили полномочия уездных и земских судов.

29 сентября 1802 г. устанавливались порядок производства в чины, жалование в походах и командировках, состав, численность и сроки службы служивых казаков, комплект и порядок выхода полков на службу, определялись границы округов Земли Донского войска, Атаманский

полк получил наименование Донской Атаманский Платова полк и 25 июня 1803 г. увеличен до 1000 сабель.

8 октября 1803 г. император пожаловал герб городу Черкасску, что поставило его в ряд многочисленных губернских городов, закрепило за Землей Донского войска статус Российской области (губернии) с определенными военно-политическими и административными особенностями управления.

23 августа 1804 г. император Александр I утвердил с небольшими изменениями Представление войскового атамана генерал-лейтенанта М.И. Платова об основании города Черкаска и именовании его Новочеркасском. По поручению императора Александра I инженер-генерал-лейтенант Ф.П. де Воллан, войсковой атаман и депутаты от станиц выбрали Бирючий Кут, недалеко от впадения р. Тузлов в р. Аксай, возвышавшийся над донской степью и заливными лугами.

Инженер-генерал-лейтенант Ф.П. де Воллан составил план города Новочеркаска, который император Александр I одобрил 31 декабря 1804 г. 18 (30) мая 1805 г. в день Вознесения Господне состоялись Большое Праздничное богослужение и закладка г. Новочеркаска, собора Вознесения Господне, разметка улиц и домов.

В войне против наполеоновской Франции в 1805 г. М.И. Платов не участвовал, он по указанию императора направил к Пинску 15 донских казачьих полков. В русско-пруско-французскую войну (война четвертой коалиции) генерал-лейтенант М.И. Платов вступил 10 (22) января 1807 г., был назначен командовать всеми казачьими полками русской армии. Предварительно донской атаман посетил Москву и Петербург, в столице он получил пожалованный 18 ноября 1806 г. орден Св. Александра Невского.

М.И. Платов прибыл в армию 26 января (7 февраля) 1807 г., накануне генерального сражения при Прейсиш-Эйлау. В этот и на следующий день произошло кровопролитное сражение, не давшее преимущества ни одной из сторон, оно завершилось отступлением обеих армий с поля боя. После сражения противоборствующие стороны приписывали себе победу.

Затем последовали многочисленные сражения, в которых М.И. Платов командовал авангардом и арьергардом русской армии, мужество и героизм донских казачьих полков получили широкую известность в России и Европе. За военные кампании генерал-лейтенант М.И. Платов был пожалован 13 (25) апреля 1807 г. алмазными знаками к ордену Св. Александра Невского, а 22 ноября (4 декабря) 1807 г. «за войну с французами» – орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-го класса (№36). Король Пруссии Фридрих Вильгельм III пожаловал ордена Черного и Красного Орла, Золотую табакерку с портретом Его Величества и монограммой, украшенной драгоценными камнями.

С 13 (25) июня по 25 июня (7 июля) 1807 г. состоялись переговоры и подписание Тильзитского мирного договора между Французской империей и Российской империей. Среди известных русских генералов в свите императора Александра I состоял генерал-лейтенант, атаман Донского войска М.И. Платов. Наряду с другими генералами он был представлен Наполеону Бонапарту.

Французский император удостоил донского атамана теплыми встречами и беседами о казаках, их военном искусстве. М.И. Платов в присутствии императора Александра I показал свое искусство стрельбы из лука. Наполеон был в восторге, подарил атаману золотую табакерку, украшенную бриллиантами. Чтобы не остаться в долгу, М.И. Платов преподнес императору французов свой лук, из которого недавно стрелял, и сайдак (колчан для стрел).

На совместных русско-французских смотрах и учениях в присутствии высочайших особ и свиты М.И. Платов неоднократно показывал свое военное мастерство и донских казаков. Император Наполеон наградил его орденом Почетного Легиона, от которого он вежливо отказался, заявив: «За что меня награждать? Ведь я ему не служил и служить не могу никогда! Служу верой и правдой моему природному Государю! И никогда ему ни в чем не изменял!».

Мир, установившийся в Европе, позволил императору Александру I усилить внимание к событиям, протекавшим на фронтах Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В марте 1809 г. возобновились боевые действия, остановленные по требованию императора французов Наполеона Бонапарта и по условиям Тильзитского мира. Генерал-лейтенант М.И. Платов прибыл в Молдавскую армию в апреле 1809 г., отличился при м. Бабады, крепостях Гирсово, Рассеват, Бабадаг и Браилов. Император произвел донского атамана 29 сентября (9 октября) 1809 г. в генера-

лы от кавалерии и пожаловал орден Св. Владимира 1-й степени и золотую табакерку, украшенную бриллиантами и собственным портретом.

Начало Отечественной войны 1812 г. генерал от кавалерии М.И. Платов встретил 12 (24) июня в составе Первой Западной армии под командованием генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли в должности командира Казачьего корпуса. Одновременно он оставался начальником всех казачьих войск на театре военных действий. М.И. Платов с донскими казаками активно участвовал в арьергардных сражениях при городах Новогрудке, Корелищах, Мире, Романове, Смоленске, Духовщине, был отстранен от командования арьергардом и вновь вернулся на поле сражения при Бородино.

В Бородинском сражении отличился на правом фланге русской армии, корпус М.И. Платова совместно с кавалерийским корпусом Ф.П. Уварова совершили рейд в тыл противника, в результате император французов вынужден был остановить более чем на два часа наступление своей армии.

Далее с прибывшими с Дона в октябре казачьими полками преследовал неприятеля от Москвы до Немана, были блестящие победы при Тарутине, Малоярославце, Медыне, Колоцком монастыре, Гжатске, Духовщине, Смоленске, Борисове, Березине, Вильно, Ковно... 29 октября (10 ноября) 1812 г. император Александр I возвел генерала от кавалерии, войскового атамана Донского войска со всем нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство. 14–15 (26–27) декабря 1812 г. донские казаки под командованием М.И. Платова первыми перешли государственную границу Российской империи, началось освобождение Восточной Пруссии и Польши, и далее Европы от наполеоновского господства.

Во время кампании 1812 г. донские казаки захватили более 30 знамен, 546 пушек, взяли в плен до 70 000 солдат и офицеров противника. В Высочайшем рескрипте императора Александра I на имя войскового атамана Войска Донского генерала от кавалерии графа М.И. Платова по случаю изгнания французов из пределов России подчеркивалось: «Вы собственным Вашим лицом и вообще все Войско Донское, много участвуете во славе истребления врагов и в спасении от них Отечества. Заслуги Ваши и подвиги подначальных Вам казачьих войск пребудут незабвенны. Имя их сделалось страшно неприятелю».

В заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. донской атаман состоял при Главной квартире императора Александра I, участвовал в крупнейших сражениях 4–7 (16–19) октября при Лейпциге, за что награжден орденом Св. Апостола Андрея Первозванного. За взятие Альтенбурга и освобождение немецких княжеств император Александр I пожаловал во Франкфурте-на-Майне донскому атаману бриллиантовое перо для ношения на шапке с вензелевым именем и лаврами. От имени императора бесценный подарок генералу от кавалерии графу М.И. Платову вручил главный начальник императорской канцелярии генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев.

После блестящего взятия городов Немура, Арси-сюр-Оба, Сезанна император Александр I отозвал графа М.И. Платова в Главную квартиру, при которой он находился до окончания военных действий, а 19 (31) марта 1814 г. в составе русской армии вошел в Париж.

25 мая (6 июня) – 15 (27) июня 1814 г. граф М.И. Платов сопровождал императора Александра I в Лондон. Войсковой атаман пользовался широким вниманием англичан. Его подвиги, экзотическая внешность, одежда – все вызывало неудержимое любопытство и восхищение. По решению общего собрания Думы г. Лондона М.И. Платову была пожалована сабля в драгоценной оправе, Оксфордский университет преподнес почетный диплом доктора права, принц-регент Георг IV пожаловал свой портрет, украшенный бриллиантами. В ответ М.И. Платов подарил принцу-регенту своего коня (по имени Леонид), бывшего с атаманом во всех походах с 1806 г. и приплывшего с ним в Лондон. Лучшие художники Англии писали портреты графа М.И. Платова, многие вошли в Королевское и частные музейные собрания, стали достоянием широкой общественности.

После отплытия императора Александра I из Лондона в Россию, граф М.И. Платов оставался с разрешения государя еще несколько дней в Великобритании. Затем в середине июля 1814 г. отбыл в Главную квартиру генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли в Варшаве.

20 июня (1 июля) 1816 г. вышел рескрипт, позволяющий войсковому атаману, генералу от кавалерии графу М.И. Платову, возвратиться на Дон. Но только 26 сентября (7 октября) 1816 г. он

прибыл в Новочеркасск. Между Варшавой и Новочеркасском были знаменитые «100 дней Наполеона», сборы 10 казачьих полков на Дону и выставление их в местечко Радзивиллов для выхода за границу и казачьих полков с Западной границы во Францию, 15 (27) июня 1815 г. сражение при Ватерлоо, к которому казаки не успели на несколько конных переходов, многомесячный блестящий Петербург в кругу императорской фамилии, соратников и друзей, заботы о семье, Донском войске и новой столице – Новочеркасске. Путь домой пролегал по давно известной дороге – из Петербурга в Москву, далее Воронеж, первая донская станица Казанская и Новочеркасск.

Конец 1816 – весь 1817 г. прошли в постоянных приемах, мероприятиях, встречах с депутациями от станиц и округов, переписке с членами императорской фамилии, обустройстве Новочеркаска и его присутственных мест, заботах о раненых и семьях погибших казаков, других важных и повседневных делах. Последние месяцы 1817 г. М.И. Платов из-за плохого самочувствия почти не покидал Мишкинский загородный дом. В конце декабря 1817 г. он выехал в свое имение в слободе Мокрый Еланчик под Таганрогом (Таганрогское градоначальство), где 3 (16) января 1818 г. скончался. Гроб с телом атамана доставили в Мишкинский загородный дом. Январь стоял морозный и снежный. В глубоких сугробах от самого дома до строящегося каменного Вознесенского собора в Новочеркасске расчистили дорогу. Рядом обустроили склеп. По ней 10 января 1818 г. боевые соратники атамана пронесли гроб с его телом к склепу, где погребли его с подобающими почестями.

Граф М.И. Платов и донские казаки совершали многочисленные подвиги благочестия. Они пожертвовали 40 пудов серебра на изготовление 4 Евангелистов для строящегося Казанского собора в Петербурге, 10 пудов серебра и 20 тысяч рублей для Ставропигиального Донского мужского монастыря в Москве, возвращали отбитое у французов церковное серебро и утварь в ограбленные противником храмы. В 1816 г. войсковой атаман внес 20 000 рублей на возведение храма Вознесения Господне в Новочеркасске и на собственные средства в 1811 г. заложил и построил храм Вознесения Господне в слободе Мокрый Еланчик, освященный 15 (27) мая 1819 г.

На Фоминой неделе, в апреле 1875 г. в хутор Мишкин прах атамана М.И. Платова был перенесен из Новочеркаска от строившегося и дважды обрушившегося храма Вознесения Господне. Он помещен в храм Рождества Пресвятой Богородицы, возведенный в 1855–1865 гг. по проекту архитектора академика Ивана Осиповича Вальпреде. Сюда же был доставлен и памятник-надгробие атаману М.И. Платову с места его первого захоронения возле строящегося каменного собора в Новочеркасске.

В 1867 г. в храме Рождества Пресвятой Богородицы был обустроен склеп по проекту генерал-майора Александра Гавриловича Реми (генерал для особых поручений при войсковом наказном атамане генерале от кавалерии М.Г. Хомутове). Склеп стал семейной усыпальницей Платовых. Прах М.И. Платова покоился в усыпальнице до 1911 г. В связи с подготовкой к 100-летию Отечественной войны 1812 г. останки донского героя перенесли в Новочеркасск и перезахоронили 4 октября 1911 г. с воинскими почестями в усыпальнице Войскового кафедрального собора Вознесения Господне.

Генерал от кавалерии, войсковой атаман Донского войска граф М.И. Платов при жизни стал легендой, многие выдающиеся русские и иностранные полководцы за честь считали воевать под его командованием, рядом с ним или против него. Об атамане писали в русских и европейских газетах, пели песни, рассказывали анекдоты, личность обрастала мифами и сказами. В исторической и народной памяти войсковой атаман является примером беззаветного служения Родине, его крылатые слова: «Честь дороже жизни» стали девизом Донского войска. Современное казачество России поддерживает и развивает платовские традиции.

*А.И. Агафонов,
доктор исторических наук, профессор,
Донской государственной технической университет*

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2023-3-133-136

**Покровский Н.Н. Письма и воспоминания / отв. ред. Н.П. Матханова,
Л.В. Титова. СПб.: Нестор-История, 2022. 716 с.**

Николай Александрович Мининков

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

namininkov@sfedu.ru

Для цитирования: Мининков Н.А. – Покровский Н.Н. Письма и воспоминания / отв. ред. Н.П. Матханова, Л.В. Титова. СПб.: Нестор-История, 2022. 716 с. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 3. С. 133–136.

Book Review

**Pokrovsky N.N. Letters and memoirs. Ed. by N.P. Matkhanova, L.V. Titova.
St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2022. 716 p.**

Nikolay A. Mininkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

namininkov@sfedu.ru

For citation: Mininkov N.A. – Pokrovsky N.N. Letters and memoirs. Ed. by N.P. Matkhanova, L.V. Titova. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2022. 716 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2023;(3):133-136. (In Russ.).

Одно из видимых направлений в развитии современной отечественной культуры – интерес к историку, его личности и деятельности. На это указывают специальные исследования, а также публикации материалов, в том числе разнообразных эго-документов. Среди них выделяется вышедший в свет в прошлом году сборник писем и воспоминаний Н.Н. Покровского, включающий относящиеся к нему материалы.

Сборник был подготовлен сотрудниками сектора археографии Сибирского отделения РАН, где Н.Н. Покровский проработал в течение многих лет, являлся организатором ряда археографических экспедиций, общим результатом которых стало археографическое открытие Сибири, а также исследование урало-сибирского старообрядчества, массовых народных движений XVII – XVIII вв., отношений между государством и православной церковью в первые годы советской власти. Являясь учеником выдающегося историка, академика М.Н. Тихомирова, Н.Н. Покровский не ограничивался научно-исследовательской работой, всегда был в гуще общественной жизни, живо откликался на актуальные события и подвергался репрессиям по известному «делу историков» 1957–1958 гг.

Все это свидетельствует о масштабе его личности, о том, что его воспоминания и письма, а также воспоминания о нем и относящиеся к нему документы позволяют более полно, конкретно и глубоко уяснить положение в исторической науке во второй половине прошлого и в начале нынешнего века, общее состояние советского и российского общества на этом исключительно сложном этапе истории. Конечно же, заметен большой интерес его к родному городу Ростову-на-Дону, посещать который он даже за последние годы своей жизни старался регулярно, в

период своих отпусков, где останавливался у своей сестры С.Н. Покровской. И вместе с тем значение мемуаров и эпистолярного материала, как справедливо подчеркивают составители, «позволяет проследить процесс становления интеллектуального лидера, формирования его профессиональных и личностных качеств», т. е. являются в первую очередь источником, раскрывающим особенности личности и деятельности самого ученого.

Сборник открывается предисловием, представляющим собой самостоятельную научную ценность в свете того, что вплоть до настоящего времени в нем содержится наиболее полное изложение жизни и деятельности Н.Н. Покровского с выделением основных ее этапов. Кроме того, в нем дается глубокая источниковедческая характеристика воспоминаний выдающегося историка и его переписки с разными лицами, с анализом особенностей этих материалов по сравнению с аналогичными материалами других историков.

К таким особенностям отнесен прежде всего процесс создания авторских воспоминаний, поскольку они представляли собой запись устной речи Н.Н. Покровского, а также его старшей сестры С.Н. Покровской. Запись устных воспоминаний – особая форма мемуаротворчества. Во всяком случае, в процессе устной речи, которая дается под запись, в присутствии лица, задающего вопросы, у мемуариста меньше возможностей для обдумывания и редактирования, поэтому изложение событий получается более непосредственным, чем при обычном написании мемуаристом текста. Такая непосредственность сохраняется даже после неизбежной при подготовке публикации авторской редакции. Это обстоятельство порождает более доверительное отношение к тексту. В качестве другой особенности была указана содержательная, поскольку составители сборника приняли решение ограничить хронологию публикации эпистолярного наследия Н.Н. Покровского 1975 г., объясняя это изменением его общественного статуса.

Привлекает общий источниковедческий анализ материалов, предложенный составителями. В нем обращалось внимание на необходимость учета особенностей конкретных писем Н.Н. Покровского, его адресатов и условий их появления. Так, подчеркивается, что информация о мордовском лагере в письмах его родным не вполне достоверная. В них не говорится о принудительном труде и бытовых условиях, поскольку неизбежно была передача «посторонним» для чтения писем заключенных, а также стремление не расстраивать свою мать Т.А. Прасолову. Все это совершенно справедливо, и нацеливает исследователя на выявление внутренних смыслов в текстах эго-документов историка. При этом составители отметили, что уже в ранних письмах Н.Н. Покровского хорошо прослеживается «дух свободомыслия», являвшийся неотъемлемой чертой его личности.

Между тем наблюдение это над письмами Н.Н. Покровского очень интересно в том отношении, что оно позволяет наглядно представить, какую эволюцию переживало мировоззрение отечественной интеллектуальной среды, в частности представителей гуманитарного научного знания, от поколения к поколению по мере развертывания внутреннего кризиса советского строя. Так, вышедшие в свет в том же 2022 г. воспоминания академика М.Н. Тихомирова свидетельствуют, что этот выдающийся ученый был еще по своим убеждениям вполне советским человеком. Но уже Н.Н. Покровский, его ученик, даже в молодые годы критически воспринимал окружающую действительность, далеко не случайно пришел к критике официальной идеологии, оказался в 1957 г. под катком репрессий и стал политзаключенным.

В свете современного повышенного внимания к истории повседневности воспоминания Н.Н. Покровского и С.Н. Покровской могут дать историку советского общества очень многое. Это сведения о жизни молодых людей в довоенном и послевоенном Ростове и быт ростовской окраины (Богатыновки), обстановка на Северном Кавказе и в Закавказье в период Великой Отечественной войны, средняя школа в Ростове и в эвакуации в Ереване, жизнь студента МГУ с ее интенсивной академической работой и формами общественного и культурного досуга и, наконец, становление новосибирского научного центра и начало археографического изучения Сибири.

И как бы мимоходом среди всей этой жизненной и бытовой повседневности, подававшейся в форме распространенной в мемуарах «мозаики миниатюр», проходят известные события, относящиеся к жизни советского общества за послевоенный период и в последние годы нахождения Сталина у власти. Это такие как неясность обстоятельств кончины в 1946 г. в Ростове отца

Н.Н. Покровского, профессора и первого декана исторического факультета Ростовского государственного университета Н.И. Покровского, кампания борьбы с космополитизмом, положительные изменения в общественной жизни после смерти Сталина, а также страх партийного и государственного руководства перед оживлением общества, который вел к новому витку репрессий против почувствовавшей свободу части советской интеллигенции.

Разнообразие сюжетов прошлого, раскрытых в воспоминаниях, оживлено образами людей, с которыми Н.Н. Покровскому довелось встретиться за свою богатую событиями жизнь. С огромной теплотой он говорил о своих родителях, об учителях и наставниках, прежде всего о своем научном руководителе академике М.Н. Тихомирове, в котором за внешней строгостью скрывался исключительно внимательный к людям человек и замечательный педагог. Тем самым воспоминания Н.Н. Покровского вносят существенное дополнение в образ этого выдающегося советского ученого, который предстает из его собственных мемуаров. Это также штрихи к портретам целого ряда историков из Москвы, своих сотрудников из Новосибирска, благодаря работе которых сибирское архивоведение выдвинулось на ведущее место в стране, и которые достойно продолжают традиции археографической работы, заложенные при Н.Н. Покровском.

Конечно же, на жизненном пути выдающегося ученого попадались разные люди, в том числе и те, которые проявляли активность в репрессивных и «проработочных» кампаниях, которые способствовали аресту его в 1957 г. и шестилетнему пребыванию в лагере. Однако, что характерно, таких людей Н.Н. Покровский не называл. Лишь в воспоминаниях С.Н. Покровской один из таких персонажей, известный в университете, сотрудничавший с органами и засветившийся в Ростове при защите одной из диссертаций, был обозначен инициалами «С.Ф.Ш.».

Отдельно от основного массива воспоминаний Н.Н. Покровского приведены краткие его воспоминания об историках, с которыми у него были близкие отношения. Это, помимо М.Н. Тихомирова, были П.А. Зайончковский, Н.Я. Эйдельман, А.А. Зимин, а также историки Новосибирского государственного университета. Во всех этих очерках он подчеркивал особенности их творчества и вклада в науку. Несомненно, что читатель, знакомый с мемуарами историков советского времени, не может не обратить внимание на очень добрый отзыв Н.Н. Покровского об А.А. Зимине и его творчестве, в том числе о книге «Витязь на распутье», и подумает об одном ярко выраженном контрасте в воспоминаниях обоих этих авторов...

Также вне основного блока воспоминаний приведены краткие воспоминания о «деле историков», которые давались через много лет после самих событий, уже после крушения коммунистического режима. Рассматривая с высоты прожитых лет действия единомышленников, осужденных по этому делу, Н.Н. Покровский правомерно указывал на стремление их «разобраться в механизме крушения России», но в то же время на их приверженность старым методам борьбы, когда был взят «курс на подпольный союз с жесткой дисциплиной, с непререкаемым авторитетом “вождей”». В условиях, когда советская модель ушла в прошлое, недостатки построения такой организации были хорошо заметны, что справедливо отметил Н.Н. Покровский.

Не меньший интерес должны вызвать приложения, в которые составители включили ряд документальных и нарративных материалов. К первым относились отзывы на разные труды Н.Н. Покровского, на дипломную работу и на кандидатскую диссертацию М.Н. Тихомирова, а также на монографию Д.С. Лихачева. Ко вторым – статьи Н.Н. Покровского, написанные им в период работы в Суздальском музее-заповеднике в 1964–1965 гг., одна из которых, «Соломония Сабурова», сохранилась в рукописи. А две других, «Ими гордились бы музеи мира» и «Листая стрелецкие приказы», публиковались в 1964–1965 гг. во владимирской областной газете «Призыв». При этом последняя из статей, получившая нелепое, по характеристике самого Н.Н. Покровского, название, данное редакцией газеты, в которой слово «приказ» поняли как документ, но не как учреждение, рассказывала об одном из интересных сборников Суздальского музея конца XVII в. о повседневных делах Стрелецкого приказа. По существу, публикация этой статьи в данном издании сделала доступным и эту статью, и сведения о сборнике из музея в Суздале.

Особо следует отметить огромную и исключительно тщательную работу редколлегии сборника над примечаниями ко всем материалам, благодаря которой читатель получит необходи-

мые для более полного и глубокого понимания публикуемых текстов пояснения. В результате опубликован важный источник по истории исторической науки советского времени, жизни и быта советского общества, а для более широкого круга заинтересованных читателей раскрывается панорама жизни Советского государства в свете ее восприятия одним из российских интеллектуалов середины – второй половины прошлого века.

Информация об авторе

Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

N.A. Mininkov – Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations.

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 22.09.2023. Выход в свет 25.09.2023.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 16,67. Тираж 250 экз. Заказ № 9155

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print September 22, 2023. Publication September 25, 2023.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 15.81. Publ. sign. 16.67. Edition 250 copies. Order number 9155

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2023-3.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2023. № 3